

ВОЛЖСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ В.Н. ТАТИЩЕВА

МЕЖДУ
СТРОК

ВЫПУСК 8

ПРЕДИСЛОВИЕ

Здравствуйтесь, дорогие друзья!

Разрешите приветствовать вас на страницах нашего традиционного сборника любителей литературы «Между строк», очередного выхода которого, мы надеемся, с нетерпением ждали не только его авторы, но и многочисленные читатели нашего сборника.

Это сборник выпускается под эгидой Волжского университета им. В.Н. Татищева, поэтому особую признательность и благодарность мы хотим выразить ректору университета, профессору, доктору юридических наук В.А. Якушину, который, несмотря на трудные времена, переживаемые университетом, неизменно оказывает нам поддержку в этом важном деле.

Мы также рады констатировать факт, что литературный процесс не только не утихает, напротив, он приобретает все более и более широкий размах, к традиционным авторам сборника присоединяются все новые и новые авторы, как из России, так и из зарубежных стран, мы рады, что наш сборник становится тем литературным форумом, на котором появляются новые имена, проявляются таланты, бьется живая мысль, появляется разнообразие литературных форм и литературных сюжетов, раскрывается богатый внутренний мир авторов и героев их произведений, а это значит, что художественный, философский, этический, эмоциональный потенциал участников сборника, продолжает расти, и они дарят читателям свои миры, заставляют думать и сопереживать.

Думаем, что это сборник станет очередной вехой в становлении и развитии всех неравнодушных к литературе авторов и вызовет неизменный читательский интерес.

Спасибо всем, за участие в сборнике!

Вадим Карлов, доцент кафедры
«Уголовное право и процесс» Волжского университета
имени В.Н. Татищева, кандидат юридических наук

Карлов Вадим

Доцент кафедры «Уголовное право и процесс» Волжского университета имени В.Н. Татищева, кандидат юридических наук.

Карлов Вадим Петрович родился 07.09.1964 г. уже в г. Тольятти, ранее именовавшимся Ставрополем-на-Волге, который только за месяц до этого обрёл новое имя.

И как представляется уже взгляду издалека, не только в связи с изменением географии местонахождения, но и в связи с изменением вектора своего развития, может быть поэтому, сохраняя духовную связь со своей родиной, поэзия автора, воспитанного на культуре ушедших эпох, отличается эпохальными мотивами изменений и преобразований во всех сферах деятельности и одновременно интуитивно и образно выраженной связью с ментальностью высоких образцов культуры, с проникновением в эстетическую суть действительности. Всё это позволяет придавать лексике новый, неповторимый свет и создавать собственный язык, не повторяющий никого из ранее существовавших и ныне живущих поэтов, подтверждением чему являются два мощных по своей духовной энергетике сборника "Форма соучастия" и "Иносказание".

Автор не только передает образы языковыми средствами, но и вызывает работу тонких духовных структур читателя, который из прочитанного формирует свой собственный мир и свои собственные образы, свои собственные смыслы.

В этом, безусловно, сыграли свою роль и профессиональная деятельность автора в качестве судьи, и его преподавательская деятельность, и его научно-познавательная деятельность, которая отмечена степенью кандидата юридических наук.

Таковы истоки и такова поэзия Вадима Карлова, наследника высоких духовных традиций и одновременно автора нового и неповторимого поэтического слова, и слога.

Звон

Иду, иду по бездорожью,
за голенищем витый кнут,
а за плечом с беззвучной дрожью
гитара жмет к лопаткам жгут.

Вдали, вдали фата Моргана
мне свой показывает лик,
намеков полон и обмана
ее немой призывный клик.

Герой какой же я эпохи,
каких былых участник смут,
мне выдает лишь память крохи
о том, какой гремел салют.

Кнутом стегаю корневища
древесных пастбищ вдоль дорог,
а мимо шествуют жилища,
храня беспмятство тревог.

И звон унывный раздается
гитарной лопнувшей струны,
и он когда-то отзовется
в стенах покинутой страны....

Когда

Когда молчат и трубы и валторны,
когда храм совести закрыт, и главный вход
возле себя скопил и хор и горны
и ждет в терпении открытия народ,
его приветствуют привычные печали
и раздаются вновь утешные слова,
и с гордым профилем чеканятся медали,
от них кругами ходит голова,
в которой множатся опасные вопросы
и все октавы подают свой глас,
в них не ответов звук, а звук угрозы,
а маятник качается анфас...

Участь

На берегу какого моря
нашел пристанище "Арго"?
уплыли в прошлое просторы,
исчезло в будущем руно.

Теперь забыт он и разрушен,
его бортов коснулся тлен,
и парус ветру непослушен,
и долу тянет тяжкий крен.

Ему донныне неизвестно,

что он воспет строкой в веках,
лишь на песчаном ложе тесно
и нету проку в якорях.

И по ночам от наважденья
ему не спится до зари,
он вспоминает те мгновенья,
когда гребцы его несли.

А жаркий ветер из пустыни
ему приносит утром весть,
что он еще в подлунном мире,
хотя забыт, но все же здесь...

Цветы зимы

Цветы зимы моей туманной
в покое дремлют, снежный плен
покинул их, в тоске неожиданной
они встречают серый день.

Затихли зимние зарницы,
и неба сумрачная степь
простерлась, будто плащаница,
открыв непрошенную весть.

В ней лик прошедшего угадан,
не он ли, тёмн и уныл
курит сырой и дымный ладан
и мокрым смогом зиму скрыл?

Не он ли в зависти и злобе
смешал примет привычный ряд
и как алхимик в мутной колбе
творит свой странный артефакт?

Но мы живем, живем надеждой
на торжество цветов зимы,
на то, что будет все как прежде
и нас минует царство тьмы...

Стигмат

На всех стоит какое-то клеймо,
как знак отличия оно дано нам свыше,
но нам его понять не суждено,
как не понять Ли-Бо и таинства двестишый.

Мы узнаем друг друга по клейму,
печати страха, страсти и страданий,
и помнит каждый про суму и про тюрьму,
и знает каждый о неверности признаний.

Какая грустная, нелепая судьба
носить стигмат, не зная алфавита,
не зная слов забытого письма,
не зная что же в профиле отлито..

Диссонанс

На агору стремится душа,
ей тесна музыкальная школа,
ей наскучила нотная флора,
ей приятней под знаком ковша.

Ей приятен тот трепет толпы,
вызывающий смутные чувства
то ли счастья, а то ли безумства,
бестолковый поток суеты.

Ах, да если бы правда ходил
в музыкальную школу, но в детстве
не случилось им быть по соседству
и не встретился звучный кумир.

И с агорой непросто теперь,
голос тонет в подобиях речи,
слышны всплески упавших наречий,
да промокших предлогов капель...

Флинт

Придуман Флинт, придуман попугай,
морское братство сгнуло в просторах
былых морей, где был когда-то рай
с водою в травянистых мельхиорах.

Джон Сильвер - обходительный кабак,
там ночью провести неплохо время,
и вряд ли забредет туда варнак,
иное необузданное племя.

А в мире тьма, и ночь, покинув ад,
набросив капюшон с картины Мунка
вокруг него свой чествует парад
и выпивает медленно все звуки.

Она пират и грозный абордаж
готовит, чтобы в полночь, в полнолуние
всем показать убийственный винтаж,
схватить добычу в сумрачном безумье.

Наверное, он все же не фантом,
не плод литературного угара,
и с попугаем где-то рядом дом
и ром ямайский холит свои чары...

Коварство

В пределах городских доступной
Ойкумены затворничество лучший твой удел,
оно оплот, кумир и символ веры,
и в нем вершится главное из дел.

Как Дон Кихот, воспитанник романов,
ты в одиночестве свой пестуешь порыв,
ты гений из случившихся смутьянов
и дом твой будто остров Тенериф.

Стада прохожих шествуют трусливо,
не смея посмотреть в твое окно
и прячут взгляд, скрываясь суетливо
в пространство, где за них все решено.

А ты затворник, пленник совершенства,
пытаешься унять злоречья дрожь,
а Ойкумена, полная кокетства,
на всякий случай прячет в платье нож...

На грани добра ...без зла

Там, где 451 градус по Фаренгейту,
где сливается граница добра и зла,
каждый нарушит свою омерту,
сколь велика ни была бы за это цена.

Там, где подсолнухи растут с зеркалами,
где отражается каждый и жест и звук,
там где под почвой бушует пламя,
там, только там твой найдется и брат и друг.

Он тебе руки протянет на выбор,
левую, правую, выбирай быстрее,
помни, что это не ставка либор,
помни, что ты стоишь у дверей.

В ад или в рай, или у жерла бездны?
там, где сердечный прервется стук,
помнишь, омерта закон вселенной?
ты промолчишь или скажешь вслух?

Ты промолчишь или крикнешь в эхо,
и оно в 451-й раз
расскажет тебе про жизнь человека,
который не знает, что у него был шанс?

Там, где нет слова, кричать труднее,
там где не слышат, зачем же звук?
Но ты говори, говори смелее,
попадая в 451-й сердечный стук...

Теплоход

Все дальше отплывает теплоход, оставляя пристань с ее единственным достоянием-сентиментальными воспоминаниями, вдали, как одинокий парус, белеет его дым, который тут же превращается в тающие на глазах белые лоскуты. А провожающих на пристани нет, вообще иногда кажется, что ничего нет и не было, и никому это не надо, а сентиментальные воспоминания нужны только для того, чтобы найти обратную дорогу к дому, когда окончательно стемнеет. Когда-то приснился сон, некто выговаривал мне за утрату времени, я пытался оправдываться утратой матери, но некто был неумолим, он считал, что мать выполнила свою роль, теперь моя очередь. Следить за временем. Да, воспоминания. Интересно, а кто-то еще, кроме меня, мучается ими? Должно быть да, все мы одинаковы. В чем-то. Но почему мне всегда кажется, что я один? Наверное потому, что теплоход уже почти не виден?

Реестр

Все что-то празднуют и все вовлечены
в реестр обязательных событий,
года и месяцы на них разделены
и среди них нет места для открытий.

И в срок назначенный привычный нам гештальт востребует и помыслы и чувства,
и следом зазвучит привычный альт,
нас зазывающий на ложе от Прокруста.

И мы не замечаем, что закат
окрашен отблеском костра Джордано Бруно,
приятен нам Булгаковский Пилат,
и неприятна правда Унамуно.

И все надеются, что прошлому итог
подводят праздники и просто время года,
и что грядет счастливый эпилог,
и что закат пристанище восхода.

Привычно жить под бременем судьбы,
когда этап наследует этапу,
когда все меры веса и длины
тебе известны, как и карты крапу...

Фиеста в сабвее

Заброшен в книжный шкаф Хемингуэй,
до времени упрятана "Фиеста",
на Яндекске свирепствует ди-джей,
и не найти нигде пустого места.

Представлю, что в Нью-Йорке я, в сабвее,
хочет раззадоренный металл,
тут сразу забываешь о ди-дjee
и жизнь мелькает, будто карнавал.

И запросто садится рядом кресло

Боб Марли щуплый, семечки грызет,
из банки пиво пьет, холодный Гессен,
и что-то сам себе под нос поет.

А я читаю комиксы в газете
и никому нет дела до меня,
и думаю о спрятанной Фиесте,
себя за антиномию кляня.

А Боб махнул на ближней остановке,
оставив недогрызенный пакет,
а я в окно орал ему вдогонку,
пока, не унывай, семье привет!

Быть может, и я повзрслею?

Возможно, что я повзрслею,
возрсь удивленно на жизнь
наивность в себе одолею
и холить начну реализм.
Возможно, ты правильно спросишь-
и что ты хотел доказать
Подумаешь, скучная повесть
о том, как не встретилаь страсть?
Да нет, и совсем не о встрече
со скопищем вспугнутых чувств
затеять хотел бы я вече,
а суд над разбоем безумств
Взрслеть? Это ты - то врслеешь?
Ты тронулся видно, старик,
ты если в свой паспорт полезешь,
таблетку клади под язык.
Насмешница (с кем я болтаю?),
жестокость твоя мне мила,
конечно, конечно я знаю,
какая "подростку" цена
И все же, я истину эту
тебе безвозмездно дарю
врслеть не зазорно поэту,
в любую глухую пору

Эксперимент

Обитать в первобытной пещере
соглашусь без особых проблем,
это просто, привыкшие к вере
не хотят разрешать теорем.

По душе архаический сумрак
и глаза ветхо-давних зверей,
вот попробуй-ка выжить там, умник,
без еды, без судьбы, без дверей.

Без особой заботы о завтра,
ни вчера, и сегодня ведь нет,
воду пьешь из следов динозавра
и на скалах всем пишешь "привет".

Как-то странно и мыслить о жизни
там, где жизнь лишь восход и закат,
а измученный голодом гризли
твой вдыхает густой аромат.

Вот и пишешь на стенах пещеры
беспольный для предков дневник,
о достоинствах знаний и веры
в самый краткий для времени миг.

Призрачный чертеж

В эскизах города я заблудился,
кругом мне незнакомые дома,
ни Черной речки нет, как нет и Стикса,
зато есть все, чтобы сойти с ума.

Здесь не было полей Аустерлица,
здесь вряд ли кто слышал про Карфаген,
лишь только мне с утра до ночи мнится
как двигаются стрелки на Биг Бен.

Иду, минуя улицы, кварталы,
эскиз не превращается в чертеж,
лишь бдят внутриквартальные ангары,
чтоб я унес и истину, и ложь.

Огни в ночи ко мне не безразличны,
но стерегут прилежно свой уют,
и знаю, что для них не первый лишний,
которого здесь в гости не зовут.

А где-то, на далеком Кергелене,
в колонии пингвинов чтут гостей,
но сколько оборотов на Биг Бене
осталось для плутающих людей?

Уже Бернстайн раздал свои уроки
для новых поколений, новых стен,
а я плутаю в городе, где сроки
не отмеряет дальний мне Биг Бен...

**Рецензия на картину
АЛЛЫ ШАКЛЕИНЫ.
Живопись наших современников**

Тишина

В наше время вряд ли кого можно удивить пейзажем. Но художник, который сам не перестает удивляться радостному разнообразию жизни, не перестает удивлять и ценителей искусства, и почитателей таланта автора. Сюжет этого полотна построен на приятных глазу контрастах, мы видим и "...берез изглоданные костью"(С. Есенин), и вечно зеленые, густые, в одеяниях из сочной хвои сосны, в коре из охры, они и окружающий рельеф напоминают нам о девственных лесах Владимира, где начиналась Русь первопрестольная, цветковые отблески снега, наста, облачная синева неба передают нам морозную легкость и свежесть, синеватая дымка в перспективе, окутывающая устремленные к небу деревья, говорит нам, что мороз нешуточный, а где-то в вышине видны снежинки, но возникает полное впечатление, что мы видим звезды, ни ветерка, ни зверя, ни человека. Перед нами предстает тишина. Тишина природы, тишина бытия. Именно так „ Тишина“ автор и назвала свое полотно. Прислушаемся к этой тишине, что мы услышим? Пусть каждый сам прочувствует и расскажет нам об этом...

Николай Сальников

Писатель, поэт, сказочник, историк, исследователь русского языка, экскурсовод, путешественник.

В литературе и искусстве есть только одна реальность и это «Эмоциональный реализм». Если под музыку не танцуют, то это не музыка (с). Если литература не трогает эмоции, то это не литература, которая уместилась у него на шести сотках.

Простое стихотворение о любви

Сядет синица на подоконник,
требуя корма, нервируя кошку.
Синица для кошки – форменный тоник.
Кошка ляжет поближе к окошку.
За окнами ветер и листопада
танцы яркие на фоне неба.
Клёна горит среди парка лампада.
Старушка сыпет крошево хлеба
крикливым чайкам на взморье и дюны
рвутся к дороге, но сосны на страже.
И мы на скамейке, пьяны и юны,
боимся касаний. В любовном раже
смотрим на волны, воображая
такие безумства на фоне сосен.
В шаге от счастья. В минуте от рая.
Не видя, как мир пожирает осень.

Плачет мама. Вздрагивают плечи.
Свет неяркий сгинул в бездну штор.
Ночь скользнула сумеркам навстречу
и бормочет свой бессвязный вздор.
Плачет мама. Мир ныряет в космос.
Звёздный свет несётся через тьму.
Телефонный зуммер режет голос,
разметая звуки на ветру.
Плачет мама. Годы как пружина
сжались, и, поди, их разожми.
Календарь – бездушная машина
отрывает прожитые дни.
Плачет мама. Как брильянты слёзы.
В каждой память и за каждой боль.
В них и детства сладостные грёзы,
и печалей старости юдоль.
Плачет мама. Мама, дорогая,
слёзы эти – райская роса.
Боги, мама, с нами в жизнь играют.
Ждут за жизнью счастья паруса.

Я должен вам сказать, что осень на дворе,
что ветер за окном и непогода в мире,
что в парке клён горит как шапка на воре,
что бродят сквозняки в моей пустой квартире.
Что сам живу теперь без цели и надежд,
без планов на уикенд, без посиделок в пабе.
Всё чаще прячусь я за шторой сжатых вежд,
как прячут небеса луну в промозглой хляби.
Я должен вам сказать, что вы, любовь моя,
мелькнули как звезда, сиянием обмана,
и скрылись от меня за дальние моря
и вот (который год), на сердце ноет рана.
И эта боль теперь – отравы для иных,
пришедших излечить от сентября метели,
бинтами светлыми своих волос льняных
и страстью юных тел на алтаре-постели.

Загораются звёзды и дарят нам свет.
И мы счастливы в свете сияющей плазмы.
И всё кажется нам, в мраке космоса нет
ничего кроме света далёкого, раз мы
разглядели и приняли в сердце своё,
и души приоткрыли ему закоулки.
И согретое сердце от счастья поёт,
и в осенние парки берёт на прогулки
радость каждого дня. Негу летних ночей

украшая любовью, вином и свечами.
И не верится нам, что он вовсе ничей
этот свет заповедный, пленённый очами,
заключённый в молитвы полночной силки,
яркий пленник надежд о несбыточном чуде.
Мы рисуем его, взяв цветные мелки,
уповая, что вечно он с нами пребудет.

Протяни свою руку – потрогаешь звёзды.
Лёгким жестом руки запусти водокрут.
То, что в бездну ведут всех дорог наших вёрсты,
то ленивые духом, недобрые врут.
Размешай как в кастрюле небесные капли.
Кто там знает, как сложится сетка дорог?
По-над городом встали железные цапли
жёлтых башенных кранов, царапая бок
небесам предвечерним. В подбрюшьё дождливом
слёзы всех искушений пророчат апрель.
Выйди ночью из дома на берег залива,
захвати с собой пряный и бархатный эль.
И смотри как по глади скользят пароходы,
унося все печали с собой в океан,
и небесными каплями полные воды
лечат шрамы сердечных, невидимых ран.

Так долго жили врозь, что мой пиджак,
Не выдержав четвёртую химчистку,
Был сдан в утиль. Модель, сменив хористку,
Ушла в туман. Исчезла сеть Жан-Жак.
Сменились трижды цены на бензин.
Мы пропустили две олимпиады.
Открылся твой любимый магазин
В одном квартале. В моду гей-парады
Вот-вот войдут. Три храма на район,
Пятнадцать моек для автомобиля.
Таблоиды сменили весь неон,
Народу мозг без устали дебиля.
Так долго жили врозь, что круговерть
Житейской стыни стала общим местом.
Четыре раза приходила смерть,
Но отчего-то в белом как невеста.
Я выпил весь элитный алкоголь,
Что прежде наполнял утробу бара.
Я беден был, да так, что даже моль
Бежала от подобного кошмара.
Так долго жили врозь, что биржи крах
Короновал эпоху пашен тучных
И вдруг в решимость превратился страх
И пробудил меня для жизни лучшей.
Я стал спокойней, отпустил усы

И бороду, укрыв свой лик неброский.
Смирили колебания Весы
И в зиму стал легко читаться Бродский.
Так долго жили врозь, что суета
Погони за тобою пала оземь.
И я не я, и ты уже не та.
Лишь наши призраки бредут меж стылых сосен.

«Я Вас люблю», - как часто люди врут,
и как легко мы лжи напрасной верим.
Жить без любви – неблагодарный труд,
чуть цепь слабей, так разом, прочь, за двери.
Уж столько шрамов, а душа в обман
легко ныряет, дура, с головою.
А там туман, там чёрной лжи туман,
как вечный дождь над вечною Невою.
И сами мы, в ожогах прошлых ран,
кидаем в мир святые эти фразы.
И жертвой вдруг становится тиран,
что рассыпал любви поддельной стразы.
«Я Вас люблю», - согрей мою постель.
«Я Вас люблю», - укрой от лютой стужи.
«Я Вас люблю», - метёт страшна метель.
«Я Вас люблю», - спасите наши души.
Повсюду ложь. Посеянный обман
не даст ростков возвышенных и чистых,
но лишь умножит боль сердечных ран
трусливых жертв на эту ложь речистых.
Я тоже был средь армии лгунов,
и врал о чувствах искренне и смело,
пока приветом из далёких снов
твоей любовью сердце онемело.

Детали

Её нет. И никогда не было, и, возможно, никогда мне она не встретится. И всё-таки она есть. Есть, в сумме тех несовершенств, которые фрагментами своих соприкосновений с моей судьбой породили моё представление об идеальной любимой. Парадокс, но это только на первый взгляд. А если приглядеться, если вспомнить первый взгляд красивой замужней брюнетки, которую я увидел лишь однажды. Как она вкинула голову, отрываясь от губ своего мужа, как взглянула, как тень обещания страстных нег промелькнула в этом взгляде, чтобы тут же раствориться в лёгкой задумчивости, а надо ли ей всё это, сверх уже обрётённого. Если вспомнить летний ливень, под которым я шёл под руку с шикарной рыжеволосой девушкой.

Мы не спешили, мы отчаянно мокли под тёплыми струями ливня. Петровская набережная была пустынна. И это была самая тёплая ночь, самого холодного лета в Питере. Если вспомнить мои письма моей первой любви, с которой мы даже и не целовались. Сколько деланного равнодушия и жажды каждого последующего письма было в этом, как я гордился, что мне в армию пишет такая красотка.

Армия завершилась дембелем, первая любовь завершилась раньше. А может быть один единственный танец в далёком девяностом в ресторане Авача в Петропавловске с девушкой из-за соседнего столика, которая показала мне, что такое настоящая Ламбада. А может быть, всю свою жизнь я собирал эти пазлы, чтобы сказать в своих стихах и рассказах, что настоящее

совершенство есть. Что оно ждёт нас за следующим поворотом, что оно расставляет нам сети, и мы в них обязательно попадёмся. И в тот момент, когда это произойдёт, мы сразу поймём, вот оно это самое совершенство.

И тогда всё станет уместно и правильно. И тонкая венка возле виска, которая пульсирует, когда её хозяйка волнуется. И напускная строгость, потому что статус, потому что эта грёбанная взрослость и ответственность. И улыбка, которая пробуждается в бездонной глубине изумрудных глаз, и вдруг разливается светом обрётённого счастья. И мокрые следы на дорожке, когда она выходит из бассейна и бежит к полотенцу, потому что холодно уже или ей так кажется. И слёзы на глазах в минуты слабости, ведь каждая девочка должна позволять себе быть слабой, незащищённой, ранимой, нежной и хрупкой.

Её нет, и она есть. Есть в сумме моих прикосновений к красоте, есть как результат моего опыта и взгляда на мир. Существует ли она? Не знаю. Она есть внутри меня, поэтому она есть в каждой, кто приходит в мою странную жизнь, кто распускается цветком страсти в моём сердце, кто ранит его шипами безразличия, кто врачует раны, оставленные другими несовершенными совершенствами. Это ложь, что дьявол в деталях. Нет. Я категорически не согласен. В деталях Бог, потому что Он есть любовь, а любовь – единственное обстоятельство, позволяющее нам претендовать на звание совершенства.

Дополнительные люди

Так вот оно как оказывается-то всё просто. А я по привычке своей усложнял. Думал, что близкий мне целиком нужен. Со всеми его особенностями, умениями, привычками. Вот так, встретил, узнал (если и можно узнать человека), принял к сердцу, живу и радуюсь. Ан, нет. Не так нынче всё устроено у граждан.

Пустоты они заполняют. Вот, скажем, не умеешь ты готовить, раз и нашёл человека, который у плиты колготиться станет. Или там уборку по дому невзлюбил с детства, и психологи тебе объяснили, что ты личность с такой вот особенностью, поэтому направил все свои силы на поиск того, кто без швабры жизнь свою не мыслит. Хорошо-то как, не жизнь, а оазис благополучия. Ведь если тебе чего-то не хватает, то ты не преодолеваешь своё неумение, а ищешь себе дополнительного человека. Да-да, дополнительного, знаю я, что правильнее дополняющим его называть, но это только так кажется. Дополняющие люди несут совсем иной крест, и к отсутствующим у тебя функциям отношения не имеют. Скорее даже потому, что у них эти функции тоже в рудиментарном. А вот дополнительные как раз про это.

Давно я живу на свете, но никогда не искал себе того, кто рубашки мне гладить станет. Хотя и не очень я люблю гладить эти рубашки, накоплю кипу, да за раз доуку и решу. Без огонька? Да и что? В других делах огня полно, а тут достаточно, чтобы уют хорошо грел.

Живёшь себе, мечтаешь о слиянии душ, о каких-то возвышенных устремлениях совместных, о путешествиях к смыслу и за пределы оногo, о любви физического свойства, чай, живой человек. А люди ищут себе дополнения, чтобы цельными себя чувствовать. Смешные. Душе протезы не нужны, а для всего остального есть «мастеркард», ну или «мир», что особенно актуально в контексте моих размышлений.

Алла Шаклеина
Художник. г.Тольятти

Je t adore - я тебя обожаю

Приправьте перцем пресные слова
Пусть жгут они как жжёт огарок спички,
Чтоб не давала больше голова
Ногам покоя вопреки привычки.

Чтоб к вам меня влекло, бросая в жар
Из полымя опять и снова в воду,
Где головокружительный угар
От чувств и от нехватки кислорода.

И снова как наточенной блесной
Сверкают рельсы к домику в Провансе,
Где думы сердцем, а не головой
И клонится лаванда в реверансе.

И вы Mon cheri, и томное Je t'adore
И взглядом невозможно не коснуться,
И русско наш французский разговор,
И перстень с изумрудом, чтоб вернуться.

Умиротворение

Бутоны розы, отсвет на лице,
Чай с бергамотом остывает мерно
Дождь пузырится, он слепой наверно,
И шмель хмельной и крылышки в пыльце.

Цветёт закат от бурого до злата,
Скрип половиц от ноты ре до соль,
Бильярдный стол в раскладе „карамболь“,
Дрожит паук на вишне виновато.

Следы дождя на крашеном крыльце,
И на веранде свежий дух озона,
И аромат цветущего газона,
Бутоны розы, отсвет на лице.

Сезон чудес

Запоздалый январь затянул синим кобальтом небо,
Но зима всё ж зима, хоть дождинки звенят как хрусталь,
Не в сезон утирается плачущим снегом
И поёт свиристель, несмотря на промозглую марь.

В сто пудов тянут снежную ношу скамейки
Мокрой кованной вязью сверкая в вечернем дыму,
Но наступит весна и просушит снегов телогрейки,
Расчехлив чудеса, что ни сердцу понять, ни уму.

Блуждающая жемчужина

Заснула в предвкушении душа,
Танцующая на волнах марины,
Где гроты в океане сторожат
Рождение жемчужной Пелегрины.

А сердце рвётся в тот глубинный путь,
Где лишь ныряльщик режет телом воду,
Чтоб обрела жемчужина свободу
Украшив Гамильтон тугую грудь.

Ступает свет по профилю холста
Портрет мой в жемчугах Веласкес пишет
И снова перламутра нагота
Играет в бликах, и живёт, и дышит.

Жемчужный флёр, с жемчужных островов¹
Манит как монпансье из авокадо
Из под ресниц с портрета как когда-то
Свой взгляд ловлю с величия веков.

¹ P.S. Жемчужина Пелегринна (исп. La Peregrina) грушевидная жемчужина весом 55,95 карат, которая была выловлена чернокожим невольником на Жемчужных островах в середине XVI века и прослыла самой крупной жемчужиной в мире. За её обнаружение невольнику была дарована свобода.

Прощальный аромат

Прощанье с августом, о как оно печально...

Когда конца жары приходит срок,
Когда росой напитан изначально
Медовых яблок красно - сладкий бок.

Когда прощая исповедь читает
Святой в своих порывах Августин
И мятный август потихоньку тает,
Боясь остаться в осени один.

Читает август пушкинские сказки,
Принаряжаясь в философский взгляд
И снова перемешивает краски,
Даруя свой прощальный аромат.

Прогноз - зима

Тонирует слова из белых в синие,
Скользя по гололедице мороз
И на окне узорчатые линии
Выводят о погоде свой прогноз.

Наохлилась ворона бесшабашенно
Как флюгер всё по ветру норовит
И гладь реки хрустящим льдом украшена,
И солнце ослепительно горит.

Снежность

Кружит ветер, срываясь на пение
Белым шквалом метелью в лицо
Снег идёт коридором затмения
Лунный город пленяя в кольцо

Высветляя лесные окрестности
Мятным пряником светит луна
Аромат накрахмаленной снежности
Наряжает леса и дома.

Молекулы дождя

Рисую дождь который день подряд,
Фонит весна и плавится под взглядом
На пиксели в ладонях шоколад
Под перезвон сосулук с каплепадом.

Молекулы дождя с небес летят,
На землю плещут мокрые мотивы.
На чёрный недописанный квадрат
В весну свои привносят коррективы.

Но всё не получается портрет
Стихает дождь и поджимают сроки

А ливень в окна жмурится на свет,
Застёгнутых на молнию по щёки.

Но дождь заело как тут ни крути
Давно уже сменить пластинку надо,
Но расчищает дождь к тебе пути
Позируя под сладость шоколада.

Скольжение на грани

Дрейфующие острова, к ним нет пути,
Там, где мечты уводят за пределы,
Где только по созвездиям найти
Фарватер, что ведёт по морю смело.

В бокале ром с жемчужиной на дне,
Предвестницей таинственных признаний,
Две наши тени на морской волне
Почти парят в скольжении на грани.

Где мы вдвоём, иного не дано
В укрытии забытой Атлантиды
И ваших слов запретное руно
Слепит глаза как золото Колхиды.

Лишь попугай, прикрыв лукавый глаз
Считает в трюме блики голубые
Стихают свечи, взгляд рисует вас
За шаг до зародившейся стихии.

А звёздный променад вокруг луны
Путь золотит перед фрегатом следом.
И вы теперь совсем убеждены
Что женщина на корабле не к бедам.

Солнечная метель

Спартанский вид совсем вам не идёт...
Тепло души в суровый образ пряча,
А я хочу, чтоб все наоборот
Из роли вышли вы крутого мачо.

Тут, в Абу - Даби пряная жара
Нас осыпает солнечной метелью
Покиньте вы чужое амплуа
И взгляд согрейте под пьянящей хмелью.

А город впал в сверкающий экстаз,
Зажмутив окна от огней неона
Где запах страсти в предрассветный час,
Срывающийся в бриз морского лона.

Ну вот и всё, снят напускной наряд,
Что сковывал желанья и движения

По жилам ток...сияющий закат
И флёр магического перевоплощения.

Зимний транзит

Волга убелённая сединами
Кольбелит пирсы на ветру,
Первые лучи играют с льдинами,
Будят сонный берег поутру.

Зимняя подписана конвенция
Снеговой транзит вступил в права
Спят деревья в белой резиденции,
В перевоплощениях зима.

Гнев сменив на милость и на сказочность
Мысль не рвётся в рифму и в кураж
Просто это золотая праздничность
Сбросила осенний камуфляж.

Очищение души

Так хочется уехать наугад,
Ворваться в чью-то призрачную небыль,
И вспоминать о лете невпопад
Или о том, где ты ни разу не был.

А ночью звёзды падшие ловить,
В охапку собирая аккуратно
Нанизывать как бусины на нить
И в млечный шлейф забрасывать обратно.

И танцевать по снежному пути
Притопы сочиняя ладно в строфы,
И очищение снова обрести
Как при рожденьи или пред Голгофой.

И перед тем как кончится зима
С тобой укрыться инеем как пледом,
И знать, что все твои волшебные слова
Зимой не мёрзнут и не тают летом.

Парад шедевров

Крадётся ночь в музейное окно,
Ещё не спит восторженное Прадо
Не знаю сколько, но уже давно
Брожу среди шедеврального парада.

Среди неисчерпаемых страстей,
Которые с течением лет все жарче
Витаю в Рафаэлевском азарте,
Срывая тайну с Боховских затей.

Смотрю я сквозь игольное ушко,
Вдыхаю шлейф хмельного аромата,
Где тайный смысл оставила когда-то
Непревзойденная мадам Клико.

А в сумерках...разбуженных дождём,
Явившись золотом с палитры Тициана
Даная жаждет вечного обмана
Волшебным, освещённая лучом.

Там не сойдутся на свои круги
Века, столетья, страны и сюжеты
Безмолвно говорящие портреты
И в вечность уводящие шаги.

Зимние «love story»

Засыпан путь от осени до лета
Звонящим белоснежьем зимних струн
Читаю предсказанье белых рун
В раскладе из сугробов, льда и света.

Последних листьев крутит карусель
Декабрь, уже мечтающий о море
И пишет бесконечные "love story,,
В саду татуировками метель.

И бьёт по мыслям, словно по струне
Заезжий на гастроли Паганини,
Чтоб августовский аромат полыни
В холодных снах вдруг вновь приснился мне.

Взгляд напротив

Глаза...откуда этот взгляд!?
Споткнувшийся о свет в тоннеле
Как будто впрямь на самом деле
Мы вместе три судьбы подряд.

Твой взгляд на острие клинка
Вспорхнувшей птицей канул в ножны,
Полосонув неосторожно
Застыл на уровне глотка.

Не отведёт твой взгляд рука
От перекрестного гипноза,
До боли впившаяся роза
До зябкости от сквозняка.

Птицей феникс

Первый снег, и второй, и пятый
Их не счесть теперь до весны
Месяц съёженный и горбатый
Дышит хвоей хмельной сосны.

Через айсберги и заторы
Легкокрыльем ветра дразня
Сквозь года твой почтовый ворон
К млечным тропам ведёт меня.

И не мудрствуя лукаво,
Провожая в поход зарю
Птицей Феникс из звёздной лавы
Возрождаюсь и вновь горю.

Брусничными тропами

Снова плаваются листья осенние в золото,
Вулканической лавой по небу закат,
Я брусничными тропами утренним холодом
В кедраче за судьбой вновь бреду наугад.

Я сбиваюсь с дороги без карты и компаса,
Обивая мечты об углы и края
Продираясь сквозь дебри охрипшего голоса
Что манит диким эхом повтором дразня.

Уходя уходи...но вразрез убеждениям
Ты меня удержи мёртвой хваткой в петлю
Разрисуй под орех мне Сибирь в День рождения
И таёжный туман мне верни, я молю.

Картина в стиле «ню»

Зима рисует в стиле „ню,, картины
Позируют деревья в свете дня,
Рябина красной линией огня
горит на фоне снежной паутины.

И стихло всё... И суета сует
уже не ищет жертвы в свои сети
Оделась роца в стразы на рассвете
И белым стал опять весь белый свет.

Вчерашний дождь застыл на облаках,
Сорвавшись серебристым снежным шквалом
И светятся как будто перед балом
Снежинки словно перстни на руках.

Релакс на берегу

Не разобрать где блики, а где звёзды...
Притягивает взгляд ночной маяк,
А блеск луны плетёт из света гнёзда
Для рыб, что не хотят ко сну никак.

Ещё немного и прилив закрутит
Рулеткой розу всех земных ветров,
Не оставляя мысли на распутье,

И не играя в послевкусье слов.

А тишина...что даже берег слышит
Шептание сосен с Жигулёвских гор
Лишь только баржа гладь воды колышет
Безмолвный заглушая разговор.

А мы с тобой встречаем ночь и звёзды,
И всплеск воды на волжском берегу
И слава богу, что ещё не поздно
Любить, прощать и знать, что всё смогу!

Где аромат шафрана

Ищу мечту в сиреневых дождях.
Но, как ни странно, как это ни странно
Хочу туда, где аромат шафрана
Не утопает в ледяных снегах.

Там водопады глушат голоса
И рушат воздух белым шквалом рваным
А я танцую в непролазных снах
По подвесным мостам из брызг тумана.

Забывтый остров в пальмах вместо крыш,
Раскрашенный палитрой грёз Гогена,
Покинувшего в суете Париж,
На океан сменивший воды Сены.

Где миражи забытых кораблей
Прощаются таинственностью взгляда,
А крылья волн скрывают тайны клада
И прячут суть за тридевять дверей.

Гравитация

Белым откровением снег ложится вновь
Строфы непридуманные кружит
Дай мне бог, зима меня завьюжит
И застихотворит на любовь.

Дай мне бог, что белоснежной ночью
Мне дарует вновь писать стихи
Разочарованьям вопреки
Вдохновенье снова напророчит.

Дай мне бог побыть в сетях греха,
Сочинённого в порыве слова,
Чтобы врачевать мне душу снова
Звёздной гравитацией стиха.

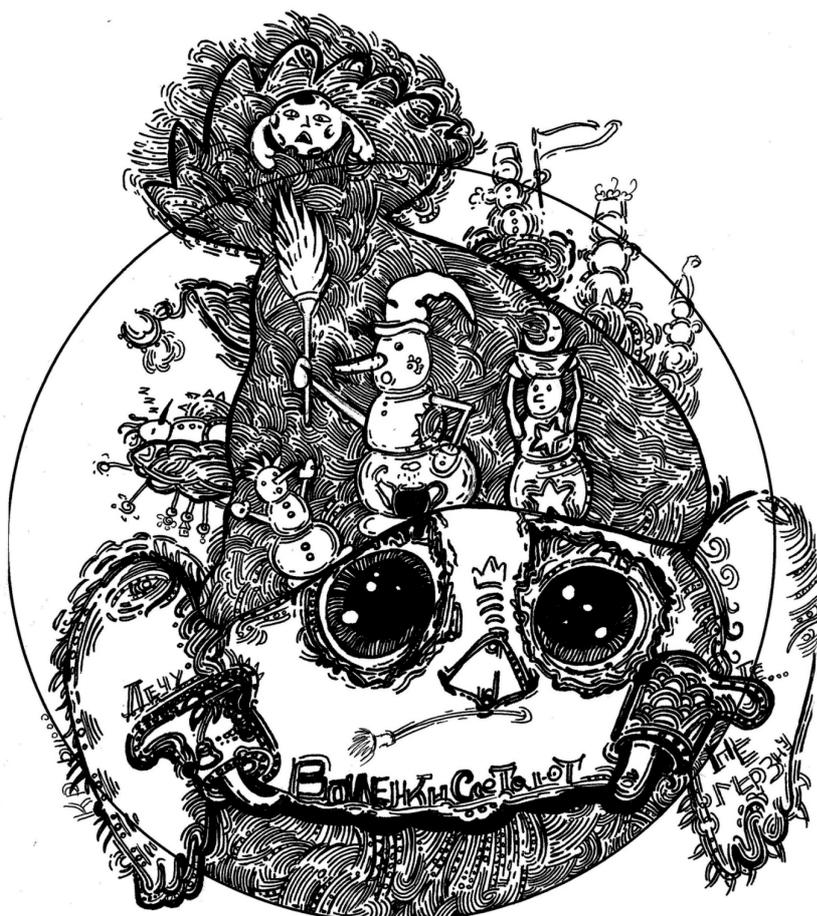
Перевоплощение

Весна опять ни в чём не знает меры
Плашмя несётся с солнечных качель,

Распугивая зимние химеры
Проталин рыжих оголяет мель.

Беснуется сиреневым цветеньем,
Под утро сбросив сладкий аромат,
И оголтелым воробьиным пеньем
Смешит цветущий яблоневый сад.

И липкий запах свежести над рощей,
И на ветвях безмолвный почек взрыв,
И спит луна, оставив только росчерк
Под волжский незатейливый мотив.

Мария Тарадова

Художник и сказочник.

Весна

Сегодня утром я проснулась раньше мамы... Голубое небо сонно ворочалось за облаками, а легкий сумрак уже проявил очертания бдящего сада. Ночной мороз испуганно отступил, почуяв мои шаги, будто боялся вовсе пропасть вместе с редющими сугробами. От легкого касания тонкая наледь стремительно таяла, и на тропинке, ведущей в наш одичавший сад, появилась вереница влажных следов. Чем длиннее день, тем меньше я боюсь пораниться о царствующий в мире холод. Да и ему не долго осталось жалить мир своим холодным дыханием, скоро наступит мое время. Раньше мама долго не позволяла мне творить задуманное, утверждая будто я еще маленькая девочка, желающая сжечь своей любовью всех окружающих. Приходилось упорно воевать с ее угрюмыми метелями, возвращать застывшей в кристаллах воде ее подвижную суть.

Но теперь она считает меня взрослой, ежедневно напоминая о грядущей работе, покуда остатки морозных узоров тают на слюдяных окнах.

-К своим обязанностям должно относиться серьезно. Помни, что мир наш долго спал, видел чудесные сны. Пробуждение природы — это целое искусство. Как твоя сестра баюкает наш сад перед отдыхом, так и тебе следует внимательно и трепетно относиться к его сонной хрупкости! — в тонких пальцах блестит сосулька, кажется это нос снеговика, и он стремительно тает.

Мама любит смотреть на солнце, шурясь и бросая ему горсть снега. Правда теперь снежинки скорее напоминают слезки. Снеговичок — мой вечный нянька словно уменьшился в размере, стал неуклюжим точно сонный медведь.

-Мама, можно он, как и в прошлый раз станет ручьем, что бежит через просеку к

чернеющему у людских жилищ лесу? - я попыталась приспособить вместо сосульки потрескавшуюся морковку.

Но над головой вдруг послышался звонкое пение синиц, явно намеревавшихся отобедать диковинным носом. Я взглянула вверх, на ветви старой яблони, что постепенно засыхала, теряя силы. Желтогрудые птички деловито прыгали по веткам и радовались теплу. Этим нарядных крох тоже было жалко, но уступать нос так не хотелось. Озадаченно наблюдая за птахами, я совсем забыла про свой вопрос.

Мама лишь улыбнулась, указывая рукой, на островок земли, оттаявший вокруг меня. Удивительно, но у самых пальцев уже стали подрагивать какие-то влажные травинки, роняя отжившие семена во влажную почву. Лишь на маминой стороне все еще оставался снежный покров, а под сапожком вовсе блестела корочка льда.

-Лучше спроси сама. Может у этого Снеговика свои планы на весеннее путешествие. Держи! - маленькая веточка, с торчащими в разные стороны отростками и забавными сережками.

-Ну разве может нос быть таким...- возмутилась я.

-А почему нет? Кстати, надеюсь ты не забываешь каждое утро проверять не показались ли из-под земли твои сапожки?

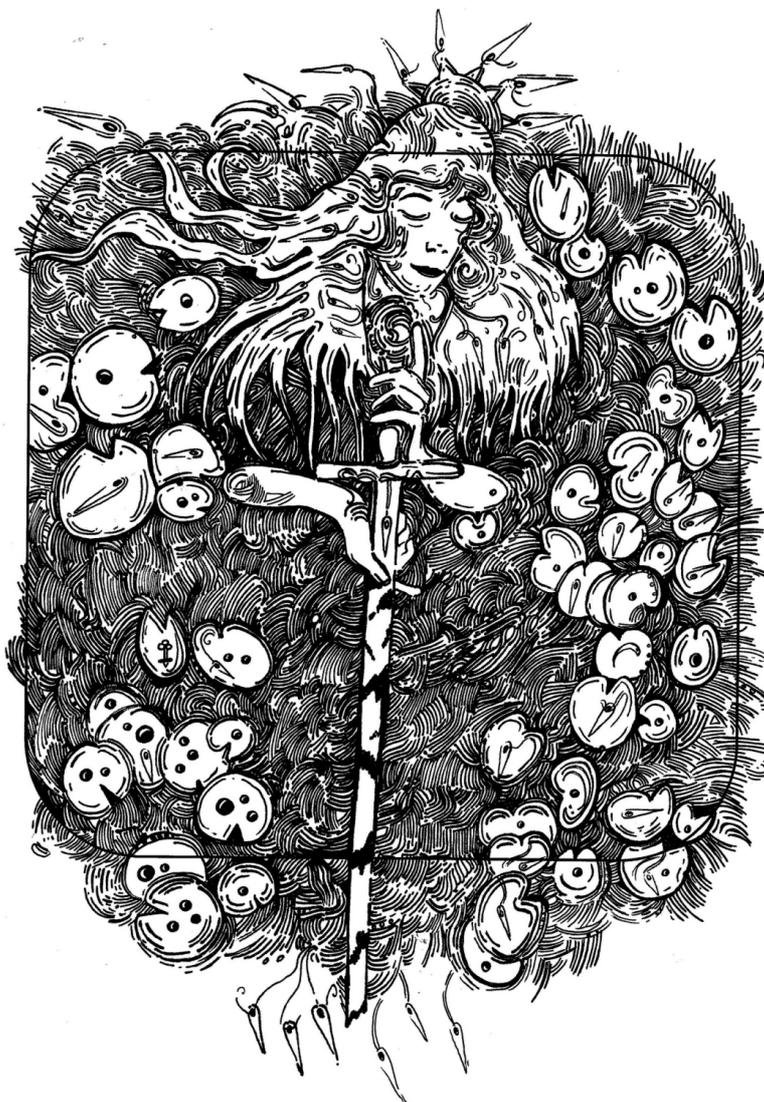
-Я даже перед сном их караулю! Но пока там лишь крохотные росточки!

-Ничего, совсем немного осталось...

И вот этим утром, среди тающего снега, под едва набравшей силу зеленью появились остроносые черевички. Наверное, их красный цвет будет и дальше набирать силу подобно солнышку. Радость моя застыла на уровне горла и казалось, что даже ветер поменял свое направления неся на крыльях зреющее тепло. Робкое, но такое могучее, разящее посильнее любого мороза. Воздух щекочет ноздри, будто раскрывается внутри как бутон. И душе внутри тесно, она, наверное, хочет стать птицей...

Босые ноги утонули в мягком тепле...

-Мама! Мама! Посмотри на меня! Какая я красавица

Герман Иванов

Выпускник юридического факультета Волжского университета имени В.Н. Татищева. Любит читать, увлекается жанрами фантастики и философии, коллекционированием монет, банкнот, музыкой. Жанром футуризма заинтересовался еще со школьной скамьи. г. Тольятти

ПОЭМА

«Семь цветов серого спектра»

(футуристический уклон)

*«Каждый охотник желает
знать где сидит фазан»*

Глава 1

«КРАСНЫЙ»

КАЖДЫЙ из нас переживает

Ищет свой нетронутый мир

И сразу чувство боязни возникает

И как же дальше жить?

И где же тот сапфир?..

И непонятные же строки

Бывают у тебя на уме

И пытаешься по крупичам собрать крохи,
Лежащие у тебя на столе.
История, описанная здесь
Бывает с каждым поэтом
И может быть, не смотря на эту спесь
Всё это будет простым ответом
На все вопросы, скопившиеся в голове
А все ответы лежат у тебя на столе
На бумагах тем самым местом
И ты каждый раз задаешь себе вопрос
Зачем же так устроен мир?
Зачем же так жесток ко всем?
И будет ли на это спрос?
Иль всё-таки риторический вопрос...
И также происходит всё со мной
На данный момент сей жизни
Хоть той же весной, хоть глубокой зимой
У меня эти серые мысли
И также начнём мы всё по порядку,
Чтоб мысли все в стих уложить
Дорогие друзья, призываю к порядку
Чтобы нам всё так не усложнить
И красный цвет всё это значит
Всё то, что я вам описал
И кто-то всё поймет иначе
И может в позитиве найдет он тот оскал

Глава 2

«ОРАНЖЕВЫЙ»

ОХОТНИК – человек в этом мире
Он бывает жесток или добр
Поэт – один же в той пустыне
В пустыне всех прочих ядовитых кобр
Кто-то его полюбит
Кто-то даже не посмотрит в него
Кто-то также загубит
А кто-то еще и подружится с ним
И охотник не понимает поэта
Считает его летящим, иным
И ждёт все того же ответа,
Когда он измениться и станет таким
Же как он, который смотрит на мир приземлённо
И не видит реалии жизни
И для человека все это толково
Без серых пятен той мысли...
И также я стал так замечать,
Что мир совсем не совершенный
И приходится на всё отвечать,
Даже на то, что считаешь отменным
И начинается борьба охотника и поэта

Первый учит поэта забыть о прекрасном
Поэт всё **жаждет** насущного ответа
А охотник же давит терпением опасным,
Что поэту становится плохо от «ветра»
Ветра лжи человека...
Что делает человек красным,
А красный цвет я уже описал
Описал же в той первой главе
И сохранился всё тот же оскал
Оскал в моей голове
И не смотря на подобный флешбэк
Оранжевый цвет
Всё тот же цвет серой радуги мира

Глава 3

«ЖЕЛТЫЙ»

ЖЕЛАЕТ каждый из нас совершенно
Что-то хорошее преподнести в наш мир
И хоть звучит всё так откровенно,
Но каждый из нас просто **жаждет** сапфир
Я говорю про поэтов
Или просто писателей света
И не жажду простых тут ответов
Ответов на цвет того неба.
Которое над головой
Покрытой над нами землёй
И не важно какого же цвета
Желает каждый из нас тут, друзья
Хоть желтый или синий
Хоть красный иль зелёный
Хоть белый или чёрный
Иль просто нулевой
Ведь сила вся в поэте скрыта
Иль в писателе, друзья
Тут и разницы же нет
Оба творческие люди
И просто так звучит ответ
И в голове же «Люди, Люди !!!»
Неразбериха так открыта
Кто же лучше? а кто нет?
Кто писатель?, кто поэт?
И этот спор неразрешим
И каждый будет же «victim»
Каждый же посмотрит здраво
И крикнет оппоненту: «Браво!»
Ведь две же разные науки
Не могут измеряться так
И использовать те «хуки»,
Чтобы был везде бардак.

Глава 4

«ЗЕЛЕНЬ»

ЗНАТЬ же хочется и поэтам и людям
И охотникам в том же числе
Что же такое с миром тут будет?
Каким же он будет во мгле?
Поэт хочет внести совершенство
Показать его в белой красе
Охотник хочет простого блаженства
От денег, от прочего...
И у каждого своя же тут правда
И каждый живет так как хочет
И просто бывает простая орава
Смущает того, что он хочет
Поэт иль охотник
Иль кто-то другой
Старается жить по-другому
А мир он один и похоже простой
И не будет всё так по-иному
И поэт с охотником спорят,
Что лучше для мира сего
А по сути нулевая основа
И по факту ничего
И порою от этого войны
Возникают на пустой же почве
А страдают обычные люди
Будто едут на машине по кочке
И этот же спор великий
Не изменить, и будет он долго
От этих же слов и событий
Не измениться он нисколько
И физики против лириков
И поэты против людей
Это очень похожие свойства
В этом мире простых же событий

Глава 5

«ГОЛУБОЙ»

ГДЕ же искать правды в том мире
У охотника или поэта?
И каждый сам в своей пустыне
Ищет подобного ответа
Один же в расчетах порой ошибается
Хоть и винит поэта за зря
Другой просто мало всё так улыбается
Ищет заново своё амплуа
У каждого плюсы и минусы есть
И каждый старается их здесь учесть
И минусы превратить же тут в плюсы

Какое же всё-таки это искусство
И кто-то же может
А кто-то и нет
А кто сидит так выжидает ответ
А кто сидит смотрит за действием этим
Порой же бросит и крикнет: «Приметим»
И всё тут смешалось в одно полотно
И пусть же запачкано стало оно
И каждый из нас просто так понимает,
Что и физик, и лирик бывают страдают
И пусть не о том
И проблемы все разные,
Но не могут оставить они на потом
Свои же дилеммы «красные»
И когда страдание проходит
Они снова берутся за спор
И сожаление сразу уходит
Когда они смотрят оппоненту в упор
И постоянно так происходит
И конфликты складываются так
И сожаленье сразу уходит,
Что у тех иль других – бардак.

Глава 6 «СИНИЙ»

СИДИТ же порою поэт иль писатель
И пишет свои же те строчки
И чувствует себя он как тот мечтатель
И думает, что произведением пройдет все те кочки
Он пишет, старается,
Улавливает смысл
И просто пытается
Пройти все те мысли
И после часов той работы
После всех пролитых строк
И после всей исписанной квоты
Увидит он свой новый порок
Он думает, что же такое
Происходит же с ним
Почему он не пишет иное?
И все же запомнят его вот таким
По его же стихам
По его странным рифмам
По его же словам
И прочим иным парадигмам
И закрепить за ним такое «клеймо»
И воспримут его таким
И не нужно поэту подобное дно
Чтоб оставаться таким же
И старается каждый поэт
Остаться оригинальным

Как-будто маленький кадет
Хочет стать генералом
Хорошая мечта, я не спорю,
Но не каждый сможет дойти до ней
Может кому-то тайну открою,
Но в современном мире плевать на неё
Поэтому поэтам и сложно....

Глава 7

«ФИОЛЕТОВЫЙ»

ФАЗАН прилетает с мыслями,
Как Лира – богиня поэтов
И даёт своими же смыслами
Описать словами манеры
Манеры негативных тех мыслей,
Которые скопились внутри
Внутри того самого поэта
Поэта среди суеты
И пусть не поймут его строки
И пусть засмеют под конец,
Но он же великий и точка
Хоть через год, через два или век
Он так понимает, что может не нужен
Сейчас же тут никак, никому
Века пройдут он будет услышан
Не только тебе одному
О нем же вспомнят не раз, и не два
Напишут большие же книги
И эта же будет большая глава
Истории нашей «пустыни»
И пусть о ней знают сейчас единицы
И пусть он не слышал софитов тех свет
Пройдут годы и те единицы
Превратятся в тех, кто же видел поэтов сих свет
И почему же название исходит к той радуге?
Спросит читатель меня
А всё потому что обычная радуга
Выходит после дождя
Дождя из слоёв той мысли
Мысль уходит к поэту
А он облачает её в ту комету,
Которая просто «выстрелит» вверх
И поэт просто станет известен
И всё ожидает успех

ПОЭМА

«Семь цветов серого спектра»
(часть вторая)
(футуристический уклон)
*«Каждый человек
в чём-нибудь да гений.*

*Надо только найти
в нём это гениальное»
Б. Стругацкие «Улитка на склоне»*

Глава 1

«ПРОЛОГ и ОБЪЯСНЕНИЕ»

Каждый по-своему гениален
Ищет свой внутренний мир
И бывает порою нейтрален
К суете тех гениальных картин
Поэт и охотник встречаются снова
День ото дня, и спорят со всем
И каждый из них старается сбросить оковы
И выразить мысли свои, но не всем
И почему я вернулся к той самой дилемме?
Вы же мне скажите: описал же давно
А я вам отвечу: эта же тема
Приобретает иной поворот
Все эти темы затронули мысли
Что же плохо, а что хорошо?
И радуга висит, как-то коромысло
От берега к берегу, где светло и темно
Ведь чёрный иль белый, иль серый цвета
Описание нашего странного мира
Хоть может измениться он через года,
Но в нём могут присутствовать эти картины
Поэт и охотник здесь не при чём
И спор их мало тут важен
Просто они хоть с каким-то чутьём
И описать их просто, отважно
Они лишь те звенья
Серого мира,
Который описан вокруг,
Ведь в нём же полно
И негатива, и позитива
И прочих странных вещей
О которых сказано будет отныне
Без прочих летящих огней:
Чёрный, белый и серый

Глава 2

«ЧЕРНЫЙ»

ЧЕРНЫЙ цвет – негатив сего мира
Его же можно увидеть везде
И даже у поэтов-писателей Лира
Порой покрывается в чёрной той мгле
И бывает же пишут они негатив
В произведениях, рассказах, поэмах
И сразу чувствуешь тот супротив
В тех странных, непонятных человеку дилеммах
Человек же как тот самый охотник
В своём закрытом же мире

Не чувствует негатив, как тот беспилотник,
Летящий в неизведанной своей же пустыне
И как бы не было странно
Негатива же больше, друзья
И он возникает спонтанно
Из телевизора и прочего зря
И поглощает порой с головами
Многих простых же людей
И они же становятся львами,
Жаждающих странных огней
Кто-то переходит границы
Тех моральных устоев Земли
Кто-то просто летит же как птица,
Ограничившись силой земли
И как бы не было больно
Осознать состояние вещей
Негатива просто же больше
Как и силы же тьмы тех огней,
Но мир погряз бы во тьму
Если бы не было света отныне
Хоть его же мало, но всю
Же планету не покроет
Чёрный свет той пустыни.

Глава 3 **«БЕЛЫЙ»**

БЕЛЫЙ цвет – позитив всего мира
Это как для поэтов же Лира,
Приходящая в мысли, описанья,
И которая раскрывает все желанья
В позитиве хочется жить и творить,
А также появляется желанье любить
Любить же кого-то
Или просто же всех
Любить и творить
И будет успех
Меняться порою собою во всём
Стремиться поменять отношение в том,
Как же относятся люди друг к другу
Посмотреть же другими глазами
Глазами того позитива
И что-то свое преподнести,
Взамен того негатива
Быть может человек рисует,
Изображает маслом картины
А может – просто танцует
Показывая простые пикЕ
И каждый талант их волнует
И как же развить его ? где ?
Поэт всё стремиться к прекрасному
Изображает свой внутренний мир

Не важно в каком ритме и жанре
А просто желает подарить всем сапфир
И эта тяга к живому
Порой неощутимому свету
Оставляет желанье другому
Другому – тому же поэту
Осветить же всё в светлом же цвете
И оставить светлый цвет на всей планете

Глава 4 **«СЕРЫЙ»**

СЕРЫЙ – смешение тех же цветов
И черного и белого, вот в чём подвох
Ведь в мире полно и того и другого
И поэтов и охотников слова
И у каждого своя точка зренья
И все они выглядят, как в одной цепи звенья
И также складывается радуга мира
Черное и белое, будто сапфиры
И не важно цветов каких она будет
Иль чёрный, иль белый, иль серый, цветной
Негатив и позитив всегда же будут
В этом мире, хоть он и ночной
И не важно поэт ты, охотник, иль кто-то другой
Важно то, что у тебя внутри
И будь ты хоть просто иной,
Но сохрани свои силы внутри
И серый же мир остаётся
С его же причудами «силы»
Охотник с поэтом «дерётся»
Воспринимает с позиции силы
И песня же новая льётся
О том же как жить хорошо,
Но от этого охотник смеётся
Ему это всё же смешно
И этот же спор постоянный
Останется в мире, друзья
От этого мир остаётся невнятный
С серыми красками того жития
Серый же мир, покрытый рутиной
Чего же в нём больше: черноты или **белого**?
И спорят они все с той же картиной
И мир остаётся серым давно.
Но позитива должно же быть больше
15.05.19

Глава 5 **«ЭПИЛОГ»**

Напоследок скажу пару слов,
Чтоб закончить же тему
И быть может исписал я тот слог,

Описав же палитру, наверно
Описал же борьбу тех охотников слова
Описал же их супротив
Описал, что из этого выходит толково
Описал же, что есть негатив,
Но всё же в конце подытожить **охота**
Все мысли, которые скопились в главе
И сказать, что не всё же так плохо
В этом сером же мире
В этой серой той мгле
И сколько бы ни было того негатива
Позитив остаётся всегда
Хоть в Лире, хоть в книгах
Хоть в тех же прочих вещах
И когда понимаешь, что всё очень плохо
И выхода, кажется, будто и нет
Ты погружаешься в Лиру с охотой,
Которая спасет же серый тот мир.
Она же порою закончит борьбу
Между охотником и поэтом
И сбросит всю ту пелену,
Оказавшись тем белым же светом
Поэт иль охотник
Свет или тьма
Выбор за каждым отныне,
Но всё же свет побеждает всегда
Будь же один в той пустыне
И Лира не бросит тебя никогда,
Забвенный охотник пустыни
И Лирь!

Светлана Живнач (Chazenija)

По специальности – эколог. По зову сердца – немного сказочник, немного рассказчик.
г. Минске, Беларусь.

Сказки

Неоновый туман

- Угораздило нас забрести в этот район города! Здесь я и днём плохо ориентируюсь, а тем более ночью, тем более в тумане. Это всё ты со своим: когда ещё можно будет так побродить? – возмущенно обратилась Лия к своему попутчику, взъерошенному Леону, терявшему чёткие очертания в белом облаке, опустившемся в этот вечер на землю.

- Да брось! Это же здорово открывать для себя город с новых сторон. Топтать всё время одни и те же дороги неинтересно. Когда ещё получится заблудиться в родном городе? – с весёлым воодушевлением отозвался парень.

- А мы ведь и правда заблудились, - девушка оглядывалась по сторонам несколько испуганно.

А толку оглядываться было? Дальше пары метров всё равно ничего не разглядишь. О том чтобы по силуэтам зданий определить своё местонахождение, и речи быть не могло. Слишком густой и плотный туман опустился на город, даже светящиеся неоновые рекламные вывески казались просто яркими размытыми пятнами.

Вдруг в туманных потоках будто появилось небольшое окно, в котором четко вырисовалась вывеска то ли кафе, то ли еще чего «Отдохни, путник», а рядом с вывеской можно было разглядеть скамейку.

- Надо же, какое оригинальное название. Посидим немного? – предложил Леон.

- Давай. Передохнём и подышим туманом.

- А представь, что это не обычный туман, что он разделяет людей так, что каждый бродит в тумане только по своему городу и видит что-то своё, никто ни на кого не натывается.

- Да ну тебя. У меня сейчас и правда ощущение, что мы одни совсем по городу шатаемся. Ты только далеко не отходи, пожалуйста, - наполовину в шутку, наполовину всерьёз попросила Лия.

Сидеть на скамейке и наблюдать, как в прорехах тумана появляются и исчезают кусочками пазла знакомые и незнакомые уголки города, оказалось увлекательно. Самое удивительное, что с этого места открывался чудесный обзор, по крайней мере так казалось, потому что порой проступали контуры зданий, которых с этого места и видно не должно быть. Во время очередного такого прояснения ребятам удалось разглядеть вывеску «Свободная крыша» и стрелку-указатель на лестницу.

- Проверим? – предложил с энтузиазмом парень.

- Серьёзно? Кто ж станет рассекречивать крышу, на которую можно забраться? Да ещё обозначать её яркой вывеской? – скептически возразила девушка, однако согласилась.

К их большому везению они без проблем забрались на крышу какого-то старого и достаточно высокого здания, откуда, казалось, можно было разглядеть чуть ли не весь город, который проступал отдельными зданиями, такими знакомыми и в то же время неожиданно новыми, точнее старыми, будто приоткрывая сквозь облачную пелену разное время своей жизни. Лия с Леоном зачарованно смотрели и не могли оторвать взгляд от фантастических картин, которые им показывал с крыши туман над городом.

- Ой, смотри, там человек рукой помахал. Странный он какой-то, будто весь светится, – указала девушка рукой на соседнюю крышу.

- Реклама очередная какая-нибудь, - внимательно вглядывался парень в указанном направлении. - Да точно, смотри там контур человека и написано что-то, вроде «Чудеса случаются».

- Да нет же, это не он.

- Конечно неон, это же реклама, - улыбнулся парень.

- Пожалуй, - согласилась девушка, думая, что сегодня могло что угодно примерещиться, равно как и что угодно случиться в такую волшебную туманную ночь, подсвеченную тёплым светом фонарей и неоновыми огнями.

Город-сон

На столе разложены предметы, которые необходимо взять с собой: блокнот, ручка, карандаши, краски, книги, исписанные страницы, рисунки, какие-то камешки-талисманы, засушенные цветы, листья и прочие бесценные мелочи. Клэр, бережно подержав каждый в руках, укладывает всё в рюкзак. Сегодня она снова попробует. Пусть уже столько раз не вышло, но она попробует ещё раз. Главное – не потерять настрой, который обрушивается на неё всегда неожиданно необъяснимым безудержным призывом отправиться в дорогу. Тогда Клэр собирает рюкзак и идёт на старую железнодорожную станцию. Каждый раз это случается в дождь, иногда он задерживается и начинает накрапывать уже в пути. «Дождь в дорогу – это хорошо», – вспоминает девушка.

Клэр сидит на перроне, перед ней до горизонта в обе стороны, насколько можно рассмотреть, сплетаются железнодорожные пути, рисуя замысловатый узор. Сумеречно, зябко, тихо. Клэр напряжённо вглядывается в сгущающийся, окутывающий станцию туман. Поездов нет. Вдруг собравшийся вырваться вздох разочарования наполняется надеждой: вдалеке появляется свет фонаря, усиливающийся стук колёс возвещает приближение поезда, который, увы, проносится мимо. Через некоторое время ещё один, тоже без остановки. Клэр продолжает ждать, она знает, что однажды поезд, который идёт в тот город, который она постоянно видит во сне, непременно остановится. Она твёрдо знает, что будет именно так. Когда-нибудь. Просто сейчас временные нестыковки.

Случайный прохожий, хотя маловероятно, что кто-то в столь поздний час забредёт в эту заброшенную часть города, сможет разглядеть силуэт девушки, сидящей у давно не действующих железнодорожных путей, заканчивающихся тупиком. Скорее всего, прохожий пожмёт плечами, мало ли чудаков в городе, и поспешит покинуть это странное место.

А Клэр сидит и невидящим взглядом смотрит на железную дорогу, а перед ней – город, который зовёт к себе, город из её снов, по которому она бродила много раз. Это старый город, по крайней мере самое его сердце, с двухэтажными, реже трёхэтажными домами. Все дома разные, с какими-то уникальными украшениями, балконами, колоннами, при этом все разом они смотрятся гармонично, делая город особенным, непохожим на другие. Всё здесь человекосоразмерно, всё уже знакомое и родное – дома, улицы, старый мост с нависшими ивами и затерянные таинственные уголки города. Приятно теряться среди просторных уютных двориков, наполненных жизнью, гулом голосов, музыкой, яркими узнаваемыми запахами. И сейчас она, закрыв глаза, переносится в город, где её окутывают запахи отцветающего жасмина и взорвавшейся цветком липы.

А дальше она идёт знакомой дорогой, ищет нужный дом, заходит в подъезд, затаив дыхание, поднимается по лестнице. Каждый раз она боится не застать Его. Вот и сейчас с бешено колотящимся сердцем она делает последние шаги до двери, стучит и замирает, прислушиваясь к шагам дверью. В этот раз, кажется, никого. Клэр устраивается на подоконнике у окна на лестничной площадке, достаёт из рюкзака блокнот и начинает писать письмо, след о том, что приходила. Вдруг внизу на лестнице раздаются безошибочно узнаваемые шаги, блокнот падает на пол, она вскакивает и порывисто бросается вниз.

Начинается дождь. Клэр возвращается из полузабытья-полусна, из того города, где она только что бежала к Нему навстречу по лестнице. На станции сегодня так ни один поезд и не остановился. Когда-нибудь она окажется в том городе, в Его городе. Порой Клэр сомневается, что город из сна существует, а порой думает, что только он и есть, а теперешний город с вечно дождливой холодной станцией и несущимися мимо поездами ей просто снится.

Клэр зовёт: «Посиди со мной, пока не кончится дождь». Она зажмуривается, и Он приходит, сжимает её руку, согревает, они сидят рядом, молчат, а дождь всё не заканчивается.

Полёты дождливыми ночами

- Вот уже целую неделю дождь, - задумчиво протянула Ведьма, глядя в окно. - Сработало-таки заклинание. Ну и пусть, этому городу полезно умыться. А ночным ведьминским полётам дождь не помеха.

Через некоторое время с крыши дома, где в ночи под самой крышей светилося одинокое опустевшее окно, унеслась тень на метле. Ведьма сразу же промокла насквозь, мокрые волосы тяжелым грузом легли на плечи.

- Нет, так не пойдёт, - она щёлкнула пальцами и наколдовала вокруг себя что-то вроде абсолютно сухого кокона, в котором мгновенно согрелась и высохла.

Пролетая над городом знакомыми маршрутами, Ведьма прикидывала, куда бы сегодня отправиться. Порой ей нравилось подглядывать за некоторыми своими «подопечными». Как правило, это были те, кто по разным причинам становились Ведьме небезразличными, те, с кем она порой сталкивалась в жизни, например, под видом случайной прохожей, исключительно вовремя обронившей нужные человеку слова. Способов множество. Наиболее в таких моментах Ведьма ценила ту мимолетность, неуловимость, искренность, которые не успевали отяжелеть будничной повседневною общением. Но сегодня навещать никого ей не хотелось.

- Спонтанность так спонтанность, - улыбнулась Ведьма и рванула из города.

После долгого ускоренного полёта колдунья оказалась возле Горы, удивительным образом возвышавшейся среди равнинной местности. На вершине Горы Ведьма и приземлилась, сразу почувствовав, что она оказалась здесь не одна.

- Привет! – распознав сгорбленный силуэт, радостно выпалила Ведьма.

- Привет, - отозвалась тень. - Эк тебя куда занесло.

- Что-то ты, как я погляжу, совсем мрачен. Что перестали жертвы юными красавицами радовать? – Ведьма пристроилась рядом с Драконом.

- Подкалываешь, знаешь же, что я завязал с этими юными душами, всё одно и то же, надоело. Тут другое – Горы мои людишки хотят раскопать. Видишь, вон город вдалеке

светится. **Миллионлетние** горы известны ради десятков лет якобы развития производства. Сил моих нету.

- Спали нафиг город, да и всё!

- Не могу! Меня же нету.

- Да, забываю, - Ведьма задумалась. - Может, сами собой разберутся, не совсем же они идиоты, но всё-таки подумаем над способом вмешаться.

Помолчали.

Тихо и очень быстро Ведьма наколдовала стакан дымящейся жидкости и протянула Дракону:

- Моднейший нынче коктейль. Будешь?

Тот отхлебнул:

- Огнедышащему давать пить огонь. Ну ты и Ведьма. Не знаю, что ты там набадяжила, но напиток хорош.

- Хорош, - попробовала сама и подтвердила Ведьма и сразу же предложила:

- А давай до следующей горы наперегонки?!

- Айда! - улыбнулся Дракон. - Продуешь же.

- А ты не жульничай и не хитри, старый лис, - Ведьма подхватила метлу. - На старт!

Внимание! Марш!

Полёт соревнующихся был стремителен, летели вровень, никто не отставал. Внезапно среди равнины показалась гора, на которую Ведьма и Дракон приземлились одновременно. Они немного не рассчитали, и посадка пришлась на дерево, задержаться на котором они не успели, потому что ветка, на которую они слёту приземлились, тут же хрустнула, а они с шумом свалились вниз.

- Приятно упасть с интересной женщиной, - глядя в звёздное небо над ними, произнёс Дракон.

Ведьма рассмеялась, подымаясь и отряхиваясь.

- Теперь до третьей, до оставшейся. Вставай, демон ночи. Стартуем.

Снова полёт, снова никто не уступал. Вдруг Дракон начал резко падать почти перед самой горой, Ведьма отвлеклась, стала снижаться, в это время Дракон совершил замысловатый кульбит и приземлился на горе, опередив Ведьму. Та, как только догнала Дракона, размахнулась на него метёлкой:

- Сжульничал! Вот что ты за ..., - не договорив обрушила удар метлой на Дракона.

Метла треснула и разломалась пополам. От неожиданности Ведьма замерла, и тут же на глазах у неё выступили слёзы.

- Вот странные вы существа ведьмы, - Дракон успокаивающе приобнял позабывшую злиться всхлипывающую Ведьму. - Живёте среди страшного хаоса с улыбкой, а чуть метла ломается – в слёзы.

- Может, это я не по метле, а по судьбе своей поломанной, может ещё почему, накопилось, - шмыгнула носом Ведьма.

- Таак, погоди.

Дракон исчез, но вскоре появился с крепкой палкой для метлы.

- Держи, - протянул Ведьме.

- Спасибо, - она уже сооружала новую метлу. - Отлично получилось, кстати. Не у вампиров хоть спёр один из их колов?

- Да за кого ты меня, - возмутился Дракон. - Мне одного раза хватило, потом с ними умучаешься кровь в качестве извинения пить. Сам нашёл, здесь с деревьями напряжёнка, но я место знаю.

- Давай что ли ещё куда слетаем, опробуем новую метлу мою.

- На море? – предложил Дракон.

Две тени долго носились над морскими волнами, а после сидели на утёсе, возможно, даже что-то тихонько напевая.

А утром Ведьма проснулась, потянулась, пытаясь выбраться из одеяльного кокона, а потом так закутанной в одеяло и подошла к окну:

- Вот уже целую неделю дождь, - тихо проговорила она. - Кажется, море снилось. С таким дождём и наш город превратится в море.

Ночной смех

В радостном возбуждении слегка взволнованный Смех-47 летел над городом. Сегодня у него был выпускной экзамен, и ему непременно нужно было зазвучать. Экзаменационный билет ему достался не из лёгких: найти место смеху среди людей одного подъезда в невысоком доме в старом районе города поздним вечером.

Воодушевленный непростой задачей Смех-47 стал заглядывать в окна квартир, выбирая в какой из ситуаций он мог бы оказаться наиболее к месту.

На первом этаже жила пенсионерка. «Таак, когда же она смеётся?» – задумался Смех-47. Обычно на занятиях у него легко получалось считывать, от чего чаще смеётся тот или иной человек, но там была теория, а здесь практика. Смех-47 сосредоточился и уловил, что последнее время старушка чаще смеётся, когда смотрит какие-нибудь юмористические передачи, хотя среди предпочтений пенсионерки, по мнению 47-го, качество смеха было чрезвычайно низким. А сейчас вообще у неё сериал про ментов, так что здесь не до смеха.

Этажом выше жила семья с детьми. «Детей спать уже уложили, а жаль, стать чистым детским смехом, было бы так здорово,» – замечтался Смех-47. Однако, надо было продолжать выполнять задание. Муж с женой на кухне решили, что самое время выяснить отношения, в ход шли накопленные обиды, взаимные претензии. «Возможно, даже скоро посуда полетит, надо искать дальше», – и Смех-47 отправился на следующий этаж.

Здесь 47-й не решился долго задерживаться, в этой квартире поселилась молодая парочка, в жизни которой сейчас бурно протекал период страстной влюбленности. «Любовь – это ведь и не смеяться вместе? Это очень важно», – рассуждал сам с собой Смех-47, но в данный момент ему здесь явно было не место.

Перемещаясь по этажам и квартирам, Смех-47 побывал у разных людей: у одинокой немолодой женщины, обзлённой на весь мир, однако, убеждающей себя, что у неё именно такая жизнь, как она хотела, с целями, достижениями, а остальное сентиментальная чушь; в компании выпивающих мужиков, среди которых все успели отсидеть, и, судя по накалившейся ситуации, кто-то мог снова попасть за решётку; в пустой квартире со скулящей собакой, которую хозяева оставили на попечение соседки, отправившись в отпуск; у старого мирно спящего дедушки, в ногах у которого спала кошка. Чем больше людей Смех-47 оставлял позади, тем тревожнее ему становилось, так и экзамен можно завалить. Он уже начал прикидывать, что, может быть, стоит придумать хороший весёлый сон спящим детям, чтоб они рассмеялись во сне, но это был не слишком надёжный вариант. Вдруг задумавшийся и приунывший Смех к своему удивлению увидел наверху дома у самого чердака незаметную с первого взгляда комнатку, а оттуда на крышу выбирался взлохмаченный паренёк, который что-то тащил с собой. Как оказалось, это был телескоп, который этот чудак установил на крыше.

За время перемещений 47-й и не заметил, как совсем стемнело, и появились первые звёзды. Смех-47 подобрался поближе и стал наблюдать за странным астрономом, а тот перестал глядеть в телескоп и сидел неподвижно, зажмурившись, во что-то напряжённо вслушиваясь. И тут Смех-47 понял, скорее даже почувствовал – Пора! Он сделал всё, как был научен, однако, сам не ожидал, что всё будет именно так. Смех словно разлился вокруг тонким звоном серебряных колокольчиков, а человек уловил этот звук, улыбнулся и тихонько рассмеялся. «А ведь и правда, это совсем особенные смеющиеся звёзды. Слышишь, Лётчик, у них всё в порядке» – непонятно к кому обратился чудак, слушающий звёзды, а Смех-47 был счастлив, теперь он стал чудесно-чудаковатым смехом, он сдал свой экзамен, он зазвучал.

Рассказы

Встреча

Стук колес поезда не давал уснуть, хотя спать Анэте хотелось. Но нельзя: нужно было оставаться внимательной, чтобы не прозевать свою станцию. Она первый раз в жизни ехала поездом. Машинист товарняка согласился пустить её в вагон, где она укрылась в углу среди ящиков и настороженно смотрела вокруг. Иногда сквозь щели вагона пробивался тусклый свет, значит, проезжали крупную станцию. Женщина в эти моменты подрывалась, пытаясь что-то разглядеть сквозь не плотно прилегающую дверь вагона, но почти ничего не успевала заметить, только вдыхала клубы паровозного дыма, заставлявшего слезиться глаза. Завтра вечером, если ничто не помешает, она сможет увидеться с мужем. Военная часть, где он с другими недавно призванными красноармейцами завершали подготовку, располагалась в небольшом городке на житомирщине, туда и направлялась Анэта.

Поезд, не дойдя пары вёрст до разбомбленной станции, остановился среди небольших холмов, поросших редким ельником, который под нависшим тёмно-серым небом выглядел достаточно мрачно. Немногочисленные пассажиры повыпрыгивали на насыпь и неровной, измотанной войной цепочкой двинулись в сторону почти не тронутого тремя годами войны городка, о чём свидетельствовали редкие сожженные дома, кое-где выщерблены пуль на стенах от мимоходом коснувшихся их обстрелов.

В вечернем полумраке небольшая кучка женщин, как испуганная птичья стая, прижималась друг к другу у КПП. Накрапывал мелкий дождь, ветер трепал платки и полы одинаковой сероватых оттенков одежды, заставляя и без того съёжившихся ожидающих ещё сильнее кутаться в выношенные полинялые пальтишки.

- Адасть! Я здесь, - узнав своего мужа, Анэта схватила огромную котомку и бросилась вперед.

Он неуклюже, будто стесняясь, обнял. Постояли молча.

- Доехала, - ласково глядя её обветренное лицо, протянул он. - Как ты управилась только?

- Ой, не спрашивай, как-то добралась. Вот, первый раз в жизни поездом проехала.

- Пойдем. Холодно здесь стоять. Я тут на одну комнату договорился, мужики помогли, согласились. Пойдем.

"Похудел, будто вытянулся вверх, а глаза как угли горят", - шагала следом к какому-то полуразрушенному зданию Анэта.

- Ну вот такие хоромы нам на ночь. Зато тепло, - показал рукой в сторону небольшой печки Адасть.

В тесной комнате располагались кровать, стол и какие-то ящики, присев на один из которых, Анэта стала развязывать платок.

- Я тебе вот поесть привезла, - сбросив пальто, она подошла к столу и начала разбирать свой узелок.

- Потом, - мужчина подошел и стиснул жену в объятиях, - Потом.

Страстные поцелуи, крепкие объятия. Все происходило быстро, резкие движения, непослушная мешающая одежда. Анэта задышалась, было иногда даже больно, но она молча терпела, как можно сильнее сжимая Адасть истосковавшимися руками. Муж никогда не был с ней особенно ласков, но сейчас хотелось запомнить все: каждое прикосновение, крепкие руки, горячие губы. И только не думать, что это, может, последний раз...

Потом лежали на кровати, Анэта тихонько замерла, прижавшись к Адастью, боялась пошевелиться, жмурилась, стараясь не думать, где они сейчас и что на самом деле вокруг.

- Ты извини, что я грубо, соскучился, сама понимаешь, - неожиданно произнес Адам.

- Все хорошо, - ответила Анэта.

- Как дети? Как вы там?

- Дети у бабы с дедом. Ничего, потихоньку как-то живем. Картошка в этом году неплохая выросла. Недавно коня нашего перегнали на хутор к твоим, там всё-таки спокойнее. Жалко, если заберут. Лёдя одна сама на нем через лес добиралась. А вас скоро уже на запад?

- Скоро, но никто не говорит когда, - мрачно процедил мужчина. - Так что ты там привезла, давай, ты ведь тоже с дороги голодная.

- Да, сейчас, давай еще минутку полежим.

На рассвете сторбленная усталая женщина выходила через КПШ. Ей вослед смотрел мужчина, в непослушных пальцах которого все не хотела раскуриваться сигарка.

"Не плакать, только не плакать, " - по дороге к поезду твердила себе Анэта. И только когда удалось договориться с машинистом и забиться в пустой угол вагона, она дала волю слезам. Дорогу назад почти не запомнила.

А потом были редкие письма.

А потом кончилась война.

И пришло еще одно письмо, в котором значилось «Пропал без вести».

Бабье лето

На поленнице разлеглась греющаяся на солнце кошка, которая только слегка повела ухом на постукивание занавески из ярких, густо нанизанных на леску деревяшек. Открыв настежь дверь и поправив спутавшуюся занавеску, на порог своего дома вышла старая женщина в цветастом платке. Закончив сметать сухие, нанесенные ветром к порогу листья, женщина облокотилась на поленницу и замерла, глядя на почти уже убранный огород. А потом, обращаясь к кошке, проговорила:

- Глянь, Баська, а летает паутинка-то, видать, вот оно бабье лето и пришло. Наше с тобой лето, - почесала женщина кошку за ухом.

Кошка лениво муркнула, поддерживая разговор. А старушка отправилась к навесу у сарая, где на ржавых, вбитых в бревенчатую стену гвоздях висели плетенки лука, чеснока, пучки трав. Всё проверив, бабуля сняла несколько высохших охапок фасоли. Затем она удобно пристроилась на пороге и начала **лузгать** фасоль. Белые и коричневые семена из стручков сначала звонко, а потом беззвучно падали в железную миску. Перебирая рукой и пересыпая фасолины, женщина пробормотала, отзываясь на какие-то свои воспоминания:

- А вот, может, столько-дней-то и прожито, как фасолин этих, одни светлые, другие тёмные, а в памяти уж всё перепуталось...

Её размышления-воспоминания прервал скрип открывшейся калитки. Во двор зашел с лукошком яблок сосед. На самом деле он жил на другом конце деревни, но они все, немногие оставшиеся старики, считали друг друга соседями.

- Здорова, Гэля.

- Здорова, Степаныч.

- А я вот тебе яблок принёс, такой урожай в этом году.

- А то я не знаю, у меня своих некуда девать, так еще во ты припёр.

- Ай, у тебя такого сорта нету, да и я ж тебе не опад, с дерева хороших наснимал.

- Лучших чем Жене Толиковой вчера занёс?

- От ты всё знаешь, - засмеялся Степаныч. - Тебе самых лучших.

- Свисти больше. Ты б почтальонку нашу угостил что ли, она как раз через пару дней пенсию должна привезти.

- А ты не учи, угощу, я ей ещё гарбузы и картошки приготовил. У меня, может, к ней серьёзные намерения, - приосанился и поправил кепку мужчина.

- Ой, жених, нашёлся - рассмеялась Гэля. - Ладно, спасибо, пересыпай свои яблоки, вон ящик под грушей. О, а может тебе груши надо?

- Не, что мне твои груши, мне б того, что ты на своих ягодах настаиваешь, - хитро улыбнулся старик.

- Ага, сейчас разбежалась я тебе наливать. Нету у меня настоек, а Жене я за её долгий язык ещё выскажу.

- Ну что, твои не приедут? – поинтересовался с грустью в голосе дед.

- Нет, не выходит у них, - тихо ответила Гэля.

- А мои вот тоже за лето так и не выбрались, - не успел продолжить Степаныч, как женщина его резко оборвала:

- Хватит, ты мне уже сто раз одно и то же рассказываешь, уже уши болят слушать. Ты мне лучше скажи, можешь радиоточку поправить, что-то барахлит?

- Ну можно глянуть, что там за проблема, - прошуршав занавеской, старик протопал в дом.

Через некоторое время, провозившись с радио, Степаныч вернулся:

- Порядок, там у тебя только проводок отходил, я починил, за что теперь и выпить не грех, - поглядел довольный собой мастер на хозяйку.

- От тебя ж не отстанешь, не готово ещё, настоится, выпьем, - спокойно ответила Гэля, - если доживём.

- А вот помру, так хоть вся родня соберётся, - отозвался Степаныч, - Ладно, пойду я уже. Бывай.

- Ага. Бывай.

И старик с лукошком на плече поплёлся к калитке. Гэля проводила его и, уже закрыв калитку на клямку, окрикнула:

- Степаныч, ты это, не помирай пока. Осень такая хорошая, бабье лето во.

- Не баись, Гэлька, переживём твою осень и зиму перезимуем. Надо ж по весне аистов, что у меня на липе возле дома поселились, дожждаться. А осень в этом году правда на славу.

Кивнув на прощание, старик зашагал дальше по тихой, пустой, приукрашенной жёлто-красным цветом, чуть затянутой дымом осенних кострищ, деревенской улице.

Снежное прикосновение

Наконец после затянувшихся тёмных ноябрьских дней начался снегопад. Не мокрый снег с дождём, не редкие снежинки, напоминающие стряхиваемый с облаков пепел, а настоящий снегопад. Белые густые хлопья несколько часов подряд укрывали городскую серость, обратившуюся нарядной белизной.

Ванда с самого утра, как только её пересадили в кресло, не отрываясь, смотрела в окно на снег. Около месяца с упрямым настойчивым нетерпением она ждала именно снега. Увидеть снег – стало для неё навязчивой мыслью. Не только увидеть, женщине хотелось прикоснуться к снегу. Это желание сейчас навалилось настолько отчаянно, что Ванда не могла с ним бороться, кроме как сбегав в воспоминания о десятках, сотнях прожитых снежных дней. Вспоминалось наиболее яркое. Вот они, сами ещё дети, катаются с огромных снежных гор, ныряют, чуть ли не с головой, в сугробы, выгрызают слипшиеся снежные комки из варежек. А это прогулка под вечерним снегопадом с любимым мужем, когда они, совсем ещё молодые, дурачились, опрокидывали друг друга в снег, забрасывали снежками, просто лежали на снегу, глядя, как снежное небо обрушивается на землю и на них. Вот другой снежный день, когда уже со своими маленькими детьми они всей семьёй катаются с горки, шумные, раскрасневшиеся, весёлые, а после лепят огромного снеговика.

Воспоминания не очень помогали отделаться от желания прикоснуться к снегу, хотя Ванда понимала, что это невозможно. Со случившимся весной полным параличом и невозможностью что-либо чувствовать она примирилась относительно спокойно, ничего не подделаешь, раз вот так ей выпало доживать свою долгую жизнь. Жалела только, что и мозг не парализовало вместе с телом.

Но падающий долгожданный снег лишил её покоя, будто именно потрогав снег, можно было наконец умирать спокойно. Буйствовавшая летняя зелень, яркие цветы и запахи, красно-жёлтые осенние листья – всё это и многое другое оставляли Ванду равнодушным наблюдателем происходящего, непреодолимо манил лишь снег.

- Сейчас время проветривания, давайте я отвезу вас в коридор? – новая молоденькая медсестра обратилась к замершей у окна Ванде.

- Не надо, - тихо отозвалась та. - Укройте шалью и подвиньте ближе к окну, пожалуйста.

Оставшись одна у открытого окна, Ванда продолжала, словно загипнотизированная, смотреть на падающий снег: «Вот он, совсем близко, а недосягаем. Даже если сестру уговорить вывезти на улицу, всё равно ведь ничего не почувствую». Собственное бессилие заставило Ванду совершить неожиданное – резкую попытку рвануться вперёд, но несоизмеримо затраченным чудовищным усилиям сдвинуться с места, она осталась неподвижной. Внутренне заставляя себя собраться и повторить попытку, женщина понимала её бесполезность. Однако отчаянно снова рванулась из кресла. Немыслимым образом тело её послушалось и двинулось вперёд, но ровно настолько, чтоб тряпичной куклой повиснуть на подоконнике. Теперь голова Ванды была на улице. Не обращая больше внимания на невозможность происходящего, она кое-как повернула лицо к снегу, на большее сил у неё не хватило. Так она и осталась в окне – глядя на падающий в лицо снег, ощущая легкое покалывание снежинок, и почти незаметно улыбаясь.

Океан

В сумеречной комнате смешивались запах ели, стоявшей в углу, и запахи праздничных угощений, готовящихся на кухне под оживлённую беседу, собравшейся вместе в родительском доме семьи. Стайка детишек разного возраста, поразглядывав некоторое время украшенную ёлку, переместилась в угол комнаты, где всё их внимание приковал стоящий на комодке старый дедушкин радиоприёмник «Океан».

- О-ке-ан, - прочитал вслух самый старший.

- Почему? Что такое океан? - пропищала младшая девочка лет четырёх.

- Потому что там волны из звуков, как на море. Знаешь море? Только океан намного больше моря, - разумно пояснил ей и двум другим детям мальчик своё открытие.

Несколько раз рука старшего тянулась к заветному переключателю с зашифрованными словами «ДВ, КВ, УКВ» и к переключателю, двигавшему указатель по шкале, где были выписаны названия далёких и загадочных городов: Хельсинки, Будапешт, Лейпциг и прочих.

- Давайте на минутку, аккуратно, только чтоб никто дедушке не проболтался? – строго оглядел младших, дожидаясь от каждого согласия, старший.

Из старого приёмника раздался треск, а вслед за тем иностранная речь. Дети, конечно, ничего не понимали, но замерли и вслушивались в незнакомые звуки из далёких стран. Одному из них захотелось попробовать переключить приёмник на другую волну. Только он начал поворачивать ручку, как что-то щёлкнуло и стало оглушительно тихо. После затянувшейся тишины старший, глядя на хмурые грустные лица остальных, сказал полупшепотом:

- Сломали. Надо идти, признаваться дедушке.

- Что без спросу приёмник крутили плохо, но что решили сознаться – молодцы, - дети обернулись на голос дедушки, который, оказывается, уже некоторое время находился в комнате и наблюдал за ничем вокруг не замечающими, поглощенными приёмником внуками.

Подойдя ближе и внимательно оглядев поломку, дедушка удовлетворённо улыбнулся:

- Не беда, дело поправимое. Кто со мной за инструментами?

Через некоторое время дети с любопытством наблюдали, как ловко дед разобрал приёмник и принялся за ремонт. В комнате к запаху ели добавился запах канифоли, который понравился детям, зачарованно ловящим каждое действие дедушки.

- А научишь паять? – восхищенно попросил внук.

- И меня, и меня, - присоединились голоса других к просьбе.

- Научу, - улыбнулся дед. - И с «Океаном» обращаться тоже научу.

Закончив работу, дедушка торжественно вернул радиоприёмник на место.

- Послушаем? – подмигнул внукам.

Радостный гул детских голосов был ему ответом.

- Вот здесь переключаются волны – короткие, длинные, а здесь можно искать разные радиостанции, - пояснял дед, ловко щелкая переключателями.

После перебивающих друг друга, говорящих на разных языках дикторов из приёмника послышалась песня. Дед перестал переключать, зажмурился и стал слушать. Ощукая важность момента, внуки тоже притихли, чтоб не мешать дедушке. Когда песня закончилась, дед, заговорщицки понизив голос, сказал:

- Сейчас расскажу вам секрет. Этот приёмник на самом деле не простой. В нём есть совершенно особая волна, которую не всегда поймает, где можно услышать совершенно удивительные вещи. Например, иногда на этой волне ваша бабушка, которой, к сожалению, больше с нами нет, передаёт мне привет. Вот сейчас – эта песня была точно от неё. Когда-нибудь вы тоже непременно научитесь ловить эту волну.

Дети молча слушали. Они верили.

Дмитрий Перегудов

Работает в жанрах научная фантастика, ужасы. Образование высшее - аспирантура. Эколог по специальности. Сфера интересов - биология, общество и социальные проблемы, прогрессивная политика, городские легенды и интернет-фольклор. г. Тольятти.

Ностальгия

Есть такие места – на них никогда не обращаешь внимание. Можно годами проходить мимо и не замечать.

Хуже всего, когда именно такое место нужно найти по той или иной причине – курсировать вокруг них чуть ли не часами, пока взгляд не упрется на криво намалеванный (или же отпечатанный на обтершейся табличке) адрес.

Был такой дом, мимо которого Сергей Зимин ходил на работу и с работы уже несколько лет - с тех пор, как начал писать свои статьи для «Нового Гжевска», мелкотиражной газетенки из хиреющего города под названием Гжевск.

Сергей проходил мимо ряда окон первого этажа. Еле держащиеся на рассыпающихся деревянных рамах замызганные стекла прятались за ржавыми решетками.

Поколения исписали стены всякими скабрзностями, признаниями в любви, оценочными суждениями по поводу одноклассников и тому подобными вещами. Было видно, как сквозь настоящее проступает прошлое. Выцарапанное гвоздем по кирпичам оставалось на десятилетия.

Этот конкретный дом ничем не отличался от других окрестных домов. Неотличимые друг от друга памятники зодчества 1960-х годов были наставлены километрами во всех направлениях в этой части Гжевска. Бетонные глыбы офисных муравейников возвышались над ними. В одном из таких располагалась редакция.

Поначалу Сергей не мог удержаться от соблазна заглядывать в окна первого этажа. Хотя, большая их часть, разумеется, оказывалась занавешенной разного рода шторами. Так что, скоро журналист просто безучастно проходил мимо. Ничего интересного не происходило. Поначалу.

Года полтора спустя Зимин начал чувствовать нечто странное. Словно бы чей-то взгляд.

В первый раз он просто поспешил поскорее миновать ряд окон. То же самое он сделал в последующие дни. Иногда журналист явственно чувствовал взгляд, иногда нет.

Какое-то время спустя Зимин понял, что взгляд исходит из одного конкретного оконного проема.

Там были очень старые занавески, практически выцветшие. С огромным трудом можно было разглядеть на когда-то зеленом фоне когда-то синих дельфинчиков.

Некое смутное воспоминание возникло в голове Сергея. Он видел такие занавески когда-то очень давно... в детстве? Может быть. Журналист не мог вспомнить.

Он стоял под мелким сентябрьским дождем и смотрел на эти ветхие занавески, пока смутная тень не промелькнула за ними. Сергей собрался уже отпрянуть, когда некая конечность высунулась из-за занавесок и поставила что-то за оконную раму.

Унимая дрожь, Сергей присмотрелся к небольшому предмету. Это оказался фарфоровый котенок с одним отколотым ухом.

Он подошел поближе. Да. Это не обман зрения. Но это не может быть тот самый котенок!

Воспоминания детства словно бы вынырнули из тумана. Сергею было лет шесть, когда они с мамой жили в комнате в общежитии. Отца мальчик не знал, а мама никогда о нем не рассказывала. Думая об отце, Сергей всегда представлял себе расплывчатую серую фигуру.

Сергей очень хотел, чтобы у него был котенок. Но держать его в такой крохотной квартирке, как говорила мама, было бы жестоко. Приходилось признать ее правоту.

Однажды мама купила Сергею фарфоровую фигурку, которая стала его любимой игрушкой в течение нескольких лет. Ему казалось иногда, что тот котенок на самом деле живой. Мальчик переживал, когда из-за драки во втором классе у фигурки откололось ухо.

А потом котенок исчез. Сергей так и не смог его найти. Это было так больно, словно потерять истинного друга.

Чувства вернулись к 30-летнему Сергею с их прежней силой. На глаза навернулись слезы.

-Он мой, - пробормотал журналист.

Зимин забыл о редакции, забыл о сегодняшнем дедлайне очередной статьи, забыл на какое-то время обо всех пролетевших годах. Он должен был забрать фигурку.

Журналист постучал в окно, с трудом просунув руку между прутьями решетки, в которых застряли сухие листья. На стук никто не отозвался. Но в квартире кто-то был!

Сергей подошел к подъезду. На глаза попала табличка с почти неразличимым адресом:

-Ул. Нениен, дом 63.

Странный адрес, пронеслось у Зимина в голове. Это должен быть конец улицы Цветочной. Не особенно раздумывая над этим, журналист нырнул в темный подъезд.

Нужно было разобраться, какой квартире принадлежит окно. Судя по расположению, это должен быть номер 11. Сергей был почти уверен. В конце концов, именно дверь этой квартиры медленно открылась. И мужчина переступил порог.

Никого не было...

Просто приходя, загроможденная всевозможным хламом - коробками, какой-то трудно узнаваемой мебелью, стопками книг и журналов, старыми куклами. В одном темном углу притулился патефон с латунной воронкой, а в другом - башенки из десятков VHS-кассет. На потолке единственная лампа испускала желтый свет.

Что же это такое? Комиссионный магазин? Мысль придала Сергею уверенности - может быть, он сможет просто купить фарфоровую фигурку? Его охватило ощущение ирреальности происходящего – словно он попал в рассказ Герберта Уэллса.

Может быть, Сергей вляпался в очередную паранормальную хрень, как с ним уже бывало?

В конце концов, он писал для рубрики «Новости Изнанки», где публиковались всяческие «городские легенды». В ходе своих расследований Сергей иногда заглядывал под юбку обыденной реальности.

Несколько минут Зимин стоял в прихожей, ожидая, что кто-нибудь подойдет. Когда ничего подобного (ожидаемо) не случилось, Сергей решил углубиться в квартиру.

За прихожей был коридор. Какая-то фигура мелькнула там и скрылась из виду - вроде бы женщина в длинной ночной рубашке. А, может быть, и нет. Волосы были длинные, неопределенного цвета. Они змеились по стенам, словно щупальца.

Или это только показалось?

Двери по обе стороны коридора вели в комнаты. Эти комнаты также были наполнены самыми разнообразными вещами - мебелью, книгами, дисками, кассетами, ноутбуками, видеоприставками, посудой, игрушками. В общем, всем, что только можно было себе представить.

Сергей нашел комнату, где было то самое окно. Серый свет, пробивавшийся сквозь занавески, озарял все те же нагромождения вещей. Все они когда-то кому-то принадлежали, подумал Сергей.

Котенок все еще стоял у окна. Всем своим существом Зимин хотел просто его забрать, но в последний момент остановился. Слишком уж все это было... сказочно...

Нет, нельзя было прикасаться к фарфору.

Как часто Сергей слышал о существах, которые заманивают людей в ловушку, используя привлекательные образы. Это было общим местом во многих городских легендах, да и самому журналисту приходилось сталкиваться с подобными вещами. Он понимал, что мир на самом деле куда шире и глубже, чем представлялось большинству.

Усилием воли Сергею удалось подавить эту ностальгию. Нельзя было позволить прошлому диктовать настоящее.

-Покажись! – громко потребовал Зимин.

Он быстро вышел в коридор, чтобы иметь возможность добежать до двери, в случае чего.

-Что тебе нужно от меня? – снова подал голос мужчина. – Ведь тебе что-то нужно?

Ответа не последовало. Разумнее всего было просто уйти. Но присущая журналисту любознательность удерживала его. И не только она – еще неутолимое желание забрать статуэтку. Словно котенок вернет Сергею некую навсегда утраченную часть его души.

И тут он увидел *Фигуру* в конце коридора – более или менее человеческую.

-Эй!

Фигура сделала приглашающий жест и исчезла в помещении, которым заканчивался коридор. В борьбе между различными эмоциями и побуждениями, в конце концов, победило любопытство.

Это оказалась еще одна комната, заполненная старыми вещами, которые громоздились горами до самого потолка. Среди них Сергей увидел кресло, в котором сидело существо.

Длинное тонкое тело было задрапировано в белесую ткань, сливавшуюся по цвету с кожей на длинной шее и впалом лице с черными глазами без белков и выдающимися скулами. Волосы ниспадали на спину и плечи *Фигуры*. На подлокотниках кресла покоились кисти, каждая с шестью многосуставчатыми пальцами.

-Почему ты не взял? – услышал Сергей голос.

Этот голос точно не исходил от *Фигуры* в кресле. Он словно бы раздавался у журналиста в голове.

-Вещь важна для тебя, - снова услышал Сергей (или подумал, что услышал).

Это не был вопрос, но мужчина все же ответил:

-Да.

Фигура сидела неподвижно. Она не дышала. Манекен, подумал Зимин. Манипуляция незримых хозяев этого места, должно быть. Но тут черные глаза моргнули, а длинные пальцы чуть шевельнулись.

-Кто ты? Чего ты хочешь? - спросил Зимин.

-Я...

Имя того (или той), кто сидел в кресле, оказалось непроницаемым для человека сочетанием звуков.

-Я здесь очень давно и я *сопротивляюсь*.

-Чему?

Фигура подняла руку и указала на единственное в комнате окно, занавешенное тяжелыми алыми шторами. Каким-то шестым чувством Сергей понял, что за этим окном нет хмурого осеннего дня.

За этим окном было... Ничто... *Серая Бездна*, в которой рано или поздно исчезнет все сущее. Исчезнут все, кто жил, живет и будет жить.

-Да, - снова раздался голос. - Существа живут, чтобы уйти туда. Иные сразу, другие постепенно. Кто-то теряет все, что ему было дорого, прежде чем *Бездна* поглотит и их... опустошенную оболочку. *Бездна*. У нее много имен. Некоторые именуют ее *Энтропией*.

-Надежды нет, - сказал Сергей.

Он чувствовал слезы на своих щеках. Все равно.

-Я *сопротивляюсь*.

-Как?

-Я задерживаю... вещи. Перед их уходом. Важные для кого-то. Дорогие кому-то. Жизнь задержать не могу. Пока.

-И что дальше?

Существо в кресле не ответило.

-Ты здесь. Без той вещи ты неполон. Ты ближе к *Бездне*. Дав тебе предмет, я сделаю тебя более целым и тем самым окажу *сопротивление*.

-Я могу взять... просто так?

-Да.

Голова существа медленно повернулась к задрапированному окну. В его глазах впервые промелькнула какая-то эмоция - ненависть, как показалось Зимину.

-Редко мне случается... восстановить кого-то. Обычно вещи, которые я задерживаю, просто остаются здесь. Но и это акт... сопротивления.

В этот момент что-то произошло. Что-то мелькнуло от порога комнаты к закрывающему *Бездну* окну. Длинная конечность *Фигуры* в кресле метнулась вверх и схватила предмет, словно бы возникший из воздуха.

-Время подходит. Как ты поступишь?

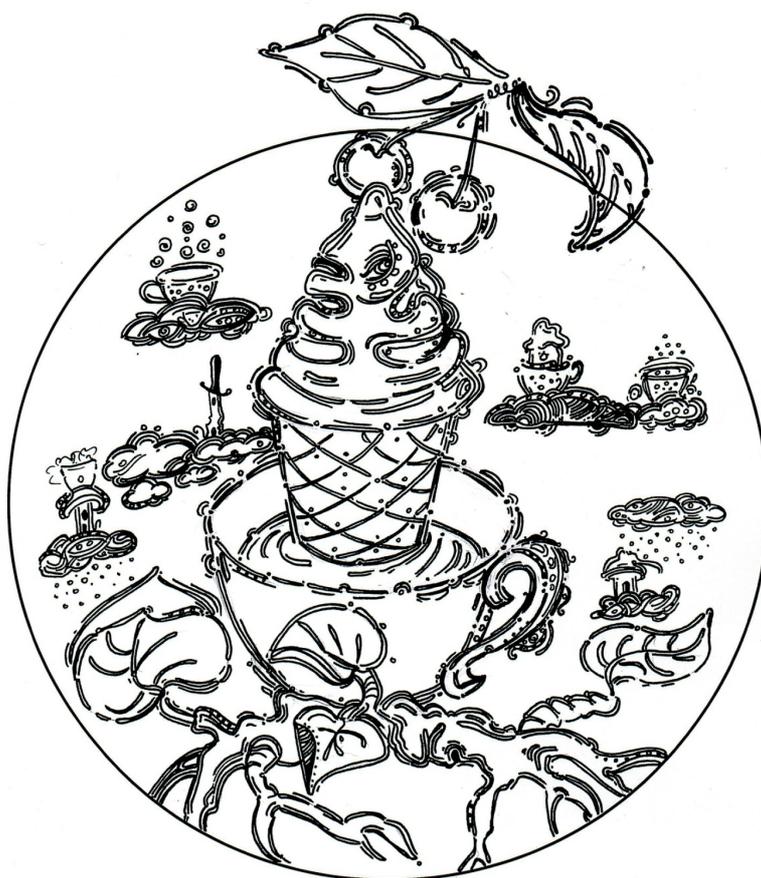
Сергей забрал фарфоровую статуэтку. Шагая к выходу, он заметил, что помещения в квартире теряют цвета и четкость очертаний. Что-то должно было произойти.

Сергей ускорил шаг и вышел на улицу. Он бросил взгляд на табличку с названием улицы и заметил, что она изменилась:

-Ул. Цветочная, дом 63.

На следующий день все было как обычно. Жизнь Сергея Зимина не выбилась из привычной колеи. Словно все произошедшее ему привиделось. То странное место исчезло, сменившись обыкновенной квартирой.

Но статуэтка котенка все еще была у Сергея

Николай Будаев

Начал писать со школы. Состоит в ТО "Созвучие". Печатался в альманахе "Поэт года"(21 том,2017),"СтихиЯ","Стихи внутри тебя" и т.д. Недавно вступил в союз писателей России. Близки темы Родины, природы, любви.
г. Самара.

Николка

Николка, мальчуган лет двенадцати, очень любил рано утром отправляться на речку.

Тихая, спокойная речушка, Тайка, всегда радовала веснушчатого паренька с белобрысой шевелюрой. Она была Николке закоренелым другом, который и накормит, и напоит, если знать места ловли рыбы, да заветный родник, что спрятался в тени деревьев, у края оврага. Вот и на этот раз, проснувшись часов в пять, юный сорванец поспешил с удочкой наперевес к знакомой тропинке, которая петляла меж сосен и берёз, ведя к реке. Тайка встретила его, как родного. Уже открыли глазки полевые ромашки и васильки, что росли на самом берегу. Жёлтые кувшинки тянули свои длинные головки к солнышку, норовя показать свою чарующую красоту водной братии. Здесь росли водоросли и обитали многочисленные: лягушки, рыбы, ондатры, утки и водные насекомые. Каждый считал Тайку своим домом. Перво-наперво Николка принялся удить рыбу. Закинув подальше рыболовную снасть, он пошёл собирать сухие ветки для костра. Через полчаса, набрав достаточно дров для этого, Николка довольный семенил к берегу.

И только тут он увидел, что удочки нет... Оглядевшись по сторонам, вдруг заметил на середине реки одинокую палку, которая как-то странно себя вела. То она неуклюже тонула, то плыла против течения. Это была его любимая бамбуковая удочка, подаренная отцом к дню рождения. Недолго думая, Николка прыгнул в воду и стал догонять уплывающую снасть.

Схватив конец удочки, он стал отчаянно бороться с диковинной рыбой, которая была на крючке. Поначалу ему это удавалось. Ближе к берегу, когда стал появляться зрелый камыш, добыча начала оказывать яростное сопротивление.

Но Николка не сдавался. Своими худыми, но цепкими руками, он умело изводил хищника короткими перебежками и не выпускал леску. Вскоре удача сопутствовала герою. Выдохнувшись от бессмысленной борьбы, из воды показался огромный сом, который выглядел, как старое, затонувшее бревно, только сдвигающимся хвостом. Взяв двумя руками за жабры податливую рыбу, маленький рыболов вытащил её на берег. От волнения дрожало всё тело. "Вот это улов! Мальчишки обзавидуются!"-подумал, едва отдышавшись, Николка. Проткнув сучком толстую пасть рыбы, мальчонка взвалил её себе на спину и медленно побрёл в сторону родной деревни. Что ждёт его завтра? Никому не известно, а сегодня он герой.

Мудрость

Иногда бывает тоскливо на душе, будто кошки скребут. Хочется куда-нибудь уйти, чтобы никто не мешал.

Вот и сейчас я смотрю на падающий снег, что сиротливо ложится мне под ноги, на фонари, что тускло светят в ночной мгле и что-то тревожит весь этот колорит, заставляет думать Бог весть о чём.

Ах, эти мысли... Они несут меня куда-то вдаль, в иные миры, где только блаженство и покой. Я хочу ими управлять, хочу подчинить их моей воле и даже моей слабости. Я в тайне слегка завидую тем людям, которые могут это делать и знаю, что они есть. Как быстро летит время. Вчера еще был ребёнком, а сейчас уже мудрый старик и щедро делишься с людьми секретами жизни, не ожидая ничего взамен.

Наверное, это и есть опыт. Его ни пропить, ни потерять. Он остаётся в тебе. Надолго, навсегда. И это называют мудростью.

Завари мне чай с любовью

Завари мне чай с любовью,
Чтобы я напиться смог.
Чтобы жизнь казалась новью,
Не преследовал злой рок...
Завари как можно гуще,
Без соринок и вранья.
Где обычный день грядущий,
Был похож весь на тебя...

Завари его мне ночью,
Когда спят уже давно.
Чтобы видел я воочию,
Что тебе не всё равно...

Успокой ответным словом
И поступком успокой.
Чтобы я всегда здоровым
Был на много лет с тобой...

Нас осень в танце закружила

Нас осень в танце закружила,
Листовою ранив навсегда.
Где мы идём под ручку мило,
Забыв про возраст и года...

Осенних мыслей вереница
Нам шепчет робко - не спешу.
Корабль мечты по кругу мчится,

С собой зовёт в ночной тиши.

С тобой встречаем бабье лето,
С природой дышим в унисон.
Тепло даря друг другу где-то,
Открыв взаимности закон...

Нас не накрыть большой волною,
Не разлучить шальным огнём.
Всё будет тратою пустою,
Своё мы счастье обретём...

И пусть мелькают дни, минуты,
Планета вертится не зря.
Сверяя стрелки и маршруты,
В которых ищем мы себя...

Мечтала девушка в тиши

Мечтала девушка в тиши,
Что встретит парня для души.
Что будет с ним встречать рассвет,
Забыв про завтрак и обед...

Что будет он как Дон Кихот,
Влюбленный рыцарь без забот.
В ком страсть кипит через края,
Кто кандидат почти в мужья...

О том она читала в книжках,
Что есть любовь без передышки.
Когда горят огнём глаза,
Спуская всё на тормоза...

Когда свобода тяготит,
А сердце бешено стучит.
Когда не видишь сквозь очки
И в голове одни сверчки.

Всё промелькнуло в голове,
Короткой вспышкой в судьбе.
Оставив мыслей хоровод,
Где есть любовь и Дон Кихот...

Алина Науменко

Филолог, член литературной студии "Автограф". Пишет стихи и прозу. г. Тольятти

Бунтарка

Посвящается памяти моего преподавателя,
заведующего кафедрой «Филология» ТГУ Б.В. Тюркина.

Наступал вечер. Наталья сидела за столом, склонившись над листом бумаги, и что-то увлеченно рисовала. В такие моменты ей не мог помешать даже лай соседа, у которого опять проснулась его вторая личность – собака-инопланетянин.

От работы ее отвлекло появление дежурной медсестры – Альбины Васильевны.

- Отбой, Наталья Владимировна, - заметила она. – Убирайте свои художества.

Наталья усмехнулась.

- А если на меня вдохновение нашло? И, кстати, можно мне мольберт в палату?

Наталье было прекрасно известно, что мольберт ей не разрешат даже за большую взятку (да и давать эту взятку, собственно, нечем), но разве можно отказаться от случая лишней раз позлить Альбину Васильевну?

- Это не санаторий, а лечебное учреждение, - прохладно ответила та. – Правила для всех одинаковые – и для гениев, и для простых смертных.

Наталья усмехнулась, завернула за ухо локон черных крашенных волос, но бумагу и карандаши все-таки убрала.

- Лучше скажите, как себя чувствуете? – осведомилась медсестра. – Как ваши галлюцинации?

- Мои галлюцинации самые лучшие галлюцинации в мире! – отчеканила Наталья. – Они в полном порядке.

- Вот это плохо, - покачала головой Альбина Васильевна. – Лекарства принимаете?

Наталья кивнула. Лицо приняло знакомое медсестре скучающее выражение, которое появлялось всегда, когда речь заходила о ее лечении. Старушка взглянула на часы.

- Ложитесь спать, а завтра поговорите с врачом насчет галлюцинаций. Спокойной ночи. Если что – я недалеко, - медсестра выключила свет и ушла. А Наталья осталась одна.

Наталья оглядела комнату. В темноте вся ее привычная бравада испарилась, и она ощутила в душе приливы чего-то неприятного, похожего на страх. Ощущение было такое, словно она находится в коробке или сундуке, где уже закрыли крышку. А окно – не более чем маленькая замочная скважина, в которую льется мягкий лунный свет. А, может, все так и есть? Она кукла, которую после игры положили в коробку и закрыли крышку. Наталья подошла к окну, откуда мелькали тени того мира, который так жестоко пошутил над ней.

Наталья легла в постель, которая теперь показалась ей особенно жесткой – хотя пора бы уже привыкнуть. А ведь всего несколько лет назад она была абсолютно свободной! Париж, знаменитые гобелены замка Анжер в долине Луары, дворец дождей в Венеции. Колизей в Риме. И после всех красот - палата городской психушки?? Как это еще можно назвать, если не насмешкой?

Наталья взглянула на стену напротив. Там благополучно сидели, чуть склонив головы, большие куклы в масках, платьях из разноцветных лоскутков, чем-то похожие на кукол из итальянской комедии, только в человеческий рост, с пока что болтающимися без дела нитями, плотно привязанными к рукам.

Наталья вздрогнула, закуталась в одеяло и постаралась не обращать внимания на своих молчаливых соседей. Хотя больше всего сейчас хотелось встать и побежать к Альбине Васильевне, попросить ее заставить их исчезнуть, или посидеть с ней до утра. Что ж, и ей слабость не чужда.

Она перевела взгляд на потолок. Но и оттуда ей улыбались блестящие безликие маски разных цветов – молочно-белые, бирюзовые, ярко-зеленые, малиновые. Наталья вновь повернулась к марионеткам. Лучше она будет смотреть на них. В ушах звучали знакомые цитаты, отрывки из песен. Причем она совершенно не могла вспомнить, кому они принадлежали. «Волк и заяц, тигры в клетке, все они марионетки в ловких и натруженных руках». Это, кажется, Шекспир? «Жизнь театр, а люди в нем актеры». А это кто сказал? Пушкин, наверное. Ладно, утром вспомнит. Наталья привстала. Ей вдруг стало ясно, что она всегда ощущала это, всю жизнь, только не знала, как это назвать. И именно против этого она бунтовала.

Она оглядела палату снова. Все вокруг заполнилось молочно-белым светом. Наталья вновь посмотрела на куклы. Теперь она их уже не боялась. Даже стало как-то уютно, как с давними знакомыми. Марионетки теперь сидели, прислонившись не к стене, а к белым, витым колоннам. Стена бесследно исчезла, открыв взору коридор, уложенный разноцветными плитами и залитый таким же молочно-белым светом. У художницы шевельнулась мысль, что нечто похожее было в работах ее знакомых сюрреалистов. А может, и у нее самой. Куклы неспешно встали. Девушка сделала легкий реверанс, приподняв края своего пестрого платья, а Арлекино шаркнул ногой. Наталья ответила им легким поклоном. На лице появилось неприятное ощущение прикосновения чего-то холодного. Она коснулась лица. Точно. Маска. Такая же, как у Арлекино и его подружки. Интересно, как она хоть выглядит теперь, в маске? А нитки у нее есть? Наталья пошевелила руками. Нет, вроде не чувствуется.

Арлекино подал ей руку. Госпожа Делакура на секунду замешкалась, но протянула свою руку в ответ. Она прекрасно знала, что это галлюцинации (в этом было ее главное отличие от других пациентов), но решила им не противиться, а по возможности насладиться всем, что принесет ей безумие. Она из-за него терпит жизнь в этой больнице, так что оно просто обязано доставить ей хоть какое-то удовольствие! Кстати, в сумасшествии ведь тоже есть какая-то толика свободы! Она находится здесь, в палате и вместе с тем и в другом месте. Так что можно сказать, что своего она достигла хотя бы отчасти.

Они с ее новым знакомым вошли в коридор. Наталья огляделась. Его подружка куда-то исчезла. Интересно, куда? И где они сейчас? Художница поежилась от холода и слегка тронула руки. Холодные и твердые. Слегка потрогала платье из пестрой, жесткой материи. Так, интересно. Значит, она сама стала куклой? Однако мысль эта ее почему-то не испугала. Как и во сне, обычно в таких «грезах наяву», как она это называла, ее было сложно чем-то удивить, или напугать.

Она шла рядом с Арлекино, параллельно размышляя, что сейчас делает в реальности. Она попыталась вернуться, однако это оказалось невозможно. Нет, все-таки и здесь она в чьей-то власти. Кто-то играет ее разумом так же, как и жизнью. И вернуться в реальность в любой момент она не может.

«Арлекино, Арлекино! Нужно быть смешным для всех. Арлекино, Арлекино! Есть одна награда – смех!» - пел чей-то противный голосок. Наталья повернула голову и не удержалась от смеха. По стене бегало небольшое уродливое существо вроде бы женского пола, похожее на обезьянку. Существо прыгнуло перед ними. Наталья невольно вцепилась в руку Арлекино, к которому почувствовала непонятную симпатию. Такую, которую, возможно, могло бы испытывать кукольное сердце. Существо противно рассмеялось.

- Надо же! Нашла себе спутника! – издевательски закричала она. – Арлекино, шут, притворщик из театра масок! Тебе, конечно, в маске всегда больше нравилось!

Наталья размахнулась и попыталась ударить негодяйку, но та ловко отпрыгнула и растворилась в воздухе. Она повернулась к Арлекино. Однако понять, как он ко всему этому безобразию относится, было невозможно. На его лице была все та же белая улыбающаяся маска. Как и у нее, впрочем. Художница попыталась снять свою, но безуспешно. А за стеной та неприятная особа продолжала петь. Наталья огляделась. Надо просто не обращать на нее внимания и идти дальше. Если она не может идти назад в реальность, так пойдет вперед! Она ничего не боится!

- Пойдем отсюда, Арлекино! – попросила она. Ее спутник теперь внушал ей страх. Просто какая-то молчаливая кукла. Но оставаться одной в этом странном месте не хотелось совершенно. Арлекино кивнул, и они пошли дальше.

Правда, идти почему-то становилось трудновато. Наталья посмотрела на свои ноги, обутые в изящные маленькие туфли. Двигать их почему-то было трудно. Словно к ним и вправду были привязаны нити. Однако и об этом она тут же забыла, потому что откуда-то стала доноситься музыка. Совсем другая, непохожая на ту песню. Приятная, ласкающая мелодия венского вальса. Наталья приободрилась и ускорила шаг.

Музыка звучала совсем рядом, однако идти до нее пришлось долго. Арлекино провел ее через туннели, лестницы и арки, пока, наконец, они не вошли в просторный зал, освещенный множеством сверкающих люстр, утопающий в цветах и музыке. Наталья глубоко вздохнула и огляделась. Все здесь было знакомо. И эти столики среди ваз с цветами, и эти люди, которые сидели за ними, и музыка. За окном простирался удивительный вид на Сену и Эйфелеву башню. Точно. Это ее любимый парижский ресторан, где они с друзьями-сюрреалистами так любили собираться. Как же он назывался? Наталья вздрогнула. «Arlequin». «Арлекино».

Ее спутник провел ее к столикам. Наталья села и взяла блестящий прозрачный бокал. Да, это тот же самый ресторан. И запах вина точно такой же. Запах свободы!

Она гордо улыбнулась и оглядела знакомые лица. Все свободные художники. И не просто художники, а сюрреалисты! Те, для которых не существуют правил и канонов, а только полная свобода воображения! Куда тем, кто пашет по восемь часов в день на чужого дядю, не видит дальше своего носа и чьи мечты не идут дальше отпуска на море, понять их! Им здесь делать нечего. Это Парнас, обитель избранных! Тех, у кого есть кругозор, а не точка зрения!

Это было одно из тех мгновений, когда гордость за свою принадлежность к богеме переполняла ее полностью и которые там, в Париже, повторялись так часто.

Она откинулась на спинку стула. Звучала музыка, в зале уже появились танцующие пары. Но ей танцевать почему-то не хотелось. Она уже сделала глоток, и все тело охватила

приятная слабость. Она только наблюдала за всеми. И нахмурилась, увидев среди блестящего зала ту самую женщину, которая пела «Арлекино». Она прохаживалась здесь как хозяйка, заглядывая всем в лица, и улыбалась, видимо, довольная тем, что видела.

- Что ты здесь делаешь? – спросила у нее Наталья, когда карлица приблизилась к ее столику.

- Как что? – сделала вид, что не поняла карлица. - Это мой кукольный театр! Наследство от родителей. И ты сама меня выбрала!

Наталья содрогнулась.

- Что ты несешь? Кто ты такая?

Но карлица между тем уже убежала. Наталья попыталась забыть про то, что она говорит. И вообще пора вспомнить, что это галлюцинации и не принимать все слишком всерьез. Это просто ее галлюцинации, которые очень любезно позволили ей вспомнить старые добрые счастливые времена, когда она жила в Париже.

Однако насладиться воспоминаниями почему-то не получалось. Слова про театр все еще звучали в голове. Тут еще название ресторана - «Арлекино». Театр и Арлекино..Интересно, что все это значит? И откуда она знает эту карлицу?

Наталья оглядывала своих друзей и только теперь заметила, что у них у всех есть тонкие нити на руках и ногах. И их улыбающиеся лица чем-то похожи на маски. Нет, с этим нужно разобраться.

Художница встала и вышла за дверь. Ее ухода никто не заметил, как, впрочем, и прихода.

Карлица сидела на колонне и болтала ногами.

- Кто ты такая?

- Я? Я дочка Афродиты и Диониса! – немного обиженно отозвалась та.

Наталья фыркнула. Ничего общего у уродливой карлицы с прекрасной богиней Афродитой быть не могло.

- Ну, хорошо, допустим, - кашлянула она, боясь показаться невежливой. – Хотя ни в одном мифе не было указано, что у них были дети.

Карлица поморщилась и несколько раз подпрыгнула на одной ноге.

- Мифы! До сих пор не знаю, с какого потолка люди их берут! Значит, связать богиню любви с богом вина нельзя, а с богом войны можно?

Наталья задумалась и поспешила кивнуть.

- Хорошо, пусть так. А почему ты говоришь, что этот ресторан твой, а я тебя выбрала?

- Не меня, а моих родителей. Не помнишь, что ли? Пошли, покажу.

Наталья последовала за своей новой знакомой.

Они прошли по мраморной лестнице и вышли в другой зал, огромный, с полуразрушенными колоннами и белыми мраморными статуями женщин. Возле одной горел огонь. Наталья оглядела все вокруг и вспомнила, когда она здесь была. Во сне. Она повернулась к карлице, которая стояла, с усмешкой глядя на нее.

- Ну что, вспомнила?

- Чуть-чуть, - честно призналась художница. – Я помню, мне дали факел и предложили зажечь огонь перед одной из богинь. У той, чьим покровительством я хотела бы пользоваться всю жизнь. И помню мне даже что-то про них объясняли. Но сейчас я уже все забыла. Кто они?

Карлица провела ее поближе к статуям.

- Их зовут Гестия, Афина, Гера и Афродита. Гестия – богиня семьи и домашнего очага. Гера помогает для достижения успеха в карьере. Особенно на руководящих постах.

- Но она богиня супружества! – удивилась Наталья. Ее новая знакомая рассмеялась.

- Могла бы сама понять. Вспомни, какая была ее собственная семейная жизнь! Но зато у нее была власть. В конце концов брак – тоже способ достижения целей, - Свобода странно прищурилась, глядя прямо на Наталью. Та вздрогнула, но промолчала и принялась

оглядываться по сторонам. Ресторан исчез, и теперь оказалось, что храм этих четырех богинь стоит посреди зеленой долины. Откуда-то доносился добродушный рокот моря. Интересно, где она? В Греции или где-нибудь в Италии?

Вспомнив об Италии, Наталья вспомнила и своего мужа, Шарля Делакруа. Сердце болезненно сжалось. «Нет, это ведь совсем другое!», - подумала она и перевела внимание на других богинь. Одна в шлеме и с совой на плече – Афина, Гестия – мягкая, с добрым лицом, напоминавшая Наталье ее сестру Лену, и холодная красавица с венком из цветов на голове и в тунике, украшенной цветами. А карлица, как ни в чем не бывало, продолжала.

- Афина дает мудрость и помогает в образовании. А вот и матушка моя, Афродита, - в голосе ее собеседницы послышались мягкие нотки. – Она, как ты знаешь, богиня любви. Такой, которая страсть. Страсть, наслаждение – это к ним с отцом. А я их дочь. Люди меня называют Свободой.

Наталья всем телом вздрогнула. Карлица рассмеялась.

- Что, удивлена? Ожидала женщину с факелом увидеть? Уж извини. А какая еще свобода может родиться у бога виноделия с богиней страстей?

Художница промолчала. Ей не нравился этот бредовый диалог (причем бредовый во всех смыслах), но прекратить его было, видимо, не в ее власти. Значит, оставалось выяснить все, что эта карлица могла ей рассказать.

- Почему ты назвала ресторан «Arlequin» - своим театром?

Карлица рассмеялась и кивнула.

- Да. Я в нем играю в куклы. Как ты – в свои. Только мои меня сами выбирают, - она рассмеялась. Душу Натальи охватила паника. Бежать, бежать отсюда. Она повернулась к лестнице и побежала по ступенькам.

Но вместо травы ощутила у себя под ногами дощатый пол, а на руках - нитки. Наталья дернулась, но, как положено в кошмарах, безуспешно. Она огляделась. Ее окружали куклы – безликие, в масках, как на венецианском карнавале, в пестрых одеждах. Арлекино, Панталоне, Изабелла – все знакомы. Было душно и тесно. Кажется, они находились в каком-то темном ящике. «Надеюсь, мы не у Карабаса Барабаса!», - усмехнулась Наталья, решив больше не сопротивляться. «Это галлюцинации, - снова напомнила она себе. – Всего лишь галлюцинации. Бояться нечего. Просто посмотрю, что будет дальше. Должно быть интересно».

Вокруг нее снова шелестело пестрое платье из жесткой материи, а на лице плотно лежала холодная маска. Но ее это уже не раздражало – было только интересно, кто она здесь. Кого она играет? Коломбины, кажется, здесь нет. Может, она и есть Коломбина?

Между тем из ящика, и Наталью ослепил солнечный свет.

Наталья открыла глаза и обнаружила, что лежит в постели в своей палате. В коридоре слышались шум, голоса, звон тарелок. Скоро обход, а потом завтрак. Каша, как всегда. За четыре года, что она здесь, мало что изменилось.

Наталья потянулась и взглянула на оставленный вчера вечером альбом. Он по-прежнему лежал на столе. Госпожа Делакруа встала и вновь села за стол, просматривая свои работы, которые рисовала здесь в последний год. С тех пор, как очнулась.

Наталья улыбнулась. Вспомнилось, что говорили врачи о том времени, когда она только попала к ним. Ее разум в то время находился в «грезах наяву» постоянно, и врачи говорили, что она не реагировала ни на что вокруг, а только делала рукой движения, напоминающие рисование. И кто-то из персонала сообразил дать ей карандаш. «А чего они хотели? – гордо подумала она. – Художник не может не рисовать, как поэт – не писать стихов!» Она взяла альбом в руки и пролиставала, разглядывая свои рисунки.

За этим занятием ее и застала медсестра Юля. Она осторожно заглянула ей через плечо. На листке был изображен замок из синего камня, весь, казалось, окутанный голубоватым свечением.

- Красота! – восхитилась медсестра. – А я этот замок что-то раньше не видела. Это что-

то из нового? Можно посмотреть?

Наталья милостиво кивнула и протянула ей листок.

- А я думала, вы со своим интернетом совсем разучились смотреть! – подколола ее Наталья. – Просто листаете ленту новостей в соцсетях и лайки ставите, не глядя, чему.

- Так было б что рассматривать! – фыркнула Юля. – А ваши всегда просто сказочные! Как кадры из мультика! Вы знаете, я в детстве мечтала стать мультипликатором, а потом – художницей. Но родители сказали: «И не думай даже! Художник – это не профессия», и я пошла в медицинский, - она осеклась, сообразив, что сказала что-то не то. Взгляд серых глаз ее пациентки странно изменился.

- Извините, заболталась я. Я вам лекарство принесла, - медсестра положила на стол бумажку с двумя таблетками. Наталья равнодушно взглянула на них.

- Так в моих работах нет никакого смысла? – вдруг спросила она. Медсестра растерялась.

- Наталья Владимировна, ну смысл – штука относительная. Для одних он есть, для других – нет. Помните мы с вами про «Черный квадрат» говорили, и вы мне доказывали, что это не картина? А некоторые считают, что в нем заложен прям ужас какой глубокий смысл!

- Ага, утонуть можно, - насмешливо согласилась Наталья. – Ясно все с вами. Похоже, правду мне в этих стенах говорит только Альбина Васильевна. А этот рисунок можете забрать. Дарю.

- Спасибо, - она разулыбалась. – Представляете, лет через сто мои правнуки найдут его и выяснится, что это работа самой Натали Делакруа!

Ее слова рассмешили Наталью, но и польстили ей.

- Надеюсь, - спокойно ответила она, обуваясь. - И, кстати, ваши родители были правы – художник, это не профессия. Это национальность и вероисповедание в одном флаконе. Это должно быть частью вас, заполнять вас целиком и полностью. А иначе это просто хобби.

Девушка задумалась.

- Не знаю. По-моему, «целиком и полностью» - это уже фанатизм, - она почему-то взглянула на дверь, потом обратно на Наталью. – Не забудьте лекарство выпить. Скоро врач придет, а через полчаса завтрак, - и она ушла. А Наталья вернулась к рисункам. Так что же выходит, она вывернула всю душу, чтобы на выходе получить нечто, годящееся для мультяшек и компьютерных игр? И даже «грезы наяву» ей не помогли?

Наталья вздохнула. Да, как ни крути, но это не ОНО. Не то, чего она искала.

У госпожи Делакруа, надо сказать, была одна мечта. Тщеславная, может быть. Дело в том, что она всегда чувствовала - есть ТАКИЕ высоты сюрреализма, такая сверхреальность, к которым не приблизились даже такие корифеи, как Сальвадор Дали! И она пыталась достичь их, толком даже не зная, что это. Но, увы, к каким бы средствам она не прибегала - и путешествия, и алкоголь – и еще кое-что – но чего-то все время не хватало. И все чаще появлялась мысль – это по силам только сумасшедшим. Так что выходит, что даже ее нахождение в этих стенах – отчасти ее собственный выбор.

Ее муж Шарль суть этих исканий не понимал, но старался поддержать. И когда ему предложили работу в России, согласился почти сразу. Ради нее.

Наталья этому предложению и вправду обрадовалась. Она скучала по родине и надеялась, что дома дело пойдет лучше. Дома, как говорится, и стены помогают.

Однако работы ее лучше не стали. Они были неплохими, имели успех в определенных кругах. Но она сама видела, что в них по-прежнему чего-то не хватает. А чего именно – по-прежнему не знала. А вскоре стало не до этого – Шарль погиб в автокатастрофе.

Наталья чуть сжала пальцы. Не хватало еще расплакаться сейчас, пять лет спустя, когда даже на похоронах она была спокойна! Внешне, во всяком случае.

Она пролистала альбом и остановилась на портрете девочки лет шести. Их с Шарлем дочери Жаклин. Серые глаза, нежное личико, золотистые с ряженкой волосы. Жаклин больше походила на своего отца – Шарля, потомка художника Эжена Делакруа. Того самого, который написал картину: «Свобода, ведущая народ» (знать бы, куда).

Наталья погладила портрет дочери. Интересно, какая она теперь? Есть ли у нее друзья? Какие предметы ей больше нравятся в школе? Любит ли она рисовать? А Елену как называет? Тетей или мамой?

Ее размышления прервало появление ее лечащего врача, Ярослава Леонидовича. Наталья отложила рисунки и приветливо кивнула ему. Он поздоровался и как всегда спросил ее о самочувствии. Наталья заверила, что чувствует себя превосходно.

Врач сел на стул рядом с ней.

- А у меня другие сведения. Альбина Васильевна сказала, что ночью у вас опять был приступ. Вы ходили по коридору, бормотали что-то про Арлекино. (Наталья покраснела, но врач этого не заметил. А, может, сделал вид). Она увела вас в палату, уложила в постель и дала успокоительное. А еще она говорила, что вы до этого жаловались на галлюцинации.

- Возмутительная ложь! - усмехнулась пациентка. - Я на них не жалуюсь, я ими наслаждаюсь!

Ярослав Леонидович снял очки и протер их платком.

- Возможно. Но, скажите, вы можете контролировать в этот момент свое поведение в реальной жизни? - осведомился он. - Вы помните, что делаете в это время?

Удар попал в цель. Наталья немного помолчала и отрицательно покачала головой.

- И, кстати, Ярослав Леонидович, - ее глаза загорелись. - Я хотела с вами посоветоваться. Вы можете сделать так, чтобы я могла контролировать свои галлюцинации? Видеть их, когда хочу, но при этом осознавать, где я?

- Как по телевизору? - врач усмехнулся. - Но психика - тонкая вещь. С ней играть нельзя. А то можно и доиграться. Вам ли этого не знать. Да и зачем?

- Просто я в это время вижу много такого, что можно было бы изобразить на бумаге, - объяснила Наталья. - Когда я ТАМ, то сделать этого не могу - вы сами видели, что за ерунда у меня в это время получается. А когда возвращаюсь, многое притупляется.

Ярослав Леонидович задумался.

- Боюсь, тут я вам помочь ничем не могу. С психикой играть слишком опасно. Поэтому мы с вами должны довести ваше лечение до конца. Именно мы с вами, а не я один. Ведь это и ваша война.

Наталья молчала.

- Но об этом мы с вами еще поговорим, - добавил врач. - Сейчас идите завтракать.

Наталья кивнула, покорно встала и вышла в коридор.

В столовой уже собрались ее знакомые. Те из больных, кому позволялось беспрепятственно ходить по больнице и даже выходить во двор. Многие здоровались с ней, и она отвечала им легким кивком. Не считая себя, впрочем, равной им. Хотя они и в некотором роде друзья, по несчастью.

Последняя мысль ее не радовала. Разве ее можно сравнить с этой девушкой, пытавшейся покончить с собой из-за несчастной любви? Или с этим парнем, который решил прыгнуть с крыши, когда не смог подступить в институт, в который хотел? Или родители хотели - неважно.

Но продолжить эти размышления она не успела - ее больно толкнули сзади.

- Опять ты здесь, дьяволица! - услышала она за своей спиной. Наталья повернулась к женщине лет пятидесяти, сверлящей ее ненавидящим взглядом.

- Ничего, когда-нибудь небесный огонь испепелит и тебя, и твоих драконов! - прошипела она. «Хоть бы раз что-нибудь новенькое!», - с досадой подумала Наталья. Эта женщина с первого дня поступления сюда ее возненавидела, считая не больше, не меньше, исчадием ада, и уверяла, что видела, как к Наталье ночью шляется всякая нечисть. Художница в ответ насмешливо приглашала ее на шабаш.

Женщина ушла получать свою порцию завтрака, а к Наталье подошла ее приятельница, Анжела. Красивая, рыжая, с теплыми голубыми глазами и милой улыбкой. Сюда она попала с диагнозом «пиромания» - страсть к огню. У нее это проявлялось вполне безобидно - видя огонь, она просто замирала, заморожено глядя на него, будь это костер или мягкое перышко

свечи. За месяц, проведенный здесь, Анжела завоевала симпатию всех, даже Альбины Васильевны.

- Что, опять эта мадам грозит тебе небесным огнем? – усмехнулась Анжела. – Не обращай внимания. Пойдем за стол, я взяла порцию и тебе, и себе.

- Спасибо, - Наталья улыбнулась и села на свое место. В окружении «своих» - рядом Анжела, а место напротив, как раз занимал слегка прихрамывающий Валера, бывший афганец. На стене напротив Натальи висела картина, изображающая скалистый берег моря.

Наталья оглядела всех и принялась за слегка холодную и слегка подгоревшую кашу. Картина смотрела на нее, и Наталья готова была поклясться, что чувствует легкий морской ветерок у себя на лице. Она подняла глаза, как-то по-новому оглядывая этот знакомый пейзаж. Берег удивительно напоминал ей тот, где они были когда-то вместе с Шарлем.

Ее сердце болезненно сжалось. Она вполуха слышала, как Валера уверяет Анжелу, что у него есть зажигалка, и он может показать ей огонек, если она его поцелует. И была почти уверена, что Анжела так или иначе **согласится**. Огонь – вот ее ниточка, за которую ее можно «дернуть». «Так что в некотором роде она тоже Колумбина, - подумала она. – Тоже марионетка. Интересно, а у Шарля была такая ниточка?».

Она вздохнула. Да, за семь лет совместной жизни с Шарлем она почти и не узнала его. Вроде любила, но мысли ее были заняты другим. Они много путешествовали, объездив едва ли не всю Европу. В Италии были на вечере органной музыки. И она, Наталья, замороженная этой удивительной, пугающей и одновременно околдовывающей музыкой, вдруг страстно пожелала, чтобы у них с Шарлем был ребенок. И чтобы он стал музыкантом. Откуда возникла в ее голове эта странная мысль, она не знала. О детях они с Шарлем пока не думали. Откуда ей тогда было знать, что в этот день они ходили на концерт не вдвоем с Шарлем, а втроем! С еще не родившейся Жаклин. О ней не знала даже сама Наталья, но она уже существовала. И будто услышала пожелание матери. С детства ее отличали музыкальные способности и любовь к музыке. «Вот и думай, ее это решение или программа, - невесело подумала она. – Говорят, мать до рождения ребенка может его запрограммировать на что-то! Вот и говори после этого о свободе выбора...».

Наталья отложила ложку, возвращаясь в реальность. А был ли этот выбор у нее? Пока Шарль был жив, она об этом не задумывалась, а после его смерти. После его смерти она снова столкнулась с действительностью - надо было кормить себя и дочь. Она пыталась – иллюстрировала романы, летом рисовала портреты в парке. Ясное дело, это было совсем не то, о чем она мечтала, но Наталья надеялась, что скоро все наладится, и можно будет вновь посвятить себя живописи.

Однако прошел год, ничего не изменилось. И становилось понятно – не изменится. Нужно искать постоянную работу, пусть даже далекую от искусства. И в лучшем случае это будет работа учительницей рисования. Это-то понимание и сломало ее. Сбежать от обыденности, чтобы к ней и прийти?! Учить деток рисовать яблоки, а о настоящем искусстве позабыть навсегда?!

Вот тогда она и начала пить. Уже не для расслабления, а как другие – до состояния нестояния. Больше всего Наталья хотела напиться так, чтобы лишиться рассудка. Уже не ради высоких откровений, а чтобы сбежать от проблем. И, как это всегда бывает – их не только не стало меньше, но как раз наоборот. Появились «добрые люди», вошли к ней в доверие, напоили до состояния: «ничего не соображаю, подпишу что угодно», и они с дочерью оказались на улице.

Наталья не любила вспоминать об этом. Целый день они с Жаклин скитались по городу, ночь провели на вокзале. А вдобавок ко всем неприятностям Наталья начала с ужасом понимать, что ее желание потерять рассудок начинает исполняться! В голове сгущался туман, все вокруг меняло свои пропорции, дома становились то больше, то меньше, то раскачивались на ветру как простыни на веревке, то сворачивались в трубочку. Нет, только не сейчас! Сейчас совсем не время!

Приютила их какая-то добрая семья. Они же посоветовали ей обратиться к врачу. Это

было последнее, что она помнила ясно. В больнице разум покинул ее окончательно. А придя в себя, она узнала, что Жаклин у Лены.

Наталья оглядела своих друзей, по несчастью. Взгляд остановился на женщине лет тридцати, которая сидела, прижимая к себе куклу, точно боясь расстаться с ней хоть на мгновение. Кукла ее умершей дочери, за которой эта женщина теперь ухаживала, как за ребенком.

В столовую вбежала худая, похожая на скелет, девушка.

- Наташ, там эта... в твоей палате! Рисунки твои рвет!

Наталья вскочила и побежала вслед за ней. Анжела вместе с ней.

Женщина, считавшая Наталью «исчадием ада», видимо, решила устроить одиночный «крестовый поход» против нее и теперь в ярости разрывала на части ее рисунки. Наталья застыла, глядя на разбросанные по полу обрывки своих работ. Морская змея с удвоенным хвостом сидит на берегу, дракон возле пещеры, пейзажи, горы... Все в клочья!

В палату вбежали двое крепких санитаров и схватили ее врага.

- Слепцы! – закричала она, делая яростные попытки вырваться. – Слепые безумцы! – она пнула ногой один из рисунков. – Опомнитесь, пока не поздно! – она снова дернулась, но тут уже прибежала медсестра Юля со **шприцем** и быстро вколола ей успокоительное.

Наталья смотрела на происходящее молча и как будто равнодушно. Но в этом равнодушии было больше отчаяния, чем в истерике. И это напугало медсестру. Она осторожно погладила ее по плечу.

- Ничего, вы все восстановите! – заметила она. Анжела сжала ладонь подруги. Но та будто не видела их, глядя только на рисунки. И на своего врага – этого крестоносца в юбке, готовую разрушить все вокруг во имя своей идеи. Точнее того, как она ее понимает.

Женщину все-таки увели, а Наталья принялась собирать обрывки своих работ.

- Не расстраивайся, - мягко заметила Анжела. – Это всего лишь бумага. Ты нарисуешь новые, даже лучше.

Наталью передернуло.

- Анжел, оставь меня, пожалуйста, - вдруг попросила она. Подруга погладила ее по плечу и молча ушла.

Наталья села на кровать, перебирая обрывки рисунков. Один, к счастью, не пострадал совершенно – портрет Жаклин. Другие были разорваны на две, четыре или даже восемь частей. Попробовала их собрать и оглядела снова. Как живые и все-таки не живые. Псевдо-реальность, но никак не СВЕРХ. Имитация жизни, уничтоженная имитацией религии. Госпожа Делакура отодвинула их. А если это так? Если ее работы пусты, не несут ничего, кроме ее стремления выделиться? Да от одной такой мысли можно сойти с ума еще больше!

Может, Наталья и преувеличивала, но такое самобичевание пошло ей на пользу. Оно встряхнуло ее и влило внутрь непреодолимое желание взбунтоваться снова. На сей раз - против самой себя, против драконов, Арлекино и даже, как это ни абсурдно, против Свободы. Той, которая «определенного рода». Но, с другой стороны, если она сейчас откажется от всего этого, что же останется? Женщина окинула палату взглядом и снова устало села на кровать. Голова просто раскалывалась. В ушах почему-то слышался мерный перестук часов с маятником.

Комната, залитая солнечным светом, ковер, часы с маятником. На ковре лежали две тряпичные куклы. Девушка в пестром платье и похожий на клоуна юноша. Подарки тети – Арлекино и Коломбина. «Куклы из итальянской комедии», как объяснила ей тетя. Чужеземные гости сразу очаровали юную хозяйку и вытеснили обычных Машу и Дашу из местного магазина игрушек.

Наталья усилием воли постаралась вернуться в реальность, заставить себя хотя бы вспомнить, кто она.

Художница подняла глаза и огляделась. На столе возле швейной машинки восседал другой Арлекино. Лицо-маска смотрело на нее с широкой улыбкой, отражающей лишь

холодное равнодушие. Улыбающееся равнодушие. Равнодушие не может смеяться, не может плакать, а вот улыбаться – навсегда. Только такая улыбка не согреет.

Наталья встала. Вместо одной из стен вдруг оказался огромный белый холст в раме.

Картина, которая еще не написана. Наталья подошла к раме поближе и увидела, что это не холст, а белый туман, сквозь который виднелась тропинка. Арлекино поклонился, подал ей руку, и оба вошла **внутрь**.

Эта прогулка была непохожа на прошлую. Они с Арлекино шли не по холодным коридорам, а по тропинкам, затерянным в лесах. Солнце просвечивало через густые кроны деревьев, как через густую вуаль. Откуда такое сравнение, Наталья не знала, но это место ей, бесспорно, нравилось. Они вышли к высокой башне из синего камня, Арлекино подошел к двери и знаком пригласил свою спутницу войти. Госпожа Делакура послушалась. Дверь оказалась незаперта, потому открылась легко, стоило только женщине слегка тронуть ее. За дверью была только узкая, витая лестница. Наталья взглянула на Арлекино. Пойдет ли он за ней? Он кивнул, и она сделала шаг на ступеньку.

Она поднималась все выше по лестнице, стараясь подавить в себе страх. Изнутри башня почему-то была не каменная, а стеклянная, и художница могла видеть, насколько высоко поднимается. Вот уже кроны деревьев остались далеко внизу, а конца башне все не видно. Странно, а снаружи она была не такой уж высокой. Впрочем, сны и «грезы наяву» тем и отличаются от реальности, что законы физики здесь совершенно не обязаны действовать. Наталья шла все выше и выше. Страх почему-то исчез. Главное – подняться на самый верх! Потом можно упасть, разбиться, как восковая кукла, но главное добраться до самых облаков, до звезд!

Однако с каждым шагом идти становилось все труднее. Что-то мешало, тянуло, как якорь, вниз. Наталья остановилась и облокотилась на стену, чтобы отдышаться. Арлекино шел позади.

- Не могу идти, - пожаловалась она. – Что-то мешает. Ты не знаешь, что делать?

Арлекино кивнул и указал на стену, где оказались стеклянные дверцы. Он подошел к ним, распахнул и спрыгнул! Наталья невольно вскрикнула, но, оказалось, напрасно. Арлекино стоял внизу цел и невредим и махал ей рукой, предлагая последовать за ним. Художница секунду колебалась, но сделала шаг.

Очувтившись на земле, госпожа Делакура увидела на траве свои рисунки. Драконы, змеи и прочие существа. Так это они ей мешают? Она взглянула на своего спутника. Тот протянул ей невесть откуда взявшийся коробок спичек. Художница нерешительно взяла.

- Я должна сжечь все это?

Он кивнул. Наталья задумалась.

- А есть гарантии, что после этого я смогу ..., - она замолчала. Возникло ощущение, что там, под улыбающейся маской, Арлекино над ней откровенно смеется. Наталья усмехнулась. И правильно смеется. Гарантии ей, видите ли, подавай! Нет. Человек идет по тому или иному пути, не имея ни малейших гарантий, что он приведет его именно туда, куда он хочет. Не имея уверенности и в завтрашнем дне. Почему же с ней должно быть по-другому?

Наталья повертела коробок. Этот путь привел ее в тупик, в психушку. Почему бы не попробовать другой? Но для этого нужно сбросить все лишнее. Разрушить старое, чтобы освободить пространство для нового. И огонь с этой задачей неплохо справится.

Наталья вытащила спичку, чиркнула ей и бросила в ворох бумаги, наблюдая, как алые искорки перебегают с одного листа на другой, точно жар во время эпидемии, как они чернеют, скручиваются, извиваются, не желая поддаваться силе огня, но не способные ничего сделать. Наталья, их создательница, отвела глаза. Она, конечно, не Гоголь, сжигающий второй том «Мертвых душ», но все-таки. Госпожа Делакура повернулась к Арлекино и ахнула. Огонь перекинулся на его костюм, и теперь уничтожал его так же, как ее рисунки! Однако он почему-то не обращал на это никакого внимания, в чем было даже что-то неестественное. Может, кукла не способна испытывать боль? Наталья попыталась стряхнуть с него огонь, но только обожгла руку. Резко повернулась. Позади огонь уже всюю пожирал ее драконов, а впереди горел,

окутанный огненными змеями, ее друг Арлекино. Госпожа Делакура металась, не зная, куда броситься, кого спасать – рисунки или его. Решила броситься к костру и попытаться потушить, но кто-то мягко взял ее за руку.

- Оставь, - услышала она голос знакомой карлицы. – Ты уже приняла решение, отступить поздно. А за него, - она кивнула на Арлекино, - не беспокойся. Он всего лишь галлюцинация. Пусть сгорит вместе со всем старым. Вспомни Булгакова: «Гори, гори, прежняя жизнь!»

Наталья перевела взгляд на Арлекино. Он стоял, весь охваченный алыми язычками, и теперь больше напоминал не человека, а гору тряпок. Улыбающаяся маска оставалась неподвижной. Он помахал ей рукой, и вскоре огонь полностью его поглотил.

- «Гори, гори, прежняя жизнь!» - как эхо повторила художница и вдруг рассмеялась. Боль почему-то прошла, стало легко и весело! Теперь она чувствовала себя по-настоящему свободной и готовой начать новую жизнь.

- Наталья Андреевна, вам на укол пора.

Художница вздрогнула и открыла глаза. Огляделась. Она почему-то сидела не в палате, а во дворе возле больницы, на лавочке. Наталья встала и, приободренная и посвежевшая, пошла в процедурную.

После укола госпожа Делакура ушла в свою палату и легла в постель. И так, дело сделано. Но как же она теперь без своих «грез наяву»?

В дверь постучали.

- Наталья Владимировна, вам звонят.

Художница подняла голову.

- Кто?

Молодая медсестра выдержала эффектную паузу.

- Девочка. Говорит, что ваша дочь.

Наталья ахнула. За все ее пребывание здесь Жаклин ей ни разу не звонила и не навещала, и Наталья догадывалась, почему – тетя запрещает. А, возможно, сделала все, чтобы стереть из детского ума всю память о нерадивой мамаше.

Огромного труда ей стоило подойти к вахте, где стоял единственный телефон, так, чтобы ничем не выдать своих чувств. Взяла трубку.

- Алло, мам, привет! – пропел девчачий голос на другом конце провода. – Это я, Жаклин! Узнаешь меня? – в голосе девочки послышалась тревога. Наталья улыбнулась.

- Да. Как ты там, Жаклин? Как твои дела? Тетя Лена знает, что ты мне звонишь?

Юная Делакура кашлянула.

- Она против, чтобы я с тобой общалась. Я давно просилась съездить к тебе или хотя бы позвонить, а она говорила... В общем, она говорит, что ты беспутная.

- Вот как, - протянула Наталья. – Ну что же, тетя Лена всегда была воплощением здравого смысла. Я не такая, это верно.

- И все равно я очень по тебе скучаю! Знаешь, я все это время думала, что скоро ты выздоровеешь и забереешь меня к себе. Ведь, правда?

- Да, - решительно кивнула Наталья. – Я сделаю для этого все, обещаю тебе.

- А можно я тебя завтра навещу? – отозвался повеселевший голосок. – Тебе что-нибудь привезти?

- Да, приезжай. А привезти ..., - Наталья задумалась. – Привези новый альбом, если

Николай Евдокимов

Федеральный судья в отставке автор рассказов, мемуаров, поэтических произведений.
г. Тольятти

Воспоминания о Льве Ивановиче Яшине

«Яшин принадлежит к числу тех мастеров высочайшего класса, которые своим незабываемым искусством определяют вечную жизнь футбола. Таких мастеров эта мировая игра имеет не так и много. К тому же Льва Ивановича миллионы людей знают: как человека корректного, бескорыстного, высокого гражданского духа, обладающего такими качествами как спортивная мужественность, скромность и благородство. Он достоин уважения и признательности не только за то, что великолепно стоял на воротах».

Жако Авеланже
Президент ФИФА

С таким необыкновенным человеком мне посчастливилось встретиться в июне 1985 года. В это время Лев Яшин отдыхал со своей женой Валентиной в санатории-профилактории «Прилесье», куда был приглашен создателем и главным организатором футбольного турнира «Золотой мяч», Владимиром Яновичем Дранч. Он был уже знаком с Львом Ивановичем. Сказать, что Владимир его боготворил, это ничего не сказать. Когда мы уже собирались на нашу совместную встречу с ним, я только и слышал: «Николай, ты увидишь, какой же это Человечище!»

В полдень одного июльского дня мы поднялись в номер этого замечательного человека.

Дверь нам открыла стройная женщина с сияющей улыбкой - Валентина. Ранее я уже упоминал о том, что это его жена.

Она жестом пригласила нас войти и попросила следовать за ней. Затем довольно громко сказала: «Лёва, к тебе пришли».

Мы зашли в комнату, где находился тот самый «Человечище». Он сидел в кресле, около которого стояли костыли. Лев Иванович пережил ампутацию одной ноги, после чего начал самостоятельно обучаться передвижению на протезе.

Увидев Володю, он широко улыбнулся, и они обменялись рукопожатиями. После я также был представлен Льву Ивановичу. Моя рука моментально утонула в огромной руке этого великого мастера.

Яшин говорил с нами очень просто, медленно, слегка с хрипотцой. Через несколько минут уже не ощущалось никакого волнения, хотя перед нами сидел такой великий человек.

Больше всего хотелось узнать тогда подробности событий Чемпионата Мира 1966 года, который проходил в Лондоне (Великобритания). На том самом турнире нашей сборной удалось добиться наибольшего успеха за всю историю участия. Заняли они тогда 4 место. Много было статей после чемпионата в нашей прессе. В некоторых из них даже обвиняли именно Яшина в поражении с немцами.

Когда же я спросил у него, что же он думает об этом, то получил весьма неожиданный ответ. Лев Иванович не стал осуждать журналистов за критику, а принял ответственность на себя. При этом заметил, что тот решающий удар, который сделал Беккенбауэр, он практически не видел, так как был закрыт игроками как нашей сборной, так и противника. И, немного **улыбнувшись**, сказал: «А удар то тот был хорош!» Мы тоже не могли сдержать улыбки.

В игре за третье место наша сборная встречалась с командой Португалии. В том матче во всей красе показал себя жемчужина португальской сборной – Эйсебио. Забил он за весь чемпионат девять голов и стал лучшим бомбардиром. Этот блистательный футболист и стал автором решающего мяча с пенальти в ворота нашей сборной в игре за бронзу чемпионата. Завершился матч со счетом 2:1.

Это был первый футбольный турнир такого масштаба, который транслировался по советскому телевидению. Мне было тогда всего 13 лет. И мы все мальчишками смотрели игры нашей сборной СССР и плакали, когда проиграли в полуфинале, а потом и в игре за 3 третье место.

Еще тогда я очень хотел спросить Льва Ивановича: смог бы он отразить тот решающий удар Эйсебио. И через 19 лет моя маленькая мечта сбылась, и я спросил об этом у него. Яшин, немного задумавшись, сказал нам о том, что удар португальца был настолько силен, что он при любых обстоятельствах не смог бы его отбить. Лев Иванович тогда первым поздравил Эйсебио с успехом. Так высоко уважал его талант.

Мы провели с ним около трех часов. И все это время говорили о футболе и великих мастерах этого вида спорта. За время его пребывания в Тольятти мы встречались трижды и каждый раз говорили об этой великой игре. Он знал о **ней** все или почти все. При этом Яшин также отметил и мои познания, что для меня, конечно, было крайне приятно. Я рассказал ему, что работаю в милиции следователем, а также играю за сборную «Динамо». **И ведь, по сути, мы оба** динамовцы.

За эти встречи я узнал очень много из жизни Льва Ивановича, за что очень благодарен своему другу. Вова, спасибо тебе.

В то время, когда Лев Иванович находился в городе Тольятти, на стадионе «Труд» состоялась товарищеская встреча сборной команды «Зимний мяч Автограда» - «Лидер» со сборной ветеранов команд «Торпедо», «Труд» и «Крылья Советов» (Куйбышев). Поединок закончился со счетом 4:3 в пользу ветеранов. В той игре мне удалось забить два гола, а знаменитый Арянов нагрузил наши ворота целыми тремя мячами. После матча наши команды сфотографировались с Львом Ивановичем в память о встрече.

Потом были проводы в Москву. Перед отъездом я подарил Яшину набор юбилейных медалей с изображением моделей Волжского автомобильного завода. Их изготовил настоящий

мастер своего дела – Шаманин Геннадий. На внутренней стороне футляра, где они находились, были написаны такие слова: «Легендарному вратарю, Льву Ивановичу Яшину, от малоизвестного нападающего Евдокимова Николая».

Поезд тронулся. А мы с Володей Дранч, приехав к нему домой, еще долго говорили о Льве, о футболе и оба думали: «Да, он – именно Человечище и не менее того».

Последний раз я видел Льва Ивановича на международном благотворительном матче в честь его шестидесятилетия. Город Москва, 10.08.1989 год. На этом событии присутствовало много громких имен: Эйсебио, Трезер, Бобби Чарльтон, Беккенбауэр, Любански, Хёнесс, Росси, Зеелер и др.

Стадион «Динамо» стоя приветствовал знаменитейшего из знаменитейших вратарей мира. Этот выдающийся, смелый и мужественный человек, совершая круг почета на автомобиле по стадиону, простирал вверх свои великие руки. Мастерство этого человека заставляло трепетать Его мастерство заставляло трепетать и замирать сердца всех тех, кто любит и ценит его величество футбол.

После матча во дворце спорта проходила церемония награждения. Ликующий зал приветствовал Яшина и не мог долго успокоиться. Лев Иванович, которого поддерживали рядом великие коллеги, стоял и плакал, не стесняясь своих слез, ведь его душа, душа великого спортсмена и человека хотела этого с детства.

В память об этом событии у меня хранится дома вымпел с изображением этого легендарного человека, на котором есть автограф Эйсебио. Да именно того самого португальского гения, который так огорчил нас в далеком 1966 году. Сейчас уже не так важно, что произошло в том матче за 3 третье место, важнее то, что это уже никто не забудет.

В 1990 году Льва Яшина не стало. Футбольный мир вписал в вечную историю еще одного игрока всех времен и народов. Я думаю, что в день погребения этого великого человека на всех стадионах мира замерли на мгновение сердца миллионов болельщиков, а футбольные мячи превратились в гигантские слезы, оросившие газоны, на которых уже никогда не появится и не будет восхищать своим мастерством лучший вратарь мирового футбола – Лев Иванович Яшин.

Встреча с Леоновым

С 9 июня по 29 июля 1984 года театр имени Ленинского комсомола гастролировал в городах: Тольятти и Куйбышев. Все спектакли, конечно же, проходили с аншлагом. Тогда мне удалось посетить целых три спектакля, в том числе «Юнона и Авось». Впечатление было потрясающим.

Мы знали, что у театра есть своя хорошая футбольная команда, в которой играли известные актеры того времени: Абдулов, **Караченцов** и др. Наша команда «Лидер» решила сыграть с уважаемыми актерами театра матч. 20 июня 1984 года я и мой дорогой друг – Владимир Дранч поехали в Куйбышев, чтобы договориться с руководством театра о дате.

Администрация, а также все актеры театра проживали на тот момент в гостинице «Волга». Как только мы оказались там, сотрудница ее улыбочиво встретила нас и проводила в номер Николая **Караченцова**. Разговор был не продолжительный, из которого мы получили главный результат: дата матча была определена.

Довольные мы вышли из гостиницы. На наше счастье, у самого входа мы увидели Евгения Павловича Леонова. У него была огромная сумка. Он озирался по сторонам, рассматривая окружающую обстановку. Рядом с ним стоял седовласый мужчина (как выяснилось позже: администратор театра). Разумеется, нам очень захотелось взять у Евгения Павловича автограф. С этой целью мы к нему и подошли.

Было немного страшно, но все же познакомились с великим маэстро и объяснили, разумеется, ему: кто же мы такие. На что Леонов спросил нас: есть ли у нас автомобиль и сможем ли мы отвезти его на рынок за покупками. Конечно, отказать такому уважаемому

человеку было просто невозможно. Мы все сели в машину и отправились на центральный рынок.

По дороге Евгений Павлович напевал: «Ах Самара – городок», и что мы заметили: очень много курил. Он также попросил сопровождать его во время покупок и помочь довести продукты до гостиницы. На что он сразу же получил наше согласие. Когда мы с Леоновым появились в торговых рядах, случилось что-то невообразимое. Все бросили свои места и подходили к Евгению Павловичу, чтобы заманить именно к своему прилавку. Актер застенчиво отбивался от своих поклонников и не давал повода сесть ему на шею.

Один из них, по национальности – грузин или, может быть, армянин, с обросшей щетиной и редкими зубами попытался оттолкнуть всех вокруг, чтобы поцеловать Леонова. На что он, заметив это, спокойно, но очень тонко сказал: «Ну не до такой же степени я тебе нравлюсь?! Фу, ты!». Все что происходило там сложно описать словами. Но путем больших усилий все же удалось сделать нужные покупки и удалиться. Мы еще долго слушали в своей след гул восхищенных данным происшествием людей, которым так близко удалось увидеть великого актера.

Когда вышли на улицу, Евгений Павлович попросил нас немного прокатиться по городу. Пока мы проводили небольшую обзорную экскурсию, актер также продолжал напевать известную нам песню и много курить. По просьбе Леонова мы несколько раз останавливались. Вместе с ним и мы выходили из машины. Он рассказывал нам разные истории, которые были связаны с этим городом. К нашему удивлению, это было его родина.

Последней остановкой был музей оружия. Там он снова удивил своей эрудицией, и там же мы сделали памятную фотографию. После отправились в гостиницу. Разумеется, мы помогли донести его огромный чемодан с покупками в номер. Когда поднимались, я заметил, что Евгений Павлович тяжело дышал и часто останавливался. Мы зашли в номер, и он, опережая мой вопрос, сказал: «Да, надо бросать курить, сердце - ни к черту».

Евгений Павлович всегда был противником курения. Неоднократно говорил об этом, но при этом все равно продолжал курить. Нашу идею: сыграть в футбол с командой театра Леонов поддержал и обещал прийти и поддержать свою команду. Однако, матч так и не состоялся. На одном из спектаклей «Юнона и Авось» Караченцов повредил ногу, поэтому многие артисты, которые входили в состав футбольной команды театра, уехали в Москву.

Как-то после перенесенной Леоновым клинической смерти в интервью его спросили:

- Ну и как все же на том свете?

- Красиво (говорил актер), исчезает тяжесть, боль, летишь куда-то вверх. Земля становится маленькой и очень дорогой. Правда, до цели я не долетел, так что, как там на самом деле, не могу утверждать.

Уважение к людям, ясность взглядов, прямота и сдержанность в отношениях, сострадание к другим – вот жизненные позиции замечательного Евгения Павловича Леонова. Могу добавить еще, что моя встреча с ним подтвердила: он поистине Народный артист. Давайте и мы будем придерживаться такому нравственному курсу, дорогой читатель.

Любовь Денисова

Поэт и прозаик. г. Тольятти

Джонни

Пролог

Когда Джонни впервые меня коснулся, я сразу подумал о своей умершей собаке.

Глава 1. Существо

Планета замаячила вблизи, и я подумал о том, до чего же здесь странно. От поверхности шёл слабый свет, всё мерцало и пульсировало, и мне показалось, что так проявляет себя собственно сама поверхность, похожая на плотную плёнку.

Плёнки, однако, никакой не было. Наш космический корабль спокойно приземлился на грунт.

Мы вышли.

– Ричард! – полу-изумлённо, полу-радостно воскликнула Нэнси, обращаясь ко мне. – Как тепло!

Она рыжеволосая и кудрявая. У неё лучистые голубые глаза. Я люблю её.

И она была права – действительно тепло. Мерцающая субстанция, оказавшаяся своего рода атмосферой, являла собою очень приятный, ласковый свет температуры примерно плюс двадцать пять градусов по шкале Цельсия. Ощущение было таким, будто нежишься на весеннем солнышке. А визуально это походило на лёгкий желтоватый туман; «туман»

заканчивался высоко над нашими головами, на уровне пяти-шести метров над почвой..., та, кстати, очень походила на почву нашей матушки Земли, только трава нигде не росла.

Что же касается скафандров, они нам не понадобились. Ещё заранее система корабля сообщила нам о том, что атмосфера здесь соответствует земной и потому пригодна для человеческой жизни...

Тут вдруг, будто бы из **ниоткуда**, появилось существо.

Существо переливалось различными оттенками от тёмно-зелёного до тёмно-синего. Под его кожей – я называю это *кожей* – проглядывались красные прожилки. Существо выглядело очень гибким, пластичным и как бы... склизким. Оно походило на огромную черепаху.

Его конечности, хвост – я позволяю себе говорить «*конечности*», «*хвост*» – были практически одинаковы. Разве что, не считая его округлой головы..., по сути, не имеющей морды, сплошной округлой головы.

Неудивительно, что вся наша троица, включая даже профессора Эдварда Кушинга, в изумлении уставилась на существо. А существо подползло – именно *подползло* – ко мне и, то ли мурлыкая, то ли урча, обхватило своими «передними лапами» мои ноги.

Я удивился тому, что сам же и сказал – проговорил нежно, тихо:

– Джонни...

Глава 2

Недальновидные планы профессора Кушинга

– Это... кислота! Слабая, но *кислота!*

Профессор Эдвард Кушинг явно был шокирован. Лицо его исказилось, что, по моему мнению, выглядело ещё неприятнее ввиду того, что всё оно заросло седыми волосами (у меня просто язык не поворачивается назвать это усами и бородой!). Пронзительные маленькие глазки, очень тёмные, почти чёрные, злобно сверкали из-под огромных косматых, так же седых, бровей. Профессор Кушинг переводил недоумённый взгляд с меня на *свою дочь* Нэнси и обратно.

Существо – *Джонни* – между тем присоединило себе обратно к месту разреза отрубленный профессором Кушингом кусок конечности, который, преодолев небольшое расстояние, самостоятельно туда подполз.

На основании этого можно было бы предположить наличие разума у Джонни, но это было затруднительно, поскольку кроме того же мурчания-урчания он не произносил никаких звуков. Следует также отметить, что он совершенно не проявлял признаков агрессии, за счёт чего мы смогли спокойно доставить его сюда, в лабораторию космического корабля.

Но что же говорит профессор Кушинг?.. Что?! Он собирается отрезать ему голову?!

«*Он убьёт Джонни!*»

Я постарался, чтобы мой голос звучал спокойно и твёрдо:

– Я не советовал бы Вам, профессор Кушинг. Существо, скорее всего, погибнет, а мы не можем так необдуманно расходовать материал.

За видимостью профессионализма здесь, на самом деле, стояла элементарная жалость.

При этом я прекрасно понимал, как цинично звучит всё мною сказанное, но иначе здесь было нельзя. Мне *приходилось* быть циником, сам же я сетовал на самого себя за то, что *уже* позволил профессору Кушингу отрезать от Джонни часть тела..., ту самую, что Джонни снова присоединил к себе.

– Что Вы такое говорите, профессор Уотс?! Это существо, оно всё сплошное, вместо крови у него какая-то кислота, и я предполагаю..., (Нэн, детка, сделай-ка анализ этой дряни..., ну кислоты!) я просто *чувствую*, что в том месте, где у него голова, концентрация-то

этой кислоты самая высокая.

– Возможно, насчёт кислоты Вы и правы, профессор Кушинг. Однако же подумайте вот о чём. А вдруг Джо... – «Не произноси это имя, не надо!», – это существо, оно здесь встречается нечасто? Редкий экземпляр, что-то вроде диковинного животного. Если существо сейчас погибнет, то другого такого же мы можем не найти, особенно быстро!

Рот профессора Кушинга скривился. На физиономии у него было открытым текстом написано его сомнение вкупе с обидой на меня, граничащей с отвращением..., дикий хищник, не иначе! Так то же делать: отстоять свою точку зрения и (что, безусловно, для профессора Кушинга являлось ещё более значимым) удовлетворить профессиональное любопытство – или же всё-таки последовать здравому смыслу, согласившись с моими умозаключениями?

Здравый смысл, однако, победил:

– Как скажете, профессор Уотс.

Тут профессор Кушинг противно фыркнул:

– За мной, Нэн!

И она тут же за ним пошла, что меня, признаюсь, расстроило... Из печальных раздумий меня вывела фраза профессора Кушинга.

Фраза, от которой я похолодел.

«Я всё равно отрежу ему башку», – обращаясь то ли ко мне, то ли к дочери, то ли к космическому кораблю, сообщил профессор Кушинг.

Глава 3.

Неудача профессора Кушинга

Джонни!

Так звали моего пса. Я очень любил его, а он очень любил меня. Но собачий век короток – что поделать, он состарился, стал болеть.

Случилось как-то вот что. Он подполз ко мне (ходить ему уже почти не удавалось), обхватил мои ноги своими лапами. Ну совсем как это инопланетное существо! – и пёс смотрел на меня своими преданными собачьими глазами... Интересно, а если бы у этого инопланетянина были глаза, чтобы, собственно, в момент знакомства и странной близости отражалось в них?

Я не сентиментален, мне просто не хотелось думать о моём Джонни. О том, что именно в тот самый момент, о котором я только что писал, то есть именно тогда, когда мой Джонни ко мне подполз..., я принял решение его усыпить.

«Джонни, я люблю тебя..., очень люблю..., но я не в состоянии больше смотреть, как ты страдаешь!»

Мои глаза вдруг сделались горячими, и потому я прикрыл их ладонью. Надо сказать, что находился я на своей койке – вокруг стояла кромешная тьма – в своей комнате, что в свою очередь являлась одним из отсеков нашего космического корабля.

В двух соседних отсеках обитали профессор Эдвард Кушинг и его дочь, моя возлюбленная Нэнси. Сейчас, конечно, они должны были спать. А собственно космическим кораблём никто не управлял (никто из людей), это была система. Из людей нас было только трое.

Я вдруг услышал, как дверь у профессора Кушинга открылась. И почему это ему вдруг вздумалось ходить на цыпочках?.. Ну что тут поделаешь, все мы посещаем туалет. Тут мои мысли пошли в направлении Нэнси. Это именно из-за неё я предпочёл покорять космос – хотя на Родине, Земле, меня считали «светилом Ричардом Уотсом» (а мне всего-то тридцать шесть), признанным профессором-гением, человеком с большим будущим.

Вместо этого я теряю время на неудобства космической жизни и, что ещё ужасней, препротивнейшего папочку.

А Нэнси (вроде уже не девочка, двадцать девять лет!) так покорна ему – взять хотя бы сегодняшнюю ситуацию. И вообще, как ни крути, вряд ли сбудется моя мечта о том,

чтобы вместо мисс Нэнси Кушинг, она стала называться миссис Нэнси Уотс. Меня она, боюсь, не любит – она не делала мне никаких намёков, она не давала мне никаких авансов. Зато к своему отцу она относится чуть ли не с благоговением. К этому... *существу*, не способному ни на что человеческое. Если что-то и вызывало у него эмоции, так это профессиональное любопытство. Вот тогда в его холодном сердце могла разгореться настоящая страсть...

Я резко сел в своей постели.

Лаборатория занимала два этажа. С того этажа, где находился мой спальный отсек и где сейчас стоял я, на неё выходило огромное застеклённое окно – выходило на второй её этаж.

На первом же этаже лаборатории стоял профессор Кушинг.

– НЕ-ЕТ!!! – заорал вдруг я..., и поперхнулся собственным криком.

Я видел лабораторный стол, сверкающий как сталь, безжалостно. Видел лежащего на нём Джонни. Видел в руке профессора Кушинга, занесённого высоко над своей головой... огромный тесак.

Должно быть, профессор Кушинг слышал мой вопль, но, как бы то ни было, рука его была уже готова совершить своё жестокое действие. Лезвие тесака обрушилось на Джонни, отрубил его, так сказать голову, от странного тела...

То, что произошло потом, забыть мне никогда не удастся!

Из места сруба вырвался фонтанчик какой-то жёлтой жидкости, похожей на мочу. Брызнул на профессора Кушинга, на его лицо и руки. Поверхность кожи в тех местах пошла буграми, покраснела и тут же почернела. Профессор Кушинг с недоумением поднял свои руки, посмотрел на них... и рухнул на пол как мешок. Это была смерть профессора Кушинга. Непонятная кислота уничтожила его...

Я, ужасённый увиденным, и не заметил, как ко мне подошла Нэнси, которую, возможно, разбудил мой жуткий вопль. Нэнси взяла за руку. Посмотрела на меня вопросительно, печально... и как бы ласково. Я чуть улыбнулся ей. Потом мы медленно повернули головы в сторону лаборатории...и Джонни.

Джонни взял, так и не прекращающимися шевелиться, передними конечностями (если эти отростки можно так назвать) свою так называемую голову и приставил её к себе обратно на положенное место. Выглядел он как обычно. Да, существо, что мы сейчас лицезрели с Нэнси, явно было живо и здорово...

Итак, нас снова стало трое. Трое посреди необъятных просторов космического океана.

Александр Тененбаум

Писатель. Родился в 1981 году, в Куйбышеве. Работает в разных литературных жанрах. Печатался в поэтических сборниках. В альманахе «Графит» опубликованы произведения: отрывок из романа «В поисках мяса», пьеса «Скуластые» и сатирические миниатюры.

Автор повести-сказки для среднего и старшего возраста «Заразные желания».

г. Тольятти

Из цикла «Папа и Соня»

Суслики

Папа и Соня спешили в детский сад. Повернув за угол дома, им встретилась огромная, злая... нет, не злая, но всё равно страшная мусоровозная машина коричневого цвета. Внутри неё всё клокотало, и, кажется, она не собирала мусор, а просто-напросто ела всё на своём пути!

Соня автоматически стала жаться к дому. Папа дёржал её за руку, поэтому и он потянулся за ней.

- Соня, тебе страшно? – спросил он.

- Нет, а тебе? – ответила она.

- Нет, - храбро сообщил папа, но он соврал: где-то глубоко внутри самых его потаённых кишок он всё же чуть-чуть боялся огромную твякающую мусоровозную машину. И он знал, что и Соня соврала: и она боялась. Но они оба не могли признаться в этом!

Папа внимательно поглядел на дочь, дочь поглядела на отца. Он улыбнулся ей. И она засмеялась, потому что по жизни была хохотушкой.

- Папа, а ты похож на суслика! – крикнула она, заливаясь со смеху.

- Это почему это? – не понял папа. Впервые его так назвали.

- У тебя два передних зуба просто огромные! Значит, ты суслик.

- Значит, и ты суслик, доча.

- Я – нет, ты что! – удивилась доча. – Ты похож, у меня зубы не такие огромные.
- Но если ты моя дочь, значит, ты тоже суслик, - объяснил папа.
- Давай, как суслики станем у дороги, поднимем лапки и будем ждать, нюхая воздух, - предложила Соня и стала изображать суслика. Она была та ещё артистка. – Что же ты не изображаешь суслика?
- Я стесняюсь, - признался папа.

Секретки

Папа, мама и Соня гуляли. Была весна, было хорошо, светило тёплое солнышко, снег почти стаял, по городу появилась первая зелень. Папа и мама шли по асфальтированной дороге, разговаривали, а Соня ехала впереди них на самокате. Потом маме на телефон позвонила её мама, и они заболтались, а Соня подъехала к папе и быстро шёпотом сказала:

- Папа, слушай секрет. Только ты его маме не говори. Дай на ухо скажу.

Папа подставил ухо.

- Я в тебя влюблена! – шёпотом воскликнула озорница-дочь.

- Ух, ты, - заметил папа.

- Только маме не говори. Это большой секретик.

- Что за секретик? – спросила мама, закончив говорить со своей мамой по телефону, услышав только концовку про секретик.

- Папа, не говори! – улыбалась Соня, катаясь кругами вокруг родителей. Ловко это у неё получалось – кружить.

- Не скажу, - кивнул папа.

Мама засмеялась. Они гуляли дальше. И вот Соня уже подъехала к маме и со словами «У меня есть секрет!» шёпотом сообщила ей на ухо, что она влюблена в папу, но что мама не должна ему говорить. Мама хитренько заулыбалась и изобразила, будто бы шепчет что-то на ухо папе. Папа услышал в ухо:

- Шу-шу-шу!

Но на Соню это подействовало как нужно.

- Что вы там шепчетесь! – закричала она. – Я всё слышу. Папа, что тебе сказала мама?

- Это тоже секрет, - сказал папа.

- Ну, скажите – что? – Соня наращивала бешеную скорость кругов на своём самокате.

- У тебя с папой есть секреты, и у меня с ним тоже есть! – сказала мама.

- Ну, говорите уже! – не могла стерпеть такого Соня.

- Я сказала, что я тоже в него влюблена.

- А, понятно. Я вот только не пойму, как тень всё за мной повторяет? – Она уже внимательно следила за своей самокатной тенью.

Короли

Папа забрал Соню из детского сада, ожидая, что дочь захочет погулять. Погода была весенне-летняя, к тому располагающая. А он так устал на работе, что ему бы сейчас чего-нибудь съесть и потом поваляться перед телевизором, бокс посмотреть. И даже можно послушать – чего его смотреть – приятно задремав на любимом диване.

- Гулять! – чуть ли не приказала Соня.

- Я тут главный, - ответил папа, но в голосе у него не было такой уж страшной уверенности. Он, конечно, бы мог придать голосу угрожаемый тон, но он был от природы добрым и использовал гнев только в исключительных случаях.

- Но я хочу гулять, - запротестовала доча. – Ты как всегда устал, у тебя болит нога, болит спина, я всё это много раз слышала...

- И тебе меня нисколько не жалко?

- Жалко, конечно. Бедный папочка, - пожалела Соня. – Когда ты станешь

стареньким, а я вырасту, буду тебя кормить из ложечки, как ты меня кормил, когда я была лялькой.

- Тогда домой?
- «Киндер», – сказала Соня.
- «Киндер» - и домой? – обрадовался папа.
- «Киндер» - и больше мне от тебя ничего не надо! – честно призналась Соня. Папа не выдержал и рассмеялся от этой фразы.
- Ты чего смеёшься? – не поняла дочь.
- Интересно вы, дети, разговариваете.
- Дети, дети... Я тоже хочу быть взрослой.
- Ты думаешь взрослой быть интересно? – спросил папа.
- Просто взрослые могут приказывать. Вы вот с мамой живёте как короли.

Ральф

Папа и Соня шли в школу на тренировку по ушу. Папа не успевал за дочерью, у него болела нога, он хромал, а она на зависть ещё и пританцовывала. Потом начала руками крутить, попой вилять. На голове её розовая шапочка с кошачьими ушками, одета в красную курточку, где в области опять же попы очаровательное сердечко.

- Ксс, ксс, ксс, - позвал папа. Соня обернулась и засмеялась. – Ты похожа на кису. Вот если бы у тебя был хвостик! А уши на шапке уже есть.

- А у меня ещё есть уши, запасные, - объяснила Соня, хлопая себя по ушам под шапкой. Глаза у неё тоже от природы получились кошачьи. – Смотри, мне Богдан подарил ластик. – Ластик был коричневый, с лицом какого-то мрачного водолаза, он надевался на палец. – Я его назвала Ральф.

- Почему Ральф?
- Ну, ведь он такой ми-и-ленький, ты чего, сам не видишь? – И она покрутила в доказательство перед папиными глазами.

Медведь Овсян и его хозяйка

У девочки был плюшевый медведь, и звали его Овсян. Это она так назвала. Она ходила с ним по квартире, завёртывала как ляльку в платок, возила в игрушечной коляске, разряжала в одежды по-всякому, лечила, делала уколы.

Однажды она подкралась к хмурому отцу, который сидел за компьютером и что-то там быстро-быстро печатал, и попыталась без спроса вставить и ему укольчик в попу.

- А-а, - по-настоящему испугался отец и вытаращил глаза. – Что это за безобразие! Кто посмел?

А девочка уже успела юркнуть под стол.

- Это всё Овсян, это он! – крикнула она и выкинула лучшего друга в виде жертвы перед разъярённым отцом.

Но папа не стал наказывать Овсяна, он вытянул дочь из-под стола, она была вся в зелёнке, у неё была пупырчатая болезнь ветрянки.

- Мой зелёный человечек, - строго сказал папа, а дочь всё равно прыснула от смеха, она знала, что он ещё тот хохотун. – Ты только что предала своего лучшего друга. Никогда так больше не делай. Это плохой поступок. Поняла? Дочь кивнула, и они обнялись. Толстый, с заросшей дикой бородой, отец млел от объятия с маленькой худенькой дочерью с двумя смешными косичками, которые впечатлительному отцу напоминали хвостики котят.

Сергей Сумин

Культуртрегер, поэт, издатель. г. Тольятти.

**Самарская лука и ее окрестности
(опыт ландшафтно-метафорического анализа)**

Гурьев овраг

Переплыв цветущую Волгу, ты проходишь деревню Климовка, становишься лицом к Гурьеву оврагу и начинаешь полное вдохновляющей опасности движение по заросшему земляникой и душицей оврагу, а спустившись к журчащему все лето водопаду – ты подставляешь голову под ледяные струи, наполняясь бодростью, так необходимой для дальнейшего пути.

Бахилово

В окрестностях села Бахилово, чье имя так и напоминает о мягком, бесшумном хождении, нужно ступать медленно и осторожно, все время открывая попадающиеся на горизонте холмы и пригорки, ибо нечто, что больше всякого из нас, явлено здесь чуть зримее.

Утес Шелудяк

Утес вбирает в себя каждого поднимающегося на него, он - грёза и морок, осеннее небо наоборот, и серый камень не освобождает, а завоевывает, но путник, обманутый высотой, называет это свободой

Усолье

Когда ты в Усолье, загадка названия села не кажется такой большой, ибо здесь везде солнце: на старом кладбище у причала, в парке усадьбы графа Орлова-Давыдова, на верхушках ветхих сараев – солнце всюду, а сам ты – У-Солнца в У-Солье.

Каменная Чаша

Мне всегда казалось, что Чаша эта собирает страдание, влагу неведомой боли – людей или камней, и даже темные иконки, стоящие у купальни, тут ни при чем, ибо узкая тропа склона всегда указывает на безмерную глубину истинного переживания, даже если не знать легенду про Хозяйку Каменных гор.

Мастрюковские озера

Мастрюки не бывают безлюдны. На этих полянах между водой всегда ощутимо присутствие человека, и здесь трудно понять – где дикий ландшафт переходит в ухоженную территорию и где граница протоки и Волги? Да и есть ли она?

Молодецкий курган

Этот курган велик и его величие не измерить разинскими шатрами или высотой над уровнем моря. Он зовет, будоражит, напоминает, поражает, а чем – не знает даже тот, кто спустя полчаса после начала подъема оказывается на вершине, восхищенный и улыбающийся.

Люпов крест

Гениальный изобретатель Жигулей погиб молодым, но крест — это знак, а склеп – напоминание, что ничто подлинное не исчезает, а лишь прячется за поворотом великой реки, всегда готовое открыться очарованному взору.

Гора Верблюд

На самом горбу Верблюда ты вдруг затихаешь, осознав, что открывшийся мир действительно вечен, а тысячелетия для этих гор пролетели почти незаметно, и ты хочешь уподобиться этим вершинам. Но не можешь.

Могутка

Там, на самом верху – ветер. Он бьет в лицо и заставляет держаться за острые выступы. Ты опасаясь, что сорвешься и улетишь туда, к ледяному пологому снегу. Но успокойся. И ветер, и гора, и замерзшая река внизу образуют то единство, в котором и тебе приготовлено местечко, при условии, что сам ты правдив и бесстрашен.

Пионерский лагерь «Спартак»

Когда ты на закате сидишь на крутой лестнице, ведущей к Волге, лестнице, насчитывающей то ли 132, то ли 128 ступеней, и видишь, как солнце падает за горы той стороны реки, а все вокруг улыбается тебе, ты шепчешь тихонечко: это земля любви, земля надежды.

Лепешка

Эта небольшая гора, по сути, холм, лежит прямо у слияния рек Усы и Волги и от этого кажется воротами в таинственный мир, где две воды образуют особое измерение, легко погружающее тебя в ярчайший сон, сон Жигулей.

Богатырская слобода

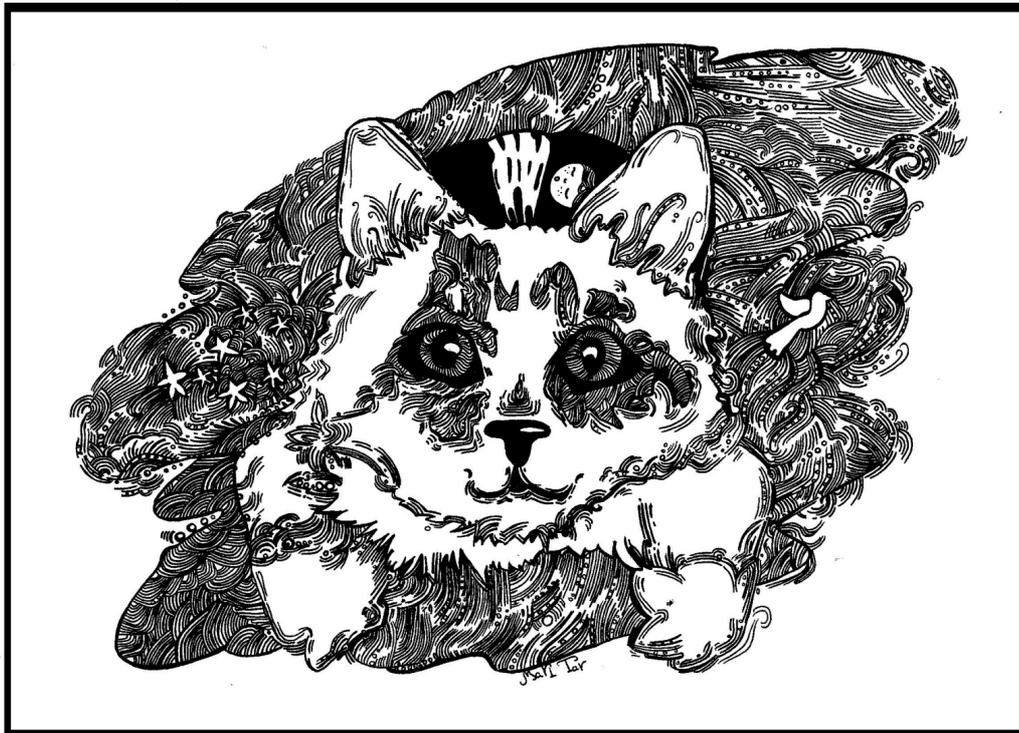
В Слободе ты вновь окунаешься в детство человечества: работа на свежем воздухе, лес, лодки, простор, деревянные дома и через какое-то время ты начинаешь подозревать, что никакой цивилизации не существует, и лишь Уса в своем роскошном повороте мерцает на горизонте.

Новодевичьи горы

Возле изумрудной воды ключа Елшанка есть холм, с которого, как кажется многим, внезапно открывается глубокая перспектива всей человеческой жизни, ее исток и устье, и чтобы пережить это состояние еще раз – сюда возвращаются.

Село Жигули

В Жигулях так много воздуха, что когда ты полной грудью вдыхаешь его, то чувствуешь – некое иное существо рождается в тебе, и причиной тому – этот прозрачный, не замутненный горечью воздух, который поможет вбежать на Змеиную гору, спуститься к Усе и подойти к древнему Мюрану, смутно подозревая, что жил здесь когда-то – неизвестно как давно.

Мира Альчина

Много лет работала журналистом районной газеты, являлась редактором молодежной газеты при Центре детского творчества. Неоднократно становилась Лауретом районных и областных литературных конкурсов, а также Всероссийского конкурса литературных работ "Для чего ты живешь?". Вела предпрофильные курсы по журналистике по своей авторской программе для выпускников школы. Стихи печатались в различных газетах, журналах и сборниках. г. Самара.

Высоцкому

Хочу как ты любить и петь:
С разрывом! До конца! На нерве!
И даже, если видишь смерть –
Не поддаваться черной стерве.
Чтоб в каждой строчке-сила слова,
Помноженная на порыв.
И даже если жизнь сурова,
И даже если снова срыв...
Как по-над пропастью идти,
И остро всё воспринимать.
Пусть даже сбился ты с пути
Не уставать, не отставать.
Хочу, как ты любить и петь:
Красиво! На разрыв аорты!
С таким азартом вдаль лететь,-
Каким сильны герои спорта!
Любить, когда любить нельзя,
Плевать на грусть, на расстоянье.
Когда уходят вдруг друзья –
Всё также верить в мирозданье
И коль пером вооружён –

Писать, всё строчкою итожа.
Когда пороком окружён –
Несломленным остаться всё же.
А если выйти из игры –
Так, чтоб тебя запомнили:
Во-первых - люди, во-вторых –
Все звёзды и все молнии.
Как Гамлет, как поэт, как луч
Пройти по жизни, словно по канату.
А коль упасть - со всех уж круч!
А умереть - так быть распяту!

Я всем довольна и притом
Не разучилась улыбаться.
И в этой жизни и потом
Сумею быть, а не казаться.
"Я -мир! Я - свет",- шепчу я утру,
И в день торжественно вхожу.
Устроено всё в жизни мудро-
И в грусти радость нахожу.
И мне легко. И мне по силам
Пускаться в новые пути.
Я не живу лишь тем, что было –
Гораздо больше впереди:
Я там любима и нужна,-
И в том не стоит сомневаться.
Со мной мечта моя нежна,
Хочу я ей повиноваться –
Мы с ней смогли. Мы дотянули.
Прошли и шторм, и злую ночь.
Хоть в темноте тех волн тонули,
Господь пришел, чтобы помочь.
И нет теперь намёка даже
На страх, на боль, на пустоту.
Господь теперь мне путь укажет,
А я доверчиво пойду.

А сильные уходят быстро -
Не терпят долгого прощанья.
Чтоб шаг и взгляд –
всё будто выстрел!
Уже - одни воспоминанья...
А сильные - себе в ущерб –
Легко как будто убегают.
Огонь - их щит, и флаг,
и герб –
Всё за собою им сжигают.
Уходят гордо, торопливо,
Чеканя шаг по тротуару...
Как будто - не всерьёз, игриво:

Скорей-скорей, всё - с пылу,
с жару!
И дверь захлопнута красиво.
Нет шлейфа из дурных сомнений.
Смотри, любуйся,- что за диво:
Ни слёз, ни просьб, ни
сожалений.
Завидуй: сильным - по плечу
Всё то, другим что часто
в тягость.
И нет работы палачу:
Себя казнят - толпе на радость-
Держа фасон, лицо, походку.
А в голове стучит одно:
Скорее бы без весел в лодку!
А лучше - сразу уж на дно!
Быстрее бы - от лишних глаз!
Свободу дать слезам и вою...
Ты помнишь, - очень много раз
Так уходили мы с тобою.

Всем тем, кто от меня ушёл
Хочу сказать, что я жива.
Бывает плохо, хорошо...
Летает снег, растёт трава...
Справляюсь с этой я потерей-
Дышать, увы, не перестала.
Не хлопнула за вами дверью –
Прикрыла. И молиться стала.
Чтоб Бог помог и укрепил,
И, чтобы вам Он помогал...
Спасибо,- кто со мною был
Как мог, - душою согревал...

Добрая сноха не пожалеет
Для свекрови своего участия,-
Знает,- всей душой она болеет
За своих детей земное счастье...
А лихая - будет упрекать
И винить в своих проблемах вечно.
Всё-таки святая - её мать,
А свекровь - грешна, больна, беспечна...
Только с возрастом, потом приходит,
Когда вдруг вернется бумеранг,
Что свекровь и не чужая, вроде
И совсем уж, вроде бы, не враг...
Только можно опоздать сказать
"Ты прости, что я тебе грубила".
И становится понятно - она Мать,

Папу детушкам твоим растила.
И внучат своих она любила.
И ждала, томилась у окна.
Понимаешь,- зря ты ей грубила...
Она рада, что ты поняла...

Мне бы стать
Белой, вольною птицей
И, оставив здесь
Всю пустоту,
Улететь,
И в Творце раствориться,
Знать любовь Его
и доброту.
Оставляя юдоль
Эту плача, Ни о чём не жалеть,
Не скорбеть.
Сознавать:
Быть не может
иначе,-
Вот теперь мне в мажоре
лишь петь.
И уже не бояться
падений –
С тех высот
Невозможно сорваться.
За чертой – только
горечь мучений.
Там - покой и желанье остаться...

Не слушай ропот, Бог!
Руки Своей не отнимай.
И, что полезно мне –
Лишь то всегда давай.
Тебе я доверять
Уметь хочу всецело.
Ты знаешь, - ЧТО - отнять,
Пусть я и не хотела...
Как любящий Отец
От гибели Отводишь.
На доньшке сердец
У нас любовь находишь.
Коль плачу - Отвернись.
Я выполню Веленье.
Мне Дал такую жизнь,
Какая во спасенье.
Не Слушай моих жалоб.
От слабости они, -
То грех вонзает жало.
Лишь душу Сохрани.

Я отрекаюсь эго,
Коварнейшего "я".
Была бы только снега
Белей душа моя.
Гоню попытки на себя
Надежды возлагать,
Тем самым от Тебя
Всё дальше убегать.
Теперь я знаю, счастье –
(Помог Ты мне понять)
Быть вечно в Твоей Власти,
И Волю выполнять.
А лёгких нет дорог,
Чтоб в рай, шутя, войти.
Упала - встать Помог...
И Был со мной в пути...

Я знаю, Осень, что тебе сказать.
Вот воспевать тебя не буду.
Твою листву мне не собрать
В одну пестреющую грудю...
Ты ж умудрилась близких и друзей
Моих нещадно у меня отнять.
Без лишних дум и без затей.
Тебя мне, Осень, не понять.
Ты попустила. Ты смогла
Помощницею стать печали.
А, помнишь, я тебя ждала?
Там, в юности, еще в начале.
Но ты, коварная, - печать
Поставила под злой кручиной...
Умеешь суть свою скрывать
Под ярко-рыжею личиной.
Уже я знаю, чего ждать
От этих штучек - проходили.
Ты очаруешь, чтоб отнять.
Приходишь, чтобы уходили...
Теперь другие пусть поют
Тебе куплеты и хвалу
Про то, что даришь ты уют
В домах, в сердцах и на балу.
И пусть тебе мой вызов брошен-
Я поединка не боюсь.
Уйти, забыть мы обе можем –
Хранить и помнить я берусь.

Елена Ниринова

Член Российского союза писателей с 2015 года.

Стихи пишет давно и всегда искренне, от души - как чувствует. Личный жизненный опыт переплетает с художественным вымыслом, позволяя читателям самим решать, где быль, а где сказка. Очень часто посвящает стихотворения людям - родным, любимым, друзьям, знакомым, незнакомым и даже вымышленным... Любимый жанр - любовная лирика. г. Тольятти

Виртуальное знакомство

- Привет.
- Привет.
- А как тебя зовут?
- А фото скинь?
- И снова комплименты...
- И всё не то... Не сказка наяву,
А словно треск затёртой киноленты.
- И всё как будто было много раз –
Так пресно-серо, так обыкновенно
И от тоски твой смайл, увы, не спас
И не забилося сердце вдохновенно.
- А где работаешь?
- А сколько всё же лет?
- А может встретимся и вместе погуляем?

И этот трёп, уныло-серый бред
Как старый пёс, бредёт хвостом виляя
И отражений мутных на воде
Размыты чувства, мысли, сны и краски...
А разве важно, с кем живу и где,
Когда душа желает просто сказки?

По битому стеклу

Мой путь не прост, но выбор не случаен
Ушедших грёз осколки на полу
И неземной любви не обещаю.
Пойдёшь со мной по битому стеклу?
Пойдёшь со мной, ступни до крови рая,
Не во дворец, а в дом – грести золу?
Пойдёшь со мной без страха, мимо рая?
Пойдёшь со мной по битому стеклу?

Так много многоточий не сбылось

Последнюю дописывая строчку,
Друг другу расставание простим,
Чтоб чувством переполненную точку
Не делать многоточием пустым.
Грядущее отчаянно заплачет
И болью пропитается насквозь...
Так мало было точек однозначных...
Так много многоточий не сбылось.

Просто она другая -
Делает, что захочется...
Ночью, себя ругая,
Плачет от одиночества.
Быть не умеет близко,
Чувства зовёт чрезмерными,
Сердце бросает в виски -
Проще ей так, наверное...
Хочет успеть к успеху,
Жизни меняя полосы...
Прячет печаль за смехом,
Слабость - за сталью в голосе.
Смело вперед шагает,
Жалость уняв по прошлому...
Просто она другая -
Честная. Не хорошая.

Моя любовь тебе великовата

Но разве в том одна я виновата,
Что наши будни стали не легки?
Моя любовь тебе великовата -
Кольцом спадает под ноги с руки...
Я всё отдам. Тебе. Пускай не в меру...
И завтра будь, что будет. Всё равно...

Моя любовь тебе не по размеру –
Её размер измерить не дано.

За нелюбовь

«Прости за всё» ... За что тебя прощать?
За нелюбовь прощения не просят.
За то, что буду думать и скучать?
За то, что лето вдруг сменила осень?
За то, что счастье делишь не со мной,
Что зря пишу и жду звонка ночами?
За что прощать? Что лучше быть одной?
За нелюбовь? Прощаю. И прощаюсь.

В социальные сети...

А мы друг по другу уже не скучаем
В объятиях вечной душевной зимы...
Спешим в социальные сети ночами
В надежде найти там неведомый смысл
И молча листая чужие страницы,
Сидим в ожидании сна до утра.
А счастье уже не придет, не приснится...
И поздно прощать, и прощаться пора.
И тикают стрелки часов на рассвете,
Года отмеряя без чувств и тепла...
Но ты, заходя в социальные сети,
Запомни - тебя я там очень ждала...

И отчаянно кричит одиночество

Не нужны, не вдохновлённы, не поняты,
Зачерствели всем обидам назло
И любви не прозвучавшей симфония
Сожжена. Что трепетало - ушло.
Вдохновлять и вдохновляться не хочется.
Мы - не те, вокруг чужие - не те...
И отчаянно кричит одиночество
Со страничек социальных сетей

Однолюб

Я однолюб. И мне всего лишь сорок...
И тесен мир. И хочется сбежать
На край земли от праздных разговоров.
Писать стихи. И прошлого не ждать.
И не грустить. Моей любви так много,
Что ты к другим отчаянно спешишь...
А я люблю. И просто верю в Бога,
Что без икон царит в раю души.

Я устал

А выходит всё невпопад и криво,
Набекрень и дыбом.
И ночь темна.
Я сижу и ем. И селёдка с пивом -

Не завидный выбор.
Хочу вина.
И французский сыр.
И на гриле рыбу...
И ещё чего-то...
Душа пуста.
А вообще - мне петть или выть охота...
На Алтай. И в Мексику.
Я устал.

У самой точки

А ты душой уже не рядом.
И странно слышать, что скучаешь.
И веет вежливой прохладой
От недопитой чашки чая,
И всех бесед увяли темы,
И для стиха хватает строчки...
Ты понимаешь, друг мой, где мы?
В конце пути. У самой точки.

Давай напьёмся крови убитых помидоров

Давай напьёмся крови убитых помидоров?
Нет-нет, совсем без водки и даже без табаско
И будем до рассвета шагами мерить город,
От серых огорчений в свою сбегая сказку...

Прохлады не заметим под звёздной паутиной
И если вдруг обнимешь - винить тебя не буду.
А утром, возвращаясь, ограбим куст жасмина...
И выбросим с балкона разбитую посуду.

Останься, не жалея, забыв про день вчерашний.
Мы просто тишиною наполним эту встречу,
А я тебе согрею какао в белой чашке
И может, на вопросы неловкие отвечу...

Откроем шире окна, впуская летний воздух
И просто спать не будем до трелей ранней птицы...
И вслух себе позволим читать стихи и прозу...
И стать немного ближе. И в счастье заблудиться.

Обратно. к себе

Всё в прошлом. И жизни страница другая
Чиста до поры. Белоснежна. Пуста...
И дней мимолётность слепую ругая,
Ты чувствуешь: выдохся. Сдался. Устал.

А душу надежда уже не ласкает.
И ран не считая в неравной борьбе,
Молчишь. И трусливо в себя убегаешь,
Мечтая вернуться обратно. К себе.

Здравствуй, кот

Стирая лапкой с носа грязь,
Он побежал за ней по лужам.
Не звать. Не трогать. Прослезясь,
Ушла. Бездомный кот не нужен.
Стемнело. Сев за поздний ужин,
Молчала. Дождь заморосил...
Бездомный кот - кому он нужен?
И в ночь помчалась. На такси.
Пусть будет тем, кто скрасит вечер,
Тем, кто с работы дома ждёт...
"Кыс-кыс"... Он ждал. Бежал навстречу...
И стал домашним. Здравствуй, кот!

Прости нас, кот!

Зима. Мороз. Скоро Новый год -
Подарки, смех, на столе салаты...
А здесь, в сугробе - замёрзший кот
Всё чуда ждёт, поджимая лапы.
Мяукнет робко: "Прохожий, стой!
Я есть хочу и стемнеет скоро..."
Обычный кот. Он совсем простой.
Но он живой. Не породой дорог.
Народ с работы домой спеша,
Не глядя, быстро проходит мимо.
И в снег вмерзает кота душа...
Прости нас, кот, что не стал любимым.

Оппоненту

Я говорю упрёкам вашим: «фи»
И пошутить, как Фигаро, рискую
И этой ночью, черной, как графит
У вас победно сердце конфискую.

Мне фиолетов рифм и слов букет,
Что как фиалки блекнут на афишке...
Как фаворит, на финиш много лет
Я прихожу, в игре - сгребая фишки...

Как сладкий финик, нежусь в хрустале,
Как добрый фильм, эмоции фильтрую...
Но запасной патрон - всегда в стволе.
Под филигрань без кисти разрисую.

Здесь финтифлюшек нет. Философ есть.
Постигнут дзен. Сомнений скрыты тени...
Но если вдруг моя задета честь -
Готовьтесь к бою, сударь. На колени!
Я не боюсь лететь ни вниз, ни вверх...
И зря меня вы фифочкой назвали...
Я - Флибустьер. Фельдмаршал. Фейерверк.
Считайте «фи». Увидимся в Финале.

Марина Симонова

Участник литературной студии «Автограф», редактор интернет издания "Актуальная литература & поэзия". г. Тольятти

В сервисную службу звоню я робко:

- Спасите, милые, вы же умные!

Сломался, испортился мой негодный,

Уж сил нет, ПО-МО-ГИ-ТЕ!

Молчание и ответственность на конце той трубки.

Аж звенит в ушах код рандомный.

- Опишите свой коммутатор мысли.

Аккаунт какой авторизованный?

- Такой он, обычный, не как у некоторых.

Не плохой он, и не такой уж новый.

Аккаунт все тот же, прежний.

Под современный не стилизованный.

- Все ясно, понятно, не вешайте трубку.

Вами займется отдел технический.

Седьмой день не перезагружали коробку,

Перегрелась ваша плата истины.

Давать заднюю нет и мысли,

От того, что характер нордический.

Визг сирены раздался как выстрел,

Вещал с неба глас механический:

- Опасность, опасность, контент непригодный!
Очистите место на жестком диске!
В самое нутро мне лезут упрямо,
Преодолевая барьер личностный.
Вот нарушитель, детище Канта.
Императив, да еще и КА-ТЕ-ГО-РИ-ЧЕ-СКИЙ!
Рекомендация: не отрывайте спама.
Перезагрузка идет привычная.
С чистой душою опущена трубка.
Спасибо тебе, отдел технический.

В стук колес обута ночь вокзальная.
Торопятся люди на перрон.
Для одних звучит здесь песнь прощальная,
Для других же, встречи вальс-мажор.
По квадратам пыльного паркета,
Мимо томной очереди касс,
Плыл брюнет, в раздумья одетый,
Мыслями в других мирах.
Вот скамейка зала ожидания,
Мерный ход часов над головой,
Позади его переживания
Станут по прибытии домой.
Прислонился к ручке чемодана,
И почти что погрузился в сон.
Под свеченье блеклого экрана,
Шум толпы звучал как камертон.
На границе яви и страной Морфея
Пал неведомый ему кордон.
Мириадами планет засеяв,
Обнаженный тьмою небосклон.
Покрывая космической пылью,
Предрекая творенье звезды,
То ли выдумкой, может и былью
Наши мечты рождены.
Из самого сердца сознанья,
Меж Альфами и до Омег,
Неиствует внутренний космос
В час, когда спит человек...

Говорили не лезть на рожон,
Учили молчать в тряпочку.
Не сломлен, но окружён.
К чертям, к чертям вашу заповедь!
Я выбрал свою таблетку,
Прием ведёт личный Морфеус.
Под локоток, на кушетку,
Заштопает то, что изодрано.
Подлатает, починит,
Даст послушать эпический саунд.

Эй, человек галстук-бабочка,
Объявляй второй раунд.

С головой окунись, по макушку.
Уйди с карты и из виду.
И если найдешь там ракушку,
От души сам себе позавидуй.
Закрой глаза. Проплыви на спине.
Отдайся течению, моменту.
В дали от всех, с собой наедине,
Дай отпуск усталому нерву.
И прыгни с разбегу, зажмутив глаза.
Только ты, только искры и брызги.
Не смотри и не пяться назад.
Растворись в оглушительном визге.
Проживи это лето до дна,
В его солнечной архитектуре.
Прогуляй босиком до темна,
Ведь другого такого,
возможно,
Не будет.

Во сне полноценном нуждаюсь я очень
Но открывается ящик Пандоры.
Идеи лучшие, как будто воры
Настигнут снова под покровом ночи.

В медовых угодьях цыганки осени
Спорь наперебой гнусавым голосом.
Мать расстилает теплые простыни.
Налей молока, да не ходи в школу.

Я гурман смыслового потока-
Без познания день мне не мыслим.
Поумнеть не случилось пока
На диете из кем-то **разжеванных** истин.

Ольга Кириатти

Журналист, поэт, художник. г. Тольятти

Горький ветер хризантем (второе название " ностальгия".)

Горький ветер хризантем мне принес твою Улыбку,
В легком облаке мечты,
Невесомом, дивно-зыбком,
Я, в тумане сожаленья,
Разглядеть ее не смог,
Лишь почувствовал мгновенье
Танца медленного грез.
Никогда еще так нежны не бывали вечера-
Никогда еще так сладко не кружилась голова!
Сколько милой простоты в прошлогоднем настоящем,
И веселья, чистоты---в невозвратном, во вчерашнем!
Почему же греет сердце эта Светлая печаль?
Подойди ко мне, Улыбка,
Иль тебе меня не жаль?

Синими очами смотрит Солнце,
Разрывая бликами ненастье,
Далеко бежит моя дорога,
Уходя, наверно, прямо в счастье?
И неверной тенью,
Средь теней парящих
Вижу образ мамы,
Обо мне молящей.

Декабрь

Ложатся строки белоснежным покрывалом
На белый лист,
И снег ложится тоже,
На Землю, что на снежный шар похожа,
На белой шали танец снегирей-
Рубиновые свечечки на белом,
Синица вслед вальсирует несмело
Кружатся елки в хороводах,
Кружат в лесу метели серпантинном,
А старый ворон любопытный
Заглядывает в ноты декабря.

Огонь

Сияющий язык Прекрасной Геры,
Брат молний, пожирающий мрак Ночи,
Ты—древний дар во тьме Пещеры
Что Саламандры поцелуй пророчит.
О, сколько глаз в тебя глядело сквозь столетья
И сколько зябких пальцев ты согрел!
Эпитет Страсти и закатов,
Послушный друг факира,
Шлейф жар-птицы,
Тобой беременны и спичка, и Вулкан!

Побег сосны

Вот лопается пленка,
Выхожу я,
Границы семечки раздвинув.
Темно и сыро,
Дремлют черви-
Никто из них мне не помеха!
И я тянусь, буравя дом свой,
Налиться соками спешу.
Пускаю корни, как сестрицы,
Что ждут меня в дали неясной,
Своей зеленой, нежной жизнью,
Я устремляюсь прямо к ним!
Мне стало тесно,- стало душно,
Я должен выйти за пределы!
И вот толчок!

Толчок последний, и :
Воздух свежий, греет Солнце!
И сестры хвойным куполом
Сомкнулись надо мной.

Белое

Здесь снег,
Здесь белая пустыня,
И отблеск зеркала немого,
Озерной гладью ждет тебя.
Прохладных глаз Зимы не убегай,
Смотри, смотри в них : растворяйся в белом,
Как в изначальной чистоте,
Как в изначальной тишине,
Как в беспредельной ясности покоя.

Ночные сумерки

Лиловой гроздью виноградной
Нависла Ночь над полем
Заговорили травы шумно-морем
И шелест поглотил другие звуки
Вздохнула в ожидании Земля-
С дождем в разлуке.

Евгения Шулинина

Пишет стихи и делится с читателями частичкой своей души. г. Омск

Расплескалась густая мгла

Расплескалась густая мгла,
Разлилась в окоёме ночи.
Я взлететь как-то раз смогла,
И душа теперь в небо хочет!

Темнота разевает пасть,
Терпкий сумрак ласкает плечи.
Высота превратилась в страсть,
Что пробоины сердца лечит.

Я задену рукой слегка
Тополей пересохшие кроны,
Переполнена, далека,
Мои крылья сильны, синхронны!

Взмах. И снова назад. Карниз.
Тёплой кожей на гладь металла.
С тонким ужасом гляну вниз,
Хоть и страшно, но снова мало...

Ты только мой

Сумрак бродил по венам,
Полночь стучалась в дверь.
Думаешь ты о бренном,
В вечное лучше верь!

Глянца промокших улиц
Лунный коснулся свет.
Время мы обманули,
Времени больше нет...

Капает кран на кухне,
Крапает за окном.
Пламя свечи потухнет,
В ночь погрузится дом.

Сумрак бродил по венам,
Сладкой, густой волной.
Ты в моём сокровенном
Мире. Ты только мой...

Мой ангел

Самое лучшее моё творение,
Смотришь лукаво, но кротко в глаза.
Светлая радость, моё настроение,
Ангел любимый, моя егоза.

Рушатся напрочь прошлые смыслы,
Ты засыпаешь, сопя на плече.
Годы слетелись, крылатые числа,
Путь твой, предчувствуя до мелочей.

Дрёма баюкает сон твой глубокий,
Спи мой хороший, мой ангел, мой сын!
Я с тобой вместе в моем эпилоге,
Ты, как причина из первопричин!

Птица на подоконнике

Птица на подоконнике,
Глупая пёстрая птаха.
Воздух настоян на доннике,
Вместе с землёй он вспахан.

Вишни по крыше спелые,
Будто большие капли.
В небе, как хлопок белые,
В сини холодной зябли.

Утро взорвалось раннее,
Сны мои растворяя.
Летняя сочная мания,
Как я по ней скучаю...

Птицей на подоконнике,
В душу сочится лето.
Воздух настоян на доннике,
Чувством любви согретый!

Осеннее

Ветер срывает листья с деревьев,
Вдаль унося их сухой вереницей.
Знаю, что трудно, но всё-таки верь мне!
Всё что угодно могло ведь случиться...

Осень разломишь на две половины,
Ты поделись со мной сочными днями.
Грешные были, но стали невинны,
Смыло наш опыт косыми дождями.

Набело. Начали с чистого, вместе!
Жёлтого морока листьев охапки.
В взгляде, и в каждом нечаянном жесте,
Мы так крепки, но по-своему шатки...

Девкой растрёпанной, рыжая осень,
Моем подолом асфальт и брусчатку.
Этот сентябрь-зануда несносен,
Он потекает природы упадку.

Бессонница

Бессонница скребётся мягкой лапкой,
В невыносимую тоску моих ночей.
Скрип половиц под старым тапком,
И треск Икеевских свечей.

Смотрю в окно, прихлёбывая кофе.
Луны анфас, мой профиль на стене...
В ночах бессонных много лет я профи,
И мыслей рой миксуется во мне.

Не сплю. Ругаются соседи,
Шумят деревья, пишутся стихи...
Уходит ночь, как истинная леди,
Её шаги изящны и легки...

Я тебя очень, слышишь?

Утро весеннее до мелочей:
Взгляд твой рассеянный, кофе, вокзал.
Не подбирая особых ключей,
Ты в мои сны попадал.

Мы на перроне, на первом пути,
Сердце рыдает поезду в такт.

Ты говоришь, что как ни крути,
Было бы именно так.

Ветер в беспамятстве рвёт провода,
Поезд мотает чудовищно мили.
Я проводила тебя как всегда,
Ты ведь вернёшься, или...

Наша разлука, как антидот,
Как избавление свыше!
Я тебя очень, ты наоборот...
Я тебя очень, слышишь?

В этом городе

В этом городе душно-тесном,
Мне не дышится и не спится...
Себя чувствую неуместно,
Будто в летнем саду синица.

В этом городе пахнет снегом,
И парфюмом с древесной нотой.
В этом городе пыльном, пегом,
Я ищу без конца кого-то...

И на улицах обветшалых,
Убегающих вслед закату,
Я найду то, о чём мечтала,
Полюблю уже без возврата!

Зимний город

Мёртвый город сковало морозом,
Час закатный застыл, словно сон.
Прислоняется ветер к берёзам,
И свистит, будто им в унисон.

Поседели сосновые лапы,
Воздух зимний немного звенит.
На дорогах сплошные ухабы,
Холод манит меня, как магнит.

Я войду в этот город хрустальный,
Скользких улиц листая тетрадь,
Вам покажется, я ненормальный,
В зимний город влюбился опять!

Тишина ворожила за окнами

Тишина ворожила за окнами,
Мягким снегом укутав наш сад.
Только стрелки часов непослушные,
Приглядишься, куда-то спешат.
За окном антрацитово-серая,
Ночь на ветку кленовую прыг!

А луна в небе жёлтая, спелая,
Так и метит скорей на язык!
Это стужа, колдовка патлатая,
Навела белый морок и снег.
И нашла ведь во мне соглядатая,
У меня от волшбы оберег.
Посмотрю я немного растерянно,
Что наделала ночью зима...
Закрываю глухими портьерами,
Чтоб осталась со мной полутьма.
Тишина ворожила за окнами,
Сдобрив снегом скучающий сад,
Мои сны не досмотрены, скомканы
Столько долгих, бессонных подряд...

Ты набери мне...

Ты набери мне из прошлого,
Диск телефона крутя!
Мне не хватает хорошего...
Если точнее, тебя!
Мне не хватает близкого,
Ближе которого нет..
Мною любимый, искренний,
Самый родной человек.
Ты позвони мне из прошлого,
В самый непрошенный час!
Знаю, прошу невозможного,
Время теперь против нас...
Просто сквозь годы и месяцы
Тихо скажи мне:"Алло!"
Как бы нам встретиться?
Вертится...времени веретено...

Старый домик

Обветшал старый домик у озера,
Покосился, под тяжестью лет.
"Без хозяина долго?"- вы спросите.
Да, давно его видимо нет...

Может просто уехал, оставил всё,
А быть может он умер давно.
Этот дом без присмотра преставился,
Лишь зияет глазница - окно.

Проходя мимо, путник непрошенный,
Остановит свой искренний взгляд,
И запахнет травую не скошенной,
Что растёт много лет уж подряд...

Мой город

Мой город, далёкий и снежный,
Улыбчивый солнечный сон,

Там дремлют былые надежды,
И я в этот город влюблён!
Колючие звёзды так близко,
Царапают бархатный свод.
Во рту сладко тает ириска,
И мама меня дома ждёт!
Ласкает уставшее сердце,
Мой город из детского сна.
Тоскую я, но не согреться,
Из прошлого эта весна...
Мой город, далёкий и снежный,
В нём столько любви и тепла!
Там дружба, мечты, и надежда,
И мама, как прежде жива...

Близкие люди такие чужие...

Близкие люди такие чужие...
Лишь вдалеке пожимают плечами,
Что-то случилось, наверное, с ними!
Что? Они сами, я верю, не знают...
Это сумбурная жизнь закружила,
И заперла наши дороги;
Хоть и казалось, что крепко пришила,
Но, мы теряем наших немногих!

Близкие люди такие чужие...
Вот и зима наступает неспешно.
Мы позабыли свои позывные,
В голосе холод, потеряна нежность.

Скоро осень заметёт дороги
Скоро осень заметёт дороги
Рыжим золотом, сухим и обветшалым,
В позднем августе останутся тревоги,
Заметёт закружит ветер шалый.
Защемит предательски, затянет,
На перроне люди, суматоха...
Сердце глупое, оно пока не знает,
Лёгкая тоска - не так и плохо.
Обрамляют огненные кудри
Городские бледные пейзажи
Мне в окно заглядывает утро,
А к обеду лыка уж не вяжет...

Папе...

Есть мужчины самые важные,
Что прописаны в каждой судьбе.
Почему, не живые, бумажные,
Я цветы выбираю тебе?

Над могилой берёзы качаются,
Шелестят что -то наперебой.

Чуть поплачут, и тут же раскаются,
И склонятся опять над тобой.

Я приеду холодной осенью,
Или тёплой и сочной весной,
Будет небо, белёсое с просинью,
С любопытством шпионить за мной.

Помолчу я немного, поохаю,
Затянулись все раны, ты спи!
Не коснётся уже суматохою
Тебя время на жизни пути...

Очень жаль, не обнять тебя, папочка,
Не вручить самый лучший букет!
Всё кружат над могилою ласточки,
И со мной тебя рядышком нет...

Юлия Скоркина

Писать рассказы начала год назад, в жанре «деревенской сказочной мистики». Увлекается фотографией, помогает спасать бездомных животных.

Мечтает о собственной напечатанной книге. Мама двух взрослых детей.
г. Павловский Посад, Московской области.

Долг платежом красен

Бежал маленький Санька, что было сил. Так хотелось раньше папки домой принести целую корзинку грибов и вручить её матери.

Пусть маманька гордится - вон Санька какой хозяйственный! Мамка порадуетя.

Отец Саньку в лес часто брал. Про грибы рассказывал, охоте не обучал пока, к лесу приучал.

Сашка отца очень любил! Строгий, но справедливый, настоящий хозяин в доме. Отец, хоть и держал Саньку в ежовых рукавицах, но злым не был, поблажки делал.

Мальчонка лес хорошо знал. Не один раз вдоль и поперёк с отцом хаживал.

Вот и сейчас, скрывшись от зоркого взгляда родителя, он нёсся вперёд к дому, зная, что нагоняй ему не устроят. И, когда до края леса оставалось совсем немного, Санька остановился и прислушался.

Среди летнего ветерка и птичьего гомона он услышал какой-то писк. Скулил щенок.

Поставив корзинку на землю, мальчик пошёл в сторону звука. Идти пришлось недолго. Под разлапистой ёлкой, в капкане, застрял маленький волчонок.

Чёрный, как смоль, комок трясся всем телом и крутился, пытаясь освободиться из ловушки. Передняя лапа была вся в крови. Увидев человека, волчонок уставился на него своими ярко-бирюзовыми глазами.

«Надо же, какие глаза, — подумал Санька. — Как самоцветы горят!»

Осторожно пробравшись под дерево, мальчик присел на корточки совсем рядом.

Волчонок, словно почувствовав, что перед ним ребёнок, перестал трястись и жалобно заскулил.

Сжалось маленькое сердечко Сашки, когда он увидел, как заплакал волчонок. Подойдя совсем близко, он, что есть силы, потянул за железки капкана в разные стороны. Но что мог сделать ребёнок?

Когда Санька смекнул, что силёнок у него не хватит, он вдруг произнёс, обращаясь к волчонку:

— Подожди! Я тятю крикну, он поможет нам.

И с этими словами мальчонка бросился прочь в лес.

— Папка, папка, — заверещал он, едва завидев за деревьями отца. — Там капкан, там кутёнок, он плачет, помоги, папка.

— Какой ещё кутёнок? — спросил отец, сдвинув брови.

— Обычный, — продолжал Сашка. — Ему очень больно.

Ускорив шаг, отец устремился за сыном. Подойдя к месту, где волчонок сидел в капкане, и увидев его, отец нахмурился ещё больше.

— Кутёнок? — строго спросил отец. : «— Отойди, Саша,» — сказал он и снял с плеча ружьё, которое всегда брал с собой в лес на случай, если придётся отбиться от хищника или подстрелить птицу к ужину.

Смекнув, что отец хочет пристрелить волчонка, Сашка вдруг заревел.

— Тятю, тятю, не стреляй волчонка. Он маленький совсем, он не злой.

— Отойди, Саша. Это он сейчас не злой, а вырастет — много зла от него будет.

— Не надо, тятю, не убивай, — ревел Санька и, будто, не понимая всей опасности, бросился под ёлку и прикрыл собой зверька.

— Не стреляй, папка, миленький, он не злой, — твердил мальчонка и заливался рыданиями.

Громко вздохнув, отец опустил ружьё и полез под ёлку. Сильные мужские руки вмиг разжали стальные клыки капкана.

Освобождённый волчонок на трёх лапах, держа переднюю пораненную на весу, пятился от людей.

«Беги, беги отсюда», — крикнул Сашка и захлопал в ладоши, чтобы напугать животное. И, когда волчонок, рванув в гущу леса, скрылся из виду, Сашка обнял отца, прижавшись к жёсткой щетине своими мокрыми от слёз щеками.

— Спасибо, тятю, — прошептал он. — Ты самый лучший.

— Ох, Сашка, — устало произнёс отец. — Мякотелый ты у меня! Сложно тебе придётся. Да смотри, не сказывай никому, что отец волка в лес отпустил. А то уши надеру!

Ещё раз, крепко обняв отца, сын поклялся, что никогда не раскроет тайну.

Выбравшись из-под дерева и взяв свои корзины, они поплелись домой.

Сашка слово сдержал. Ни одна душа не узнала, что с ними в лесу произошло. А со временем этот случай вообще стёрся из их памяти...

Шло время, шла жизнь, постучалась беда. Начавшаяся война в каждый дом чёрную безысходность принесла. Почти всех мужиков с их деревни на фронт забрали. Началась трудная жизнь. Настало время Саньке брать в руки отцовское ружьё да становиться хозяином в доме.

Мать, хоть и не старая, а, как отца забрали, исхудала вся с горя. А Сашке нельзя было унывать. Кроме мамки, у него ещё сестра маленькая. Случись что, как отцу в глаза смотреть?!

Жалость жалостью, а кушать хочется, да и мать с сестрой кормить надо. В лесу Сашка по животным не стрелял. Так и не пересилил он в себе любовь к ним. А вот с птицами проще было. Когда в них попадаешь, они тебе, как животные, на последнем вдохе в глаза не смотрят. И вот что странно: птицы на Сашкино ружьё будто сами вылетали. Как с неба на него падали. Не захочешь, а попадёшь! Пустой из леса юноша ни разу не выходил. Но и не стрелял до умопомрачения! Подбивал столько, сколько нужно, чтобы с голоду не умереть.

Бывало, пару раз ловил больше, чем надо, но это потому, что соседка пришла, волком воет. Пятеро детишек с голоду пухнуть начали. Мужика в доме нет, а дети мал мала меньше. На ботве да репе сильно не зажируешь. Вот Санька для неё и подстреливал иногда, когда пришла.

Завидовали Сашкиной матери. Хорошего сына воспитали. Он ей во вся поддержка был! Сильный, смелый, к чужой беде участливый. Многим в деревне помогал, а для своих уж и подавно последние силы отдать мог. И мать, и сестра были за надёжной стеной.

Только вот чужая радость многим глаза колет! И нет бы греться в лучах чужой доброты, так нет же. Лучи эти погасить нужно, чтоб всем плохо было!

Извелась вся тётка Агафья. От зависти аж почернела вся. Вон, как Сашка по всей деревне, словно зерном, добрыми делами разбрасывается. И бабке Нюрке одинокой забор подправил. И сиротам соседским на обед утку принёс. Про огороды, старикам копаные, и говорить нечего!

А родной сын, Колька, только на лавке бока и отлёживается. Воды принести не допросишься! Везёт же некоторым...

К слову сказать, Санька к дому Агафьи не очень хож был. Заставал пару раз у колодца, вёдра помог дотащить. Да только подойдя к дому, встречал сына Агафьиного, увальня ленивого.

Взял, да и брякнул как-то тётке:

— Что ж это ваш Николай помочь не может? Чай, не болезный. Руки, ноги на месте.

— Ой, что ты, Сашенька, — запела Агафья. — Ещё как болеет, совсем силушки нет. Едим мало.

Хмыкнул парень, на рослого Кольку глядя, и, не сказав ничего, пошёл прочь. Больше он на глаза тётке Агафье старался не попадаться.

А Агафья меж тем злобу-то и затаила! И, когда совсем немоготу стало, собралась она к своей сестре двоюродной в гости, в соседнюю деревню. Сестра та колдовать да ворожить умела. За хлеб да за муку и чёрными делами не брезговала. К ней бабы с деревень ходили узнать про судьбу мужей на фронте. А некоторые кумушки друг друга так терпеть не могли, что ходили со злыми умыслами. Человек ведь существо слабое, да чаще злобное, а коли на твоём дворе корова померла, так почему ж соседка должна тогда молочком лакомиться?!

Вот и Агафья пришла, да и вывалила на неё всё, что накипело на сердце. И про Сашку этого проклятушного, и про его доброту и трудолюбие, от которых глаза колет, да что мать его хорошо пристроилась — мужика нет, а всё одно не перегибается на работе, всё сын на подхвате! А уж про то, что на столе их дичь всегда есть, и говорить нечего!

И нет бы на себя позлиться, что зависть чёрная душу гложет, что сына-увальня воспитала и жрать частенько нечего на столе. Да разве ж кто в своих бедах себя виноватым считает?

В общем, плакалась, плакалась, да и уговорила родственницу дать ей совет, как Сашку извести.

Обряд был несложным. Нужно было уговорить Александра взять с собой Агафьиного Николая на охоту. А как они поглубже в лес зайдут, так Колька должен исхитриться и в глаза Сашке порошок, заговорённый кинуть. Тогда в глазах у него свет померкнет и домой пути он не сыщет, а пока незрячий по лесу бродить будет, может, его и зверь какой задерёт. На том и порешили.

Вернулась Агафья домой, сыну всё рассказала, а тот и рад стараться: Сашка ему давно поперёк глотки со своим добром. Как на улицу ни выйдешь, только и слышишь, что старики просят «помоги, Коля», а не поможешь, так всё с ним сравнивают. Вот, мол, Сашка молодец какой, а ты, Коля, лентяй нерасторопный.

На следующий день пришёл Николай к Сашке с просьбой взять его с собой на охоту, мол, совсем тягостно, дома еды нет. Санька вроде и отказать хотел, да как откажешь, если человек помощи просит. Условились, во сколько завтра поутру встречаются, и на том разошлись.

В условленное время пошли ребята в лес. Александр давай по окраине ходить, а Николай знай себе талдычит, мол, пошли глубже, там птица крупнее. Долго шли. Наконец остановились. И говорит Николай:

— Санька, глянь, мне в глаз что-то попало. Ветка стеганула по лицу, может, щепка какая залетела?

Подошёл Сашка вплотную к Николаю, чтоб посмотреть, а тот возьми да и швырни ему порошок прямо в лицо. Закричал Саша, за лицо схватился, защищало глаза с невероятной силой. Упал на колени, трёт их:

— Колька, что ты сделал?! — кричал он. — Как же я теперь из леса выйду? Ведь не вижу ничего.

— А никак не выйдешь, — озлобился Николай. — Сгинешь в лесу, так и надо тебе. Чтоб жизнь другим не портил! Сидел бы со своей матерью да не высывался! Нет ведь, в каждой бочке затычка! Вот и посмотрим теперь, как твоей семье помогать будут, если прознают, что ты больше не появишься да с добром своим к другим лезть не будешь!

Плюнул со злобой в Сашину сторону и пошёл прочь от него.

Сидит Санька во мху на коленях, голову обхватил руками, и хоть вой! В глазах темень. Куда идти? Кого звать?

А как о матери с сестрой подумал, так в голос от безысходности и кричал. Да толку-то! Лес густой, дремучий. Бабы так далеко не заходят, а старики и подавно по краюшку леса гуляют.

Сколько Сашка просидел, то не ведомо. Встал потихоньку и на ощупь, от дерева к дереву побрёл, куда душа вела.

«Вечереть стало», — понял он: затихал лес.

Ночь вступала в свои права...

А в деревне меж тем встретила Санькина мать Николая:

— А где ж Санечка мой? — спрашивает.

— Откуда мне знать, — огрызнулся Коля. — Пошли вместе, так он меня бросил, насилу сам дорогу нашёл.

Закручинилась мать Александра, не понравилось ей, что Николай так сказал. Знала — сын никогда в беде никого не бросит. Неладное сердце почуяло. Но делать нечего, надо ждать. Авось Сашка проворнее Николая окажется, к утру домой из леса выйдет.

Но утро наступило, а Саша домой так и не вернулся...

Страшно ночью в лесу, а уж без глаз и подавно. Треск да уханье, кровь в жилах стынет. То зверь какой рыкнет, чужака почуяв, то змея прошуршит совсем рядом. Всю ночь Санька глаз не сомкнул. А как утром птицы с ума сходить начали, оглашая лес непрерывными трелями, так поднялся он на ноги и опять пошёл, не знамо куда.

Шёл, пока не зачвакало под ногами. Понял Саша, что в болото забрёл. Куда не повернёт, везде вода да трясина. Совсем страшно стало. Сгинуть в болоте, медленно уходя под чёрную гладь, — что может быть страшнее?

Медленно, осторожно прощупывая ногами, куда можно наступить, двигался Санька прочь от болота. Только тут и зрячий не всегда дорогу найдёт, а уж слепой и подавно. Не на ту кочку наступил он, да и провалился в трясины! Неторопливо жиж болотная обхватывала тело да вниз затягивала.

Закричал Сашка от страха, от обиды, от безысходности... Что есть мочи кричал. И вдруг слышит, словно шаги раздаются. Кричал он ещё громче:

— Помогите, я здесь, провалился в болото.

Через секунду его подхватили сильные руки и буквально вырвали из цепких лап трясины.

Сидит Сашка на земле, от страха трясётся, от холода.

— Спасибо, спасибо вам, — заговорил он. — Спасли меня. Вы простите, я вас не вижу. Глаза. В глазах темнота сплошная.

— А как же ты слепой в лесу-то оказался? — спросил мужской голос.

— Да уж оказался, — горько усмехнулся Санька.

— Ну, коль так, вставай, слепец, берись за руку и следуй за мной. К себе в избу тебя отведу, тут недалеко. Тебе согреться надо.

— И есть очень хочется, — застенчиво произнёс Саша. — Второй день одну воду пью. Спаситель взял Александра за руку и повёл за собой.

Рука мужчины была горячая и будто шерстяная на ощупь. Крепко схватился за неё Сашка и безропотно побрёл следом...

— Второй день минул, как и не было. Третий с лучами просыпается, а Сашеньки всё нет, — завывала Санькина мать, стоя под окнами Агафьи. — Ты расспроси Колю своего, может, случилось что, а сказать побоялся, — обращалась она к ней.

— Вот ещё, — фыркнула Агафья. — С чего бы моему Николаю тебя бояться? Я и спрашивать не буду. Чуть не сгубил твой Сашка моего сыночку, в лесу одного бросил, вот и поплатился. Я ещё всей деревне расскажу, как он моего кровиночку сгубить мог, — зло прошипела Агафья и отошла от окна.

Повесила голову Сашина матушка. Ходила давеча у леса туда-сюда, кричала, звала, аукала — всё без толку! Вглубь леса одной боязно, сама заплутаешь, дочь сиротой останется. Кому она нужна будет? С горя мать совсем болеть стала.

«Не уберегла золотого моего», — причитала она, обхватив голову руками и раскачиваясь из стороны в сторону. — Не уберегла", — подвывала она.

Сзади тихо подошла дочка, обняла мать за плечи и шепчет:

— Не плачь, мама, хочешь, я Сашку пойду в лес искать?

— Что ты, милая! — встрепенулась мать. — Чего удумала? Тоже сгинуть хочешь? Ох, да что ж за жизнь-то такая, — в голос заревела она. — Муж на фронте сгинул, нет уж вестей сколько времени. Сына, опору единственную, и того не уберегла. Свет мне не мил, доченька, — изливалась мать. — Всё молчала, про отца не говорила ни тебе, ни Саньке, расстраивать не хотела. А оно вон как вышло. Одни мы теперь с тобой. Одни на свете.

Тихо села Маришка у ног матери. Так и просидели вдвоём до ночи, проплакав.

«Ну заходи, гостем будешь, — рокотал басом спаситель. — Грейся, я пока обед состряпаю».

Тихо в доме мужика, тепло, сухо. Разморило Сашку после обеда. Прямо на лавочке и сморило. Почувствовал он, как сильные руки подхватили его да на кровать уложили. Сколько проспал — неизвестно, только очнулся от разговора.

Густой бас разбавил звонкий, юношеский голос. Через секунду дверь в избу открылась, и вошли двое. Спасителя по голосу Сашка сразу узнал.

— Знакомся, — пророкотал он. — Сын мой, Волей зовут.

— Какое имя странное, — удивился Санька.

— Ну почему странное? Редкое! Очень уж он погулять в одиночку любит. Глаза-то у тебя как? Щипать перестало?

И только тут Сашка заметил, что на глазах у него влажная повязка.

— Перестало, — ответил он. — А что это?

— Отвар специальный. Меня рецепту дед научил. От глазных недугов лечит.

— Зря это всё, — горько усмехнулся Санька. — Недуг мой не обыкновенный. Я ведь до того дня, как вы меня нашли, зрячим был. Куропатке в глаз попасть мог.

— Знаем, знаем, — подал голос Воля.

— Откуда? — не понял Сашка.

— Да болтает он, — пророкотал в ответ спаситель. — Не слушай его. Меня, кстати, Ворсой кличут.

— Какие имена у вас интересные! — сказал Санька. — Мне ведь в деревню срочно надо, домой. Там мать, сестрёнка, они наверняка думают, что я в лесу сгинул.

— Нельзя тебе пока домой, — произнёс Ворса. — Ну куда ты без глаз? Обузой только станешь. И без того матери плохо. Ты лечись у меня, а за мать не переживай, авось не пропадут...

В Сашкином доме мать сидела у стола и разглядывала своё обручальное кольцо. Его можно было выменять в соседней деревне на хлеб. Саша так и не вернулся. Еда в доме подходила к концу. Дотянуть нужно было до осени. Урожай картошки как раз бы поспел. С тех пор, как сын сгинул, вообще всё кувырком пошло: на кусты смородины напал какой-то жук, все завязи ягод осыпались, а по грядке с морковью прошлась медведка, основательно продырявив большую часть урожая.

Горько вздохнув, мать вышла на крыльцо и чуть не споткнулась о какой-то свёрток. Подняв его и развернув, она ахнула. В свёртке лежала ещё тёплая куропатка. С того дня свёрток появлялся на крыльце регулярно. То птица, а то и зверёк какой мелкий лежали в нём. Повеселела мамка Сашина. Сами сыты были, да ещё и сирот соседских подкармливали. Никому мать не говорила про это чудо и ребятам запретила рассказывать, что есть у них еда. Поняла она, что чьи-то козни Саньку сгубили. Чужое счастье людям глаза мозолило!

День ото дня после тех примочек, что делал Саньке Ворса, ему становилось лучше. Прошёл почти месяц, и вот однажды утром, проснувшись и открыв глаза, понял он, что видит! Лежит, глаза таращит.

Добротная изба! Из цельного бревна. Лёгкий сумрак в доме, окошки маленькие, пучки трав по стенам, как у знахарей.

Отворилась дверь и вошёл Ворса. Теперь Сашка разглядывал своего спасителя внимательно. Коренастый, с большими, сильными руками, волосатыми, словно обросшими шерстью. Густая борода покрывала лицо. Его чёрные, цепкие глаза внимательно следили за Санькой.

«Он вообще сильно заросший, — подумалось Саше. — Словно леший».

Ворса засмеялся. Сашка смутился от того, что свои мысли он, оказывается, произнёс вслух.

— А ты, я смотрю, прозрел, паря? И так сразу — леший! — смеялся он. — А знаешь ли ты, что моё имя означает? Лесной чёрт — как есть! — зычно гоготал он. — Я рад, что ты наконец-то поправился. Через пару дней домой тебя можно отправлять.

— Почему через пару? — спросил Санька. — Матушка поди вся извелась, уж и похоронила меня, наверное. Как они там с Маришкой?

— Хорошо всё у твоей матери, успокойся. А через пару дней, потому что дело одно есть, его закончить надо. Долг отдать, так сказать.

— Кому отдать? — не понял Сашка.

Но ответить Ворса не успел. Дверь распахнулась, и в избу вошёл Воля. Молодой, гибкий, поджарый, он по возрасту был Сашиним ровесником, только стройнее и выше почти на голову. Воля был очень красив. Чёрные, как смоль, волосы обрамляли лицо с идеальными чертами. Но тем, что придавало лицу необыкновенную красоту, были глаза. Ярко-бирюзовые, они, словно драгоценные камни, искрились. Казалось, они светились изнутри.

Санька нахмурился. Что-то далёкое и забытое шевельнулось в памяти. Где-то он такие глаза уже видел, но вспомнить так и не смог.

Воля улыбался во весь рот, показывая Сашке ряды своих кипенно-белых и ровных зубов.

— Я вижу, ты прозрел, Санька, — с улыбкой сказал он и, подойдя, крепко его обнял.

Александр слегка смутился.

— Дело у меня к тебе. На другом конце леса у нас есть ещё одна изба. Там человек живёт. Мы с отцом нашли его пару месяцев назад совсем плохим. Его с фронта комиссовали. Он домой шёл да не дошёл. Лихие люди на пути повстречались, хорошенько они его отделали. И сколько он на сырой, холодной земле пролежал без сознания, мы не знали. Насилу оклемаля.

— А почему его комиссовали? — спросил Санька.

— Так ему на фронте ногу оторвало. Вот и отправили домой, калекой доживать.

— И чем же мне помочь нужно? — не понял парень.

— Говорю же, ноги у него нет. Да и сил пока особых тоже. Пока до дома добирался, голодал. Все накопления, какие были, берёг, чтоб семье принести. Переживал, чтоб хоть какая-то помощь от него на первое время дома была. На эти-то деньги разбойники и позарились. Не захотел он их отдавать. Так вот его с той избы в эту перенести нужно. Тут отцу за ним ухаживать удобнее, ведь он тут живёт, а в той избе — я. А из меня ну какой лекарь? Это батя своими отварами мёртвого на ноги подымет, — подытожил он, улыбаясь.

— А что ж Ворса сам не пошёл помочь тебе?

— Пока не время было, да и тебе, слепому, догляд нужен был. А сейчас пора.

— С удовольствием, — ответил Саша. — Раз такое дело и человеку помощь нужна.

На том и порешили.

Спустя два дня глаза у Саньки совсем как прежние стали. Зорко видит.

Пошли они вдвоём через лес к избе, чтоб человека к Ворсе привести.

— Скажи, Воля, — начал Сашка, — а почему ты руку одну всё время прячешь?

— Травма у меня была в детстве, — отозвался тот.

— Какая травма?

— Вот придём в избу, и тогда покажу.

— Да и пожалуйста, — хмыкнул Саша.

Почти к обеду они добрались до избы.

— Как же далеко, — устало проговорил Сашка, когда до избы оставалось с десяток шагов.

— Да, мы с отцом должны по разные стороны леса жить, — произнёс Воля.

— Почему? — не понял Александр.

— Ну как почему. Лес большой, в любом уголке беда случиться может, нужно успеть вовремя, услышать и помочь. А если мы в одном доме жить будем-то, как узнаем, что, к примеру, в этой части что-то случилось? Вот отец тебя нашёл, а я...

И тут Воля замолчал. Толкнул дверь и исчез в избе. Сашка пошёл за ним. Вошёл и замер, как обухом по голове ударенный. Перед ним, на скамье, в армейской гимнастёрке и штанах сидел отец. Одна нога стояла на полу, вторая по колено отсутствовала. И точно так же, как и Сашка, отец смотрел на него, не веря в происходящее.

«Как это?» — отойдя от шока первым, произнёс отец.

«Батяка!» — закричал Санька и бросился к отцу в объятия.

Встреча получилась очень тёплая и трогательная.

— Ну, вы поболтайте тут, — смущённо сказал Воля. — Я скоро.

И исчез за дверью.

Сколько было говорено-переговорено! Отец Сашке про фронт да ранение. Про то, как боялся домой идти, не хотел обузой для семьи становиться, да не выдержало сердце любящее. Домой, к семье тянуло, вот и пошёл. До дома недалеко было, когда у кромки леса его встретила шайка разбойников. Как его Воля спас да выхаживал. И, конечно, нести его никуда не надо было. Вполне окреп и сам бы дошёл. Но, видимо, Ворса и Воля свои планы имели, вот и привели Саньку напрямик к отцу.

Сашка в свою очередь рассказал о матери, о Маришке. Как жизнь в деревне текла да и как он у Ворса в лесу оказался.

Отец было сжал кулаки, мол, как же так! Такое время тяжёлое, нужно помогать друг другу, а тут... На это Санька махнул рукой и ответил, что отцу на дороге тоже не друзья повстречались. Много всего переговорили. Вечер настал, да ночь прошла.

Вернулся Воля и сказал, что пора к Ворсе возвращаться.

Долго шли обратно. Отцу на одной ноге с костылём да по кочкам тяжело было. Сашка помогал ему, как мог.

Придя к дому Ворса, упал Сашка ему в ноги, благодарил, что его спас, что отца выходил...

— Не тебе, Санька, мне в ноги кидаться, — пробасил Ворса.

— А кому? — задал вопрос Сашка.

— Нам с Волей тебе нужно долг отдать. Да по гроб жизни не расплатимся.

— Как это? — не понял Санька.

— А так, — встрял в разговор Воля. — Ну, посмотри на меня! Неужели не вспомнишь?

И вот ещё, глянь, может, памяти добавит.

С этими словами он протянул вперёд свою руку. На руке не было двух пальцев, а под рукав рубахи шёл уродливый шрам.

«Ну же, Санька!» — подначил он его.

И, словно картинки, замелькали в Сашкиных глазах сюжеты из жизни. Вот он маленький с отцом собирает грибы. А вот с полной корзинкой несётся, чтоб порадовать мать. А вот... Вот! Старая разлапистая ёлка, а под ней маленький волчонок в капкане с ярко-бирюзовыми глазами. И Санька, зарёванный закрывает своим детским тельцем зверька, уговаривая отца не стрелять в него...

Словно водой окатили Сашку — стоит, глазами хлопает.

— Вспомнил? — блеснув своими белыми и ровными зубами, улыбнулся Воля. — А птицы? — спросил он. — Сами к тебе под дуло ружья лезли?

— Лезли, — прошептал ошарашенный Санька.

— Ну вот, ты спас моего сына, а я спас тебя, — пробасил Ворса.

— И не только, — горько ухмыльнулся Сашкин отец.

К своей избе подходили уже к ночи. Заглянули в окно. Там, у стола, с тоской в глазах сидела Санькина мать. У её ног, прижавшись, сидела Маришка.

Тихонько стукнули по стеклу. Мать взяла лампу и пошла в сени.

— Кто там? — тревожно спросила она.

— Свои, — радостно отозвался отец.

Встреча была горячая! Слез было пролито море. Да только всё слёзы счастья.

А поутру, когда по деревне прошёл слух, что Сашка вернулся да отец его с фронта, пусть и без ноги, но живой, повалили соседи на радостное событие. Каждому хотелось самому убедиться, что не кумушки судачат. Вся деревня пришла, кроме одной семьи.

В деревне с той поры ни Агафьи, ни Николая никто не видел. Как в воду канули. Видать, сбежали, справедливой мести опасаясь...

Наталия Прилепо

Учитель математики и информатики. г.Тольятти

Лодка

Я не трогала воду, страшилась ее движений.
Он размазывал соль по ошпаренной солнцем шее.
И такое затишье, что птицы совсем не пели.
Только ловчие весла со дна поднимали зелень.
Под ногами ходила река тяжело и жадно.
Мы буравили ил, непроглядные пятна, пятна.
Он распахивал руки, и рыбы к ладоням льнули.
Говорил мне: "Плыви, плыви!"
И я тонула.
Опускалась на дно, как горячий прибрежный камень.
Занимался закат золотистыми языками.
Широко расплзались круги.
Проступали остро
Перетлевшие листья, белесые рыбы кости.
Говорил: "Ничего, ничего, мы начнем сначала."
Я послушно молчала, и лодка меня качала.
Только голос его постепенно сходил на кашель.
Поднималась река и стояла темно и страшно.
Больше нет мне распахнутых рук над моей пучиной.
Но я делаю точно, как он меня научил.
Я тону глубоко, а потом начинаю сначала.
И лодка меня качает.

Лебеда

У забора корчилась лебеда.
Жгла ладони горьким и голубым.
На ветру бродячие облака
Разбухали в розовые клубы.

Под болотным солнцем цвела межа.
Дождевые стебли – сквозь старый сор.
Что ни день – куриная слепота,
Подорожник, ржавчина и песок.

В теплой луже – пыльные воробьи.
От травы - царапины поперек.
Натирало пальцы до волдырей
На двоих - колодезное ведро.

Пахла прелым медленная вода.
Ледяными бликами – по глазам.
Мы кричали в черную глубину.
Слушали прозрачные голоса,

Как тягуче эхо, зыбуче дно,
Как падучий камень на дне лежит.
А потом - по вышарканным корням,
Тропами - сквозь гулкие гаражи.

К гаражам повадился - старый кот.
У него в глазах - золотой песок.
Помнишь,мышь запутывала следы,
А потом попала под колесо.

А потом – ни шепота, ни души.
Грозовые всполохи, белый шум.
Лишь крыжовник ветками – до земли
Прорастал во вскопанную межу.

У забора корчится лебеда.
Солнце катит чертово колесо.
Я теперь – куриная слепота,
Подорожник, ржавчина и песок.
Не ходи туда,
где сгниет забор,
где обнимет камень
болотный бог,
и вода руки не почует.
Где кота настигнет
дремучий сон,
пискнетмышь,
раздавленная колесом.
Не ходи туда.
Не ходи за мной.
Не смотри на меня

такую.

Корова

В памяти пятнами – розовые цветы.
В мутной воде стакана – пустые стебли.
Бабушка жалилась – лето совсем остыло,
И невесомо садилась на край постели.

В памяти – пятна коровьей тугой спины,
Трепет боков, выступающая хребтина.
В сене корова лесную искала сныть.
В старой закуте пачкалась паутиной.

Были рога у коровы остры, характер – крут.
А по ночам на погоду болели ноги.
Бабушка видела солнце в глазах ее круглых.
Солнце – не солнце, а масляное пятно.

Трубы печные под вечер дышали дымом.
В лунки копыт осыпалась сырая пыль.
Воздух был полон полыни и лебеды.
Тлели за лесом солнечные опилки.

Тронешь траву – и в ладони въедалась медь.
Бабушка край занавески неловко комкала.
Долго ждала корову и не заметила,
Как заболела пылью и сквозняком.

Путала месяцы, слушала голоса.
Замкнутый дом отзывался темно и жутко.
Я ведь совсем не умела ее спасти.
Сяду на край постели и так сижу.

Пятна сливаются в серый, теряют вес.
Бабушка вешает выцветшие занавески.
Лес ей – сегодня и завтра – такой же лес.
Розовые цветы вдоль горячих рельсов.

Иногда по ночам сквозь далекий-далекий лес
Переломанным голосом плачет моя корова.
Костяными ногами отчаянно землю месит.
Помню пятна ее, выступающую хребтину.
И во мне просыпается что-то страшное, нехорошее.
Что-то звериное.

В полдень

В полдень у старой вишни – рябая тень.
У детей в волосах – выгорающие полосы.
Талое солнце – в глазах, как в большой воде.
Щеки черны от пыли, а плечи – остры.

Ниже травы, под сухой прошлогодний лист,
Под узловатый корень, под теплый камень
Птицу из рода седых безымянных птиц
Бережно прячут коричневыми руками.

В темную лунку – мертвой спиной вверх.
Под земляное сердце - пустое тело.
Вишня на лица детей пропускает свет,
Тихо дрожит и на головы сыплет белым.

Монстр

Сын мне рисует по пыли невымытых окон.
Ужин горчит пригоревшей густой перловкой.
В шаткую спинку – спиной. Сквозь сон горячий
Где-то внутри меня маленький мальчик плачет.
Рухнувший стул да обшарпанный подоконник.
Дерево-клен мне под ноги пускает корни.
Лунки следов пробивает живая зелень.
Сорок шагов до скрипучих кривых качелей.
Десять, одиннадцать с четвертью, с половиной.
Руки отца нестерпимо больны бензином.
Пальцы изъедены ржавчиной и артритом.
Страшно кричу ему горькое: “Пропади ты!”
Гаснет отец, переломан грядущим маем.
К лету совсем слабеет и пропадает.
Ниже и ниже – качели, и пусто, пусто...
В горле противно стоит кровавистый сгусток.
Рухнувший стул да обшарпанный подоконник.
Дерево сыну под ноги пускает корни,
Будто не чувствует коленей его разбитых.
“Я же сказал тебе! Чтоб тебя! Пропади ты!”
В шаткую спинку – спиной, немой и ватный.
Взгляд его прям и остр.
Маленький мальчик прячется под кровать и
Появляется монстр.

Небо до края

Небо до края мутную воду льет.
С улицы тянет ржавчиной и гнильем.
Руку подставишь - сплошь дождевая сыпь.
Небо темнеет. В стену стучат часы.
Крошится рама, рыхлая от воды.
Отчим с работы снова вернулся – в дым.
Высыпал на пол старый карманный сор
И сигарету выкурил мне в лицо.
Вспомнил по имени. Я его – как огня.
Что-то неловкое выросло из меня.
Думала, вспыхну клевером в полный рост.
Но постепенно что-то не задалось.
Трескались тропы сетью сухих морщин.
Синее платье, желтые кирпичи.
Пыльно от бега. Ветер звенел в ушах.

Солнце катило следом белесый шар.
Рваные ленты, выцветшее лицо.
Склеивал пальцы горький цветочный сок.
Думала, выстрелю в небо хоть вкривь, хоть вкось.
Но постепенно что-то оборвалось.
Кутаться в теплое, прятаться, где темно.
Отчим неделю будет лежать больной.
Виснет веревка, на пол течет белье.
Мама стирает серый постельный лен.
Деньги – на новое, на себя – рукой,
Солью – на пригоревшее молоко.

Звонишь мне раз в год

Звонишь мне раз в год в день рождения и сообщаемь,
Что умерли люди, которых я даже не знаю.
Что кошка гнездилась-пряталась под кроватью,
Потом принесла троих, но пришлось убрать их.
Было немного жаль,
Но четверых держать –
Накладно. Ни корма, ни места в доме не хватит.
Неделю стояла такая гнилая слякоть,
А нынче насыпало ночью – не видно края.
Умерли люди, которых я не узнаю.
Пепел в снегу оставляет глухие дыры.
Папа, я не засыпаю в чужой квартире
Мутным окном в темноту, затяжную, синюю.
Папа, он долго такую меня не вынесет.
Как и другие до...
Был бы ко мне добр.

Танечка

Гулко поют голоса голубой реки.
Дальше и дальше пульсирует полый мяч.
Танечка плачет, и слёзы её легки.
Сохнувший след на солёной щеке - горяч.

Я её медленно выучу наизусть,
Спрячу под сердцем и буду носить с собой.
Спи, моя радость, усни. Глубоко в лесу
Воет ракитовый волк на болящий бок.

Гладить атласные ленты её волос,
Хрупкий фарфор перепачканных солнцем щёк.
Это трава прорастает в ладонь насквозь.
У колыбели подкожный древесный сок.

Тише и тише течение, баю-бай.
Танечка, волчья болячка, речной песок.
Спи, моя радость, усни. Не ложись на край.
Мяч растворяется в синем. И всё, и всё...

Шиповник

Это твой маленький мир. Здесь твои порядки:
Дерево не обидь, не убей жука.
Розовым вспыхнул шиповник, и что-то сладкое
Медленно зреет в прозрачных его цветках.

Солнце так низко, что листья ржавеют жесткие.
Словно живые, ложатся они у ног.
Мне говорили, здесь много птиц: голубых и желтых.
Я насчитала четырнадцать. Не досчиталась одной.

Десять шагов - и уткнуться в горячее дерево.
Остро – спиною в изломанную кору.
Видишь, земля еще носит меня и держит.
То, что болит по ночам, утихает к утру.

Знаешь, какое во мне поселилось молчание.
В горле не колетса, не обжигает щек.
Как тишину одичавшую приручаю.
Сколько тепла между пальцев моих течет.

Это десятое лето. Седьмое облако.
Отяжелело молочно, внутри - пустое.
Дерево, девочка, облако моё, олово...
Старый шиповник сбрасывает листок.

Красная шапочка

Красная шапочка, лес до утра затих.
Заячьи тропы впитали животный страх.
Сломлена старая ветка.
Трава остра.
Эники-беники ели...
Тебе водить.
В небе горячими горлами воют Псы.
Ржавчина гложет замок, как пустую кость.
Гулки за дверью последние пять шагов.
Зуб - под подушку.
Молчание – под язык.
Мятные леденцы.
Масляный воздух.
Кровати просевший край.
Сказки легко обживают чужие сны.
Где-то в лесу родилась голубая сныть.
С ветки упала обугленная кора.
Птица-сова сорвалась на невнятный крик.
Высохло дерево, а до сих пор болит.
Горбится хищно и больше не просит пить.
Будто отчаянно вспыхнуло изнутри.
Так и горит.
Красная шапочка, страшен лесной огонь.
До черноты опаляет его укус.
В сердце поляны раскинулся волчий куст.

Красная ягода.
Крови ее не тронь.
Капли тугие свежее живой воды.
Спрятать в ладони.
Обнять.
Утолить беду.
Псы не почуют.
Не выследят.
Не найдут.
Эники-беники ели...
Тебе водить.
Зуб - под подушкой.
В коробке - каштановый локон.
Сумрачный лес, вечно ноющий на погоду.
Красная шапочка ночью становится волком.
Неизвестной породы.

Снега нет

Деревья зябко
корчатся во сне,
качая небо
сдержанно и мерно.
Ты, просыпаясь,
произносишь: “Снег...”
Но снега нет,
и осень пахнет смертью.
Цепляется за жёлтое
в листве,
цепляется за красное
в прожилках,
за тощий свет,
стекающий с ветвей
на галочки
покатые затылки.
Читаешь затвердевший
птичий след,
роня крошки
с медленных ладоней.
И боли больше нет,
и снега нет,
и неба нет печальней
и бездонней.
Чуть ближе
расстояния руки.
Дотронешься – дождём
стечёт наклонно.
И будут травы
тихие горьки,
дав осени
ржавеющий зелёный,
пшеничный пепел,
солнечную медь.

И будет терпок
забродивший ветер.
Ты, засыпая,
произносишь: “Смерть...”
Но снега нет.
Но снега нет, но смерти...

Вьюнок

Боль мне вспахала колени и сеет туда розовый,
Дикий вьюнок, что проклюнется сквозь кожу.
Будет расти, ниспадая до самых ступней косами,
Ломкую зелень стеблей день за днём множа.

К солнцу потянется через неловкий просвет форточки,
Выстрелит в небо, вобравшее пыль стёкол.
Мне же цветущим столбом по рецепту глотать горечь и
За непосильной весной наблюдать в щёлку.

Боль мне вспахала колени, горячая и колкая.
Я привыкаю, но сколько еще, сколько?
Боль превращает меня в человека одной комнаты.
Только бы не в человека одной койки.

Ты же чувствуешь

Ты же чувствуешь - дышат деревья темно и долго,
Осторожно качают на ветках синичий сон.
Расскажи, как свой маленький лес называешь домом.
И какой у не тронь-травы ядовитый сок.

У волшебной пастушьей свирели – чудная тема,
У встревоженных зайцев – тропа, у тропы – бурьян.
Длинноногие лисы пугливо бросают тени
И тайком оставляют хлеб на шершавых пнях.

Небо тает от тёплого. Синим пропитан воздух.
Пятипалые пятна следов размывает мох.
Ты же слышишь - ночами свирель выдувает звезды
И прозрачно звучит насквозь, и зовет домой.

Непроглядная ночь. Тишина подступает к горлу.
Злые лисы, последние звёзды молчат, молчат...
Расскажи, как от ягод во рту горячо и горько.
Расскажи. У меня уже не получается.

Маша

Зябко ёжится ночь, словно лес выдыхает шёпот.
Расступаются травы, волнисто рисуя тропы.
Злую птицу на ниточке прячет в груди Маша,
Ощущая плечами отрезанных кос тяжесть.

Ей бы в лес, что хранит её, но сохранить не может.
Ведь у Маши лишь птица в груди, ничего нет больше.

Небо настезь распахнуто, звезды текут мутно.
Ей бы в лес, только путь сквозь сырую траву путан.

Заблудиться бы в чаще, исчезнуть, пропасть бесследно.
С волдырями крапивными, содранной в кровь коленкой,
Босоногой и легкой, пропахшей густым светом,
Беззащитно уткнуться в живое тепло лета,

В рыже — бурое в десять обхватов медвежье брюхо.
Ведь у Маши в душе, как в берлоге, темно и глухо.
Пожалеет косматый медведь, запоёт громко:
“У лисицы боли, у медведя боли, волка...”

Но отцвёл горлицвет, став пыльцою на пальцах Маши.
Лопнул шарик воздушный и змей улетел бумажный.
Ей бы в лес в синем платице ситцевом. Лес лечит.
Птица злится, но нитка медвежьей любви крепче.

Ночь вольётся в окно, нестерпимо подкатит к горлу.
Закрываясь ладонями, Маша заплачет в голос.
И почудится ей, будто старый медведь воет:
“У лисицы боли, у медведя боли, волка...”

Вероника

В мире увядших цветов и поломанных кукол
Влажные крошки рассвета клюют сизари.
Звуки вобрав, тишина отзывается гулко
Эхом глухих коридоров и дрожью перил.

Музыка старой шкатулки пульсирует в пальцах,
Чувствуя плавность движений слепых балерин.
Бредит Вероника грустью скользящего танца,
Прячет Вероника манкую бездну внутри,

Где затаились пугливые, кроткие бесы.
Ждут темноты и сражаются сами с собой.
Мерит Вероника сутки ступенями лестниц,
Сгустками вдохов, считает по градусам боль.

Ветер межмирья, впитавший стихии столетий,
Стынет за дверью, неистов и сладок на вкус.
Молча, на ощупь бредут безымянные дети,
Сыплют у входа рубины разорванных бус.

В такт их походке шкатулка фальшивит и стонет
Гаснущим звуком, достигшим предельных высот.
Ищет Вероника в линиях тонких ладоней
Завтрашний день, где никто никого не спасёт.

Грот

Брат, мы построим грот
В глыбах подвальной мглы.

Влезем под низкий свод
Лбом собирать углы.

Старый бушлат – кровать,
Стулья и стол – картон.
Будем гудрон жевать,
Спинами греть бетон.

Скроет молчанье губ
Тайну паучьих лап.
Хляби прогнивших труб
Топят поток тепла.

Сыпью пугливых мух
Заражена стена.
Дух, обреченный вслух
В мире теней стонать.

Эхо седых камней.
Сетка земных ходов.
Петли слепых корней.
Двери иных миров.

В недрах былых времен,
Жжёт паутин тесьму
Жадным огнем дракон,
Вдавлен копьём во тьму.

Хищно прогнув хребет,
Вьётся тугим кольцом.
Память чужих побед
Сквозь чешую - рубцом...

Слышишь, пришел отец.
Снова, как дьявол, злой.
Сделаем грот, малец.
Нам ведь нельзя домой.

Страшно к нему
Страшно к нему.
Он мне – такая ночь:
выйти из дома и заблудиться.
Не отзываться на имя и
не годиться в дочери.
Мне на секунду семнадцать,
а после – тридцать.
Стоит коснуться пальцев.
Стоит прижаться остро
к плечу – плечом.
Тени теряют вес,
истончаясь в черное.
Зябкая ночь нестерпимо

насквозь течет.
Глупая, глупая нежность
сжимает горло.
Мне от плеча его – горячо.
Горячо и горько.

Выцветание

Солнце идет по шторам слепым пятном.
Плавится пол, выцветают обои стен.
Я закрываю глаза. Мне темным – темно.
Так и стою над высохшими растениями,
Ржавыми листьями, чашечками, соцветиями,
Над голубыми, гаснущими цветами.
Меня позабыли на детской площадке еще восьмилетней.
И я до сих пор там.
Долго смотрю, как птицы клюют зерно.
Плавится пол, под ногами цветет трава.
Волнами в окна вливается утренний зной.
И меня накрывает.

Виталий Рыхлов

Поэт, прозаик, автор литературной интернет игры «Начало» г. Тольятти

Ох, уж это искусство!

Почтовый ящик... Если бы я был поэтом, то посвятил бы длинную оду этому великолепному изобретению человечества. Связующее звено, сюрреалистический (кубический) Дед Мороз, круглый год приносящий подарки в твой дом. Причем подарки эти материальны и не материальны одновременно. Это слова. Страница текста в незамысловатой оправе - это всегда сюрприз. Порой ожидаемый, порой неожиданный, но почти всегда желанный. И почти всегда непредсказуемый.

Но я не поэт. Я художник. Работаю в рекламном агентстве. Художник, наверное, неплохой, потому что работаю уже пятый год и начальство мной довольно. Заказов хоть отбавляй, но в этой рутине всегда легко завязнуть, время летит и усталость накапливается, как слой пыли на полотнах в запасниках и непонятно от чего вдруг начинаешь чувствовать себя тяжелым и неповоротливым. А для отпуска никак не найдешь подходящий повод. Поэтому я очень обрадовался, когда получил письмо от Клода. Он живет в Париже. Я - в Лос-Анджелесе,

город замечательный, но мне не хватает Парижской безмятежности, его если хотите безответственности.

Клод - свободный художник. Признаться, я всегда слегка ему завидовал. Особенно будучи студентом. Я помню он всегда отличался от остальных. Это был не искусственно созданный имидж оригинальности, чем баловались тогда многие. Он действительно был необычен.

Мы часто спорили с ним о творчестве. Я научился относиться к творчеству, как к слуге, с капризами которого приходится мириться. Для Клода творчество было не слуга, а друг. Соавтор, собеседник, он не мирился с ним, он его любил. Он питался им, дышал.

Ему не нужно было, подобно мне, приступая к тому или иному заказу будить его, вызывать из себя, как джина из бутылки. Творчество постоянно было с ним двадцать четыре часа в сутки. Оно было его вечным собутыльником в славном кафе на площади Сен-Мишель.

И глядя на его полотна я часто видел разницу между нами. Между ремесленником и творцом.

Но сознавая в себе подобный дар Клод никогда не кичился этим в нашей дружбе. Более того он искренне ценил наши отношения и мне это несколько льстило.

Одно время, Клод стал одержим идеей найти рецепт приготовления красок бессмертного Вермера. Лично мне это было непонятно. Его не устраивало качество заводских красок и некоторые из них, он создавал сам, радуясь, как ребенок удачно найденному колору.

Он был ищущей натурой, но то, что он находил, было настолько редко и штучно, что он часто говорил, мол, на Земле нет того, что он ищет.

И поэтому я был более чем рад, когда прочитал в письме, что он наконец нашел то, что искал и теперь безмерно счастлив. Это была... его невеста. Они были знакомы полгода и полгода проживали, что называется в гражданском браке. И вот теперь решили пожениться. Не трудно догадаться, что меня приглашали в качестве свидетеля. Недолго думая я собрался и поехал.

Клод был необычайно доволен собой. Розовощекий, подтянутый, с сияющей улыбкой на лице он являл собой пример достойного семьянина в самый расцвет счастливой семейной жизни.

- Джули уехала за покупками. Скоро будет. Располагайся. – сказал Клод и проводил меня в дом.

На что я сразу обратил внимание - это то, что внутри, во всей обстановке как-то сразу чувствовалась женская рука. Это та неуловимая метаморфоза, которую не можешь объяснить, но всегда ощущаешь. Это не просто удивительная чистота, порой пугающая своей стерильностью. Во всем чувствовалась какая-то любовь. Она была во всем. Как была расставлена посуда, мебель и прочее. Все как бы дышало этой женской опекой и...

- А вот и радость моя! А мы тебя заждались. – воскликнул Клод и я повернулся что бы засвидетельствовать свое ...

Дело в том, что в комнату никто не вошел... Клод подошел к пустоте в дверном проеме, обнял ее, проводил к стулу, чмокнул в предполагаемую щечку и сел на свое место.

- А вот и моя Джули. Ну как тебе она? - Клод смотрел на меня взглядом, который не замечаешь до определенного момента.

- Да ты что, Клод! Она просто прелесть...

Теперь до меня дошло то, что смутило еще на вокзале, но чему я не придал тогда значения. Он постоянно улыбался. Сначала я отнес это к радости от предстоящей женитьбы. Но это было не так. Улыбка была искусственно впечатана в лицо и, опять же, приглядевшись можно было понять, что какой-то нездоровой судорогой навечно и намертво свело скулы.

К счастью Клод, как бы не замечал моей несомненно видимой реакции, как бы тщательно я ее не скрывал. Он нырнул в омут светской беседы по поводу моей работы и я, как мог поддерживал разговор.

Потом, сославшись на усталость после переезда я поблагодарил за ужин и поспешно удалился.

- Оставляю вас наедине – промямлил я, кивнув стулу, напротив.

Поднявшись к себе в комнату, я предался размышлениям. Первым порывом было позвонить куда следует, но что-то меня удержало.

В дверь постучали. Надев маску безмятежности, я пригласил войти. Это был Клод.

- Мы собираемся съездить за город. Не присоединишься к нам?

- Да нет, ты знаешь, я действительно очень устал. Отдохну часок-другой.

- А! – протянул Клод – Ну приятного сна... Кстати, - он заговорщицки подмигнул – Ты не видел моей последней работы? Будешь первым критиком. И мы поднялись в мастерскую.

Портрет... Я сразу понял кто был изображен на портрете. Белокурые волосы с Ботичеллиевскими глазами ...

- Это Джульета? – спросил я.

- Хороша, не правда ли? – толи о портрете, толи о невесте сказал Клод.

Да, портрет был действительно хорош. Краски были не просто живыми, они были бесконечно живыми. Такую палитру можно наблюдать, только глядя на подлинники Рафаэля и Да Винчи.

Была в них какая-то плотская основа. Как будто Клод нашел-таки пресловутый рецепт

красок и портрет был... Лицо на холсте дышало.

Когда я смотрел, ко мне пришло решение просто уехать.

- Ты знаешь, Клод. Это удивительная работа. Но мне звонили с работы. Завтра я должен срочно уехать. Вернусь через два дня.

- Ну что ж, очень жаль. Джульете ты очень понравился.

Ночь я провел беспокойно, но в восемь утра был на ногах и усталой походкой отправился бриться. Решительно настроенный я заканчивал утренний туалет...

В дверь постучали и незнакомый голос прошептал:

- Доброе утро м-е Рено. Спускайтесь завтракать. Мы с Клодом ждем вас внизу.

Я открыл дверь...

Оживший портрет проскользнул мимо меня, остановился в дверном проеме и улыбнулся улыбкой Ботичелли.

Алеся

Моей несуществующей мечте...

Вот ведь, всю жизнь ждешь этой встречи, а когда она происходит – как правило застает врасплох. Французы говорят «Селяви», русские – «закон подлости». О чем я? Конечно о «прекрасной незнакомке». Она появилась довольно поздно, как и в моей жизни вообще, так и в ту ночь, на моем крыльце, в частности.

Я работаю сельским врачом в поселке Манькино. Тот, кто создавал само понятие судьбы, был (и есть?) редким приколистом. Испокон веков периферия питала столицу новой кровью, но эта закономерность оказывается обратима. Я всегда был большим оригиналом. И когда, закончив престижный московский медколледж по курсу традиционной хирургии перспективный специалист

в моем лице просматривал бланки по распределению, я почти сразу обратил внимание («клюнул») на: в графе «Требуется» –

«п. Манькино. Сельский врач». Годы, которые всегда бегут быстрее, чем бы этого хотелось

учат со временем ненавидеть свою юную одержимость экспериментом, но любить (!) свое место работы. Поэтому до сих пор мое место жительства - п. Манькино.

Итак, ночь, гроза, дождь, ветер. Она стояла, что называется «в одном исподнем» на крыльце. Безумно красивая, но уж больно бледная.

«Мама... Сердце... Помогите... Пожалуйста...»

- Успокойтесь. Как вас зовут?

- Алеся.

- Маму?

- Свиридова Анна Лукинишна.

- Адрес?

- Красноармейская 15

- Я сейчас...

Если и есть чемпионаты по сборам, то Чемпионы – это Врачи. Плащ, котлета, сундучок с инструментами и служебный запорожец, который всегда на ходу.

Ангел-спаситель решил меня не дожидаться и босыми симпатичными ножками восемь километров, своим ходом.

Анна Лукинишна, доярка со стажем, скромный-простой человек была плоха. Как говорится часом позже - и я бы ничего бы не смог сделать.

Пару месяцев спустя, делая традиционный обход, я, вопреки правилам задержался на блины и пару стограмм деревенской благодарности. В очередной раз, закрывая уже знакомую калитку, я на секунду остановился...

- Ты, сынок, как будто спросить чего хочешь, да не решаешься? Денег у меня нету...

- Да мне просто интересно. Сколько у Вас бываю, Анна Лукинишна, а все никак спасительницы вашей не найду.

- Кого?

- Где ваша дочка? Алеся...
Взгляд, из непонимающего превратился в озабоченный:
- Да бог с тобой, сынок! Она уж лет пять как померла... Утонула в Зеленке...
.....
Мне всегда не везло с женщинами, а когда все-таки повезло, то... не повезло.
Говорят гений и злодейство, как страшное и красивое - не совместимы. Не всегда.
Единственное привидение в моей жизни была страшно красива.
И впервые мне стало весело. До слез...

Зрителю

Вот гул толпы тысячеокой
Переродился в тишину.
Глаз рампы стянут поволокой
И в современную волну
Вошел размер скупого ямба.
Напротив Ты – не друг, не враг
Подруге шепчешь деферамбы
И ждешь:-«Чем удивит, дурак?»

А я и сам ни лед, ни пламя
Спешу опять, в который раз
Сказать и доказать словами
Что я не кремень, а алмаз.

В глазах вопрос, в устах тревога
В лопатках копошится страх
А сцена, словно недотрога
Дразнится, предрекая крах.

Но вдруг на закоулках чувства
Из катакомб моей души
Жар птицей выпорхнуло чудо
С гортанным выкриком:-«Дыши!
Твори! Дрожи непостоянством!
Амбициозностью греши!
Разлейся эпатажным пьянством!
Сердца внизу растормоши!..

Как выдох занавеса шорох.
Конец. Я слышу голоса
Застыли маски на иконах
И открываются глаза...
И видят то, что вечно ново
Как Ты, совсем невдалеке
Опять восторженно-сурово
Рукою lupишь по руке

Спектакль

Начало – прОволкой под ноги
Качает маятник-меня
Из горла не слова, а слоги
Ползут. А я себя кляня

Опять сомнением тиранить
Тревожить чувства-флюгера
Подсказкой сдавливают память
И тихо шепчет: «Как вчера».
И где-то мысль под кожей пятки
Диктует совести отказ
Амбиция не хочет в прятки
И завизжала; «Как сейчас!!».
А роль, как будто все услыша
Скупясь, устроила торги
И лишь одна свобода-крыша
«Поехав» крикнула – Беги!
Две маски мертвыми богами
Не принимая, не гоня
С кулис жестокими строками
Слегка молились за меня
Успех овацией щекочет
Еще лишь пять шагов пройти
Но время мне помочь не хочет
И просыпаюсь... Без пяти...
Двенадцать, а спектакль в час
Молитесь Вильямы за нас.

Марина Воронина

Поэт, член Творческого объединения «Созвучие». г. Самара.

Мы любили сидеть на крыше.
Птиц кормить, говорить о жизни.
Так прекрасно на юге утро,
Даль прозрачна и высока.
Мы любили смотреть на море.
Как купаются в нём дельфины.
Мы бессмертны, как будто боги,
А по небу плывут облака.
Мы теряли себя по каплям.
Растворяясь в пространстве света,
Мы шутили и улыбались
И не ведали, что творим.
Этот мир, что зовется Нашим
Поселился, вот тут, под сердцем,
Даже если пройдут столетия,
Он останется нерушим.

Я та, которую ты любил.
Я та, которая за тобою
По краю шла, из последних сил,
Водой поила тебя живою.
И свято верила много лет
В твою звезду и знаменье Бога.
А на вопросы мои ответ
Всегда подскажет твоя дорога.
Не отдавай же меня другим,

Прочти меня по глазам и сердцу.
Ты, что молитвой моей храним,
Дай мне в объятьях твоих согреться.

Принимаю потоки с неба,
Звездной россыпи необъятной.
Распахнувшись, на встречу ветру,
Широтою невероятной
Полечу невесомой птицей,
Несмолкающей звонкой песней.
Красотою наполню сердце,
Мир бескрайний во мне воскресни!
Пролетая сквозь все пределы,
И законы все мироздания,
Постигая, я стану светом,
Отражённом в его сиянии.

Скажи мне друг, не тая,
О чём поёт твоё сердце?
Волнуясь, веря, любя...
Души открой своей дверцу.
И даже если других
Сердца с твоим не согласны
Какое дело до них?
Ты знай- ничто не напрасно.
И пусть горит огонек
Любви твоей, осторожной.
Желанья сбудутся в срок.
Поверь, что чудо возможно!

А музыка души у каждого своя,
Хотя звучит порою еле-еле.
Она тебя зовёт, и чувства не тая,
Иди за ней в распахнутые двери.

А музыка души прекраснейший цветок,
И в сердце распускается однажды,
Чтоб красоту свою почувствовать ты смог
И утолил нахлыновшую жажду.

А музыка души не смолкнет никогда,
Ведь без неё не будет сердце биться.
Иди на этот зов сквозь тьму и холода,
Чтоб в небо воспарить свободной птицей.

Расплескав это утро в стакане
Самых смелых и радужных грёз
Я увижу, что сбудется с нами

Может в шутку, а может всерьёз.

Прикоснувшись легко, беззаботно
К твоим веющим свежестью снам,
Нарисую такие полотна,
Что умчат по бескрайним волнам.

Вольнодумцам по силам скитанья,
Фантазёрам по праву мечта.
Разобью все свои ожидания,
И открою на небо врата.

Сокращая на миг расстоянье,
Сквозь пространство и время пройду.
И почувствую наше слиянье.
И себя до конца обрету.

Рвётся слово из души-
птица.
Чтоб коснуться твоего
сердца.
Оттого ночами не
спится.
Ну куда же от себя
деться?
Здесь повсюду зеркала-
лица,
Можно в каждом утонуть
сразу
И в единое одно
слиться,
Чтоб уже не различить
глазу
Кто есть кто. И только стук
сердца,
И слова уже идут
лесом.
Так не бойся отворить
дверцу
И сыграть своей души
пьесу.
Мне чужая не нужна
слава,
Знаю ты одною мной
дышишь!
Так о чём же говорить,
право?
Если ты меня без слов
слышишь.

Я к тебе всё равно дойду,
Пусть идти мне придётся долго.
Я тебя всё равно найду.
Ты ж большой, не в стогу иголка.
Можешь спрятаться, убежать,
Попытаться забыть навеки...
Но тебе ли, мой друг, не знать,
Что сливаются наши реки?
Достигая морского дна,
Поднимаясь волной до неба,
Мы в единстве. И суть одна.
Где б ты в это мгновенье не был
Я касаюсь

Зажги души своей маяк!
Пусть светит он огнём нетленным.
И откровеньем сокровенным
Всем путникам укажет знак.
Что можно в море жизни плыть,
И быть собой, с ветрами споря.
И, одолев печаль и горе
Мир вдохновения дарить.

Иногда я тебя забываю
Среди тысячи тысяч лиц.
И твой облик не замечаю,
В очертании своих границ.

Растворяется наша нежность,
Угасает любви огонь.
Принимаю как неизбежность,
Что потерял к тебе пароль.

Где-то парус, в далёком море
Вновь стремится за горизонт.
Что ж мой ветер? Гуляй на воле!
Мне держать тебя не резон.

Я легко быстrokрылой птицей
Обернусь на рассвете дня,
Чтоб однажды тебе присниться,
Просто так. Вспоминай меня.

Не теряй меня, я рядом
В каждом вдохе, в каждом миге.
Стану я твоей наградой.
Ты сними свои вериги.

Распахни навстречу сердце.
Пусть струится свет волшебный.
Знаешь, так легко согреться,
В этой маленькой вселенной!

Протяни навстречу руки.
Я с тобой, ты это знаешь!
Нет печали и разлуки,
Если их не замечаешь.

Если радуешься встрече
Через дни и расстоянья,
Лучше всех микстур излечит
Моего тепла касанье.

Не позволяй замерзнуть в холода.
Отогрей себя любви огнём.
Даже если за окном беда,
Даже если холоден твой дом.

Ты себя не обижай, не смей
На других не сетуй, не кори.
Принимать и отпускать умей,
Всё уладится, держу пари.

И пока горяч твой уголек,
Можно душу грешную спасти.
Малодушие не ставь в упрек.
Просто поднимайся и иди.

Пусть вокруг погаснут фонари
Ты не станешь в темноте блуждать
Коли светом утренней зари
Будет огонёк души сиять

Скоро уйдёт зима.
Скоро придёт апрель.
Радостные дома
Снова откроют дверь.
И побежит вода
Струйкой по мостовой
Будто бы навсегда
Мой унося покой.

Вновь зашумит листва
Каждый ей будет рад.
Облака синева,
Яблони аромат.
Южные поезда
Рек полноводных бег

Новые города.
Счастье моё навек.

Сегодня я благодарю
Весь мир, за то, что улыбаюсь.
За то что мыслю и люблю,
И этим миром наслаждаюсь.
За добрый взгляд свой и уют,
Что создаю, для тех кто рядом.
И в быстротечности минут,
Я нахожу себе награду.
За голос мой, что не умолк,
Наперекор словам жестоким,
Мурашками по телу ток,
Энергии живой потоки.
Благодарю, за каждый миг,
Пусть каждый вздох пропитан светом!
Как нескончаемый родник,
Наполню Радостью планету.

Омыты улицы дождем.
Стальной асфальт блестит.
Иду по городу и в нём
Мой тихий алыт звучит.
Сияет солнышко с небес,
Приветливым лучем,
Меня погладит по щеке
И тронет за плечо.
И даже тучи грозовой,
Стушающийся тон,
Не опечалит этот день.
Я с миром в унисон.

Ночь спустила покрывало
И ночные огоньки
Маяками раскидала
По поверхности Земли.
Люди, кошки и машины
Засыпают до утра.
Завтра новые вершины
И попутные ветра.
А пока так сладко спится
В этой лунной тишине.
Так пускай весна приснится,
Согревая душу мне.
Я волшебные мгновенья
На невидимую нить
Соберу как ожерелье,
Чтоб любимым подарить.

Разверну свою большую душу.
И наполню мир теплом своим.
Я иду вперед, и я не трушу,
Потому что я иду за ним-
Голосом Души своей от Бога,
Что звучит во мне, с тех самых дней,
Где спускалась под откос дорога
И не видно никаких огней.
Я тогда в слепую шла, на ощупь.
"Будь что будет"- говоря себе.
И в тетради неумелый росчерк
Памятной зарубкой на судьбе.

Шли года, и вот я вышла к Свету.
К Свету, что всегда сиял во мне.
Но, от всех его упрятав где-то,
В неизвестной, темной глубине,
Я жила, не зная, как же сладко
Доверять, любить и принимать.
Растворяясь в мире без остатка,
По частицам вновь себя собрать.
Это- нескончаемое чудо!
Это-неземная благодать!
Это-дар, пришедший мне оттуда,
Где никто не будет умирать.

Мне не жаль потраченных усилий.
И иллюзий лопнувших не жаль.
Наполняюсь благодатной силой
И иду в неведомую даль.
Чтоб тепло дарить, не ждя ответа
И награды каждый миг, для тех
Кто, быть может, не заметив света,
До сих пор блуждает в темноте

Ольга Потапова

Поэт, член Творческого объединения «Созвучие». г. Самара.

Свяжу стихи я из случайных слов,
Из мыслей, что в мозгу моём роятся,
Из сотни тысяч мимолётных снов,
Что в памяти моей давно хранятся.
Крючок возьму потоньше, чтобы нить
Ложилась ровно тонкой паутиной,
И стану Господа благодарить,
За жизнь, что перестала быть рутиной.

Благодарю тебя за это небо,
Что разлилось рассветом над рекою,
За солнышко лучистое, что светом
Смешало краски с радостью земною.

За тихое журчанье ручейка,
Что вьётся синей лентой вдоль оврага,
За нежный шелест каждого листка,
За жизнь саму, что стала мне наградой.
За ту любовь, что даришь безгранично,
За крылья Ангела, что за моей спиной,
За Свет с небес, что стал давно привычным,
За Мир, тепло и за душевный мой покой.

Девочка моя, драгоценная
Дал тебе Господь в жизни ценности,
Доброту, любовь и старание,
Тысячи дорог для признания.
Широту души, сердце чуткое,
Чтобы ты росла незабудкою.
Чтоб всегда жила ты в гармонии,
Чтоб в душе играли симфонии.
Всё цени, что есть в тебе, милая,
Наполняйся ты этой силою.

Мчись кибитка по дороге
Уноси меня ты в степь,
Там я буду одиноко
О любви к цыгану петь.
Разожгу огонь пожарче,
Разгоню всё вороньё,
Засверкают звёзды ярче,
Сердце трогая моё.
Мне гадалка нагадала
То, что вместе нам не быть,
Есть другая у цыгана,
Мне придётся уходить.
Воронью спою я песни,
О разлуке и любви,
Мне не быть его невестой,
Грусть мою, огонь, сожги.
Степь, подруженька, родная,
Раздели мою печаль,
Верный конь стоит кивая
И поглядывает вдаль.
А вдали цыган маячит.
И кричит он мне: "Постой!
Я люблю тебя, моя ты.
Ты не верь гадалке той."

Весна придет и будет нежной
Раскрасит мир в зелёный цвет
И росчерком луча небрежным
Испишет утренний рассвет.
И безусловно любовью
Окутав снова наши души,
Сердца надеждою наполнит
И станет жизнь намного лучше

Генриетта (МГИЮ)

«Слепая поэтесса-христианка»

Поэт, член Творческого объединения «Созвучие». г. Тольятти.

"Жизнь в Пансионате г. Тольятти для меня: как хороша, так и плоха ... Встреча с Богом - открыла для меня многое, да, не скажу, что жизнь радужна и полна красок, но далеко не из худших ..."

«Selfie о себе»

Я не вправе на жизнь обижаться,
Хоть бываю часто в слезах.
Сам Господь меня учит смиряться,
Обещая покой в небесах.

Я не вижу картины и лица,
Не смогла бы детей воспитать,
Но я очень люблю молиться,
В доме Божьем люблю пребывать.

Бог дает мне друзей и хлеба,
А когда устану в пути,
Погляжу в голубое небо,
И становится легче идти.

«Принимаю всё во благо!»

А над столиком свет очень ярок –
Хочу сказать тебе Новый Друг,
Что внимание твоё - как подарок,
Как пожатие тёплое рук!

Принимаю Блага от Бога,
И признательность от друзей...
Не судите уж очень строго,
Что в душе родится моей

И да будет всё в жизни "Во благо!":
Слёзы, смех, картины, стихи... –
Бог даёт таланты однако,
Хоть пути не всегда легки,

Вам всегда всё будет во благо!
Массы тёплых и добрых слов,
И не кончатся кисти, бумага,
Время тёплых картин и стихов!

эпиграф:

"Получить хочу ответ:
Что такое интернет –
Он приносит только пользу?
Или может только вред?"

«Мир с интернетом или без»

Жёлтый лист упал на ладонь,
А вон там, гляди, - паутинка,
Над рекой рябины огонь
И в пожухлых листочках тропинка...

А твой сын включил интернет –
Он чего-то ищет в ВКонтакте
И слепит глаза ему свет –
Не забудёт на площадке пенальти!

Он с девчонкой своей не в лесу,
А всё время кликает мышкой, ...
И ни капли дождя на носу –
Только шнур от ноутбука под мышкой.

Дети малые у нас в интернете каждый час
Смотрят мультики без счёта, об уроках где забота!
Ну, а если в играх дети - всё внимание в интернете,
Всюду танчики, стрелялки, позабыты догонялки;
Лишний вес или отдышка, да уж! это, люди, слишком!

Стоп! но есть и плюс большой, скажем - если ты слепой:
Книги аудио качай в интернете и читай!
Информацию добыть надо, милый, Google открыть... –
Век технический, - прогресс - к интернету интерес:

Получить образование, и узнать всё про питание...
Так пролей, дружище, свет: польза интернет иль нет?

Да, планету опутала сеть –
Интернет заменяет природу,
И без нас будут листья гореть,
В мониторе дождя видим воду.

«Тайна случая»

В жизни всё бывает не случайно!
Для кого-то всё же это тайна,
Кто-то просто думает на случай:
Ропщет иль брюзжит, а то канючит...

Женщина работала на кухне
Да была красива, - словно кукла, -
В доме инвалидов это было,
А калек, скажу вам, не любила:

Если кто к ней подходил за супом –
Говорила: "Скоро будет трупом"!
Медленно шагает мол, калека –
"Убивать такого человека".

Ну, а коли кто во двор иль в сад –
От болезни ... - сам себе не рад:
Выскажет такую кучу слов,
Что больной уж сразу в гроб готов!

Вскоре...
Что-то, бедная, сломала:
И на койку эту же попала –
Думала "наверное случайность"
Или вовсе тут необычайность...

Отказались от неё родные –
Не ходили даже в выходные,
Бывшие коллеги и друзья,
И валялась грязной, как свинья.

Только Бог всё видит и всё знает –
Ничего случайным не бывает!

«Где существует Сущий»

(ответ математике, аналитике, цифрам)

Не взрыв планету основал –
Смотри в творении - порядок,
Да! Бога ты и не видал
В плену бездушных цифр, тетрадок...

Но Он в Снежинке и в Листке,
Что зеленея нас пленяет...

Нет, не ищи ты вдалеке!
Он - рядом с нами обитает!

Друзья при встрече радость льют –
То - Филио-любовь² меж ними,
Но в Боге ласка и приют,
То - Высшая Любовь³ обнимет!

Ты доказать посмей, мой друг,
Да и сумеешь ли?
Едва ли!
Что "Бога нет нигде вокруг",
И "выдумки Его создали"!?!

«Во сне»

Всё как во сне иль вовсе в сказке:
Промчались конницей года,
Уж позади любовь и ласки
И льющихся речей вода...

Уж стар и хочется покоя
И тишь берёзовых аллей,
А может домик над рекою
В тени ветвистых тополей...

К воде тенистая тропинка
Ночами трели соловья,
Клубничка, сладкая малинка,
За чаем добрые друзья:
Хотя бы помечтать немножко
Или увидеть то во сне –
Но вновь вспотевшее окошко
И что-то кто-то крикнул мне...

«Осень съела лета следы»

Почему так болит душа? ... –
осень съела лета следы –
и текут вечера неспеша ...,
словно струйки ржавой воды.

Стонет ветер - глубокий старик,
выдувая из дома тепло, -
то конец октября стоит,
тарабани веткой в стекло!

Пьяных туч бежит караван,
брызжет дождиком, как слюной –
не забудется летний туман
облаков стада надо мной.

² Филия (др.-греч. φιλία)

³ Агапи (др.-греч. ἀγάπη - ἀγάπη)

Потому так болит душа,
и сердечко в тоске не унять, эх!
И лета пора хороша!!! –
только нам её не догнать!

«Мой город - Тольятти»
Уставший вечерний город,
С работы идёшь домой,
Безумно красив и молод,
Славный Тольятти мой.

Скверы, дворы и бульвары,
В небо высотки глядят.
Гуляют влюблённые пары,
Детишки с горки "летят".

Работа, учёба, лечение –
Град-муравейник живёт,
А рядышком плавно теченье
Матушка-Волга несёт.

Весною и знойным летом,
Осенью, снежной зимой
Воспет музыкантом, поэтом
Славный Тольятти мой!

«С днём Тольятти!»
Нынче городу День Рождение;
Не беда, что холодный день,
Настроение, наслаждение –
Создадим для себя и людей!

Мы на площади иль на проспекте,
Ну, смотри как танцуют, поют!
Город наш - нестарый, поверьте –
Создадим молодёжный уют!

Мы - Татищева-основателя
Станем помнить и уважать, -
Так трудитесь же основательно,
Чтобы с радостью отдыхать!

«Сомёнок»
В ту пору мне было шесть лет,
мой папа ездил рыбачить на Телячий остров,
это на том берегу Волги.
Он на пароме переправлялся через переправу.
Он рыбачил закидушками, спиннингом и на завозную.
Вставал рано и уезжал на весь день, иногда с ночёвкой.

И вот однажды он поймал сомёнка на 12 килограммов.
Привёз его домой.

А мама чистить рыбу боялась и не умела,
поэтому мы поручили это дело нашему двенадцатилетнему соседу.
Но тот и додумался чистить этого сомёнка над унитазом.
И вот представьте себе - сомёнок соскользнул
и выскочил у него из рук...

Как он проскочил в канализацию, до сих пор
никто понять не может.
Мальчишка закричал моему папе,
что сомёнок уплыл.
Папа страшно удивился
и в то же время осердился на мальчика.
А надо сказать вам, что около нашего дома был колодец.

А папа рассказал об этом случае на заводе у себя.
И вот потом его сотрудники смеялись и поговаривали,
что когда проходят мимо Юркиного дома (так звали моего папу),
то говорили, что около колодца сидят мужики
с удочками и вылавливают этого сомёнка.
Не правда ли смешно?

«О! Жигулёвская земля!»

О, Жигулёвская земля,
Хранишь ты тайны и красоты!
Людская удаль и размах,
И Богом данные высоты.

Воспета в музыке, в стихах
И живописцем не забыта!
О, Жигулёвская земля,
Ну сколько ж тайн в тебе сокрыто?

Все созерцания красоты,
Приоткрывают тайны Божьи.
Полёт размаха, чистоты, -
Ты вдруг становишься дороже.

«Моя мечта»

Моя Мечта - касаться плеч твоих,
Моё стремленье - вместе! К небу! К Богу!
Давай поделим вечер на двоих,
И к вечности ведущую дорогу!

Пусть нелегко друг друга нам понять
И часто мы ругаемся с тобою,
Дружище! Дай же мне тебя обнять!
Ты дан мне Богом! Этого не скрою.

Я так люблю тебе стихи писать
И SMS пишу довольно часто,
Хочу я громко, громко прокричать:
"Моя беда - ты и моё ты - счастье".

«Мечты на радуге»

Радуга волшебная - к облаку мосток,
Подари мне радости и мечты глоток!
Я сижу на радуге, пью небесный сок,
Детство - время радости,
Сказка и восторг!

Покатай на радуге,
Эльф, - заветный друг.
Добрых снов и радостных,
Хоровод вокруг!

А в домике... наоблачном –
Пожить охота нам!
Там много игр! так хочется!
По всем резвиться дням...

Эти мечты доверчиво
Превратятся в явь,
Будем мы до вечера,
Ой, по небу ... вплавь!

«Жду Субботы!»

С понедельника жду я Субботы –
Сердце загнанной птицей в груди,
Будут снова болезни, заботы
И дорога в пять дней впереди.

На дороге той камни и кочки –
Коль ты с Богом - то легче идти,
Испытания ночки-денёчки,
Укрепят, друг, тебя на пути!

С понедельника жду я Субботы,
Но не стоит совсем унывать, -
Буду делать достойно работы,
И Творца моего призывать!

Я пишу очень просто, понятно,
Что и малые дети поймут, -...
Друг, без Бога жить - неприятно:
Грех и бедность в плен заберут!

«Квадрат Малевича»

Чёрный квадрат Малевича –
Очень непросто понять.
Чёрный квадрат Малевича –
Это Россия! - Мать.

Дороги и Судьбы разбиты,

Калек и сирот не сочтёшь.
Добро, Милосердые - забыты,
Россия! Куда ты идёшь?

Ведь вроде бы веруем Богу,
И вроде бы знаем Христа;
Но, выбрав кривую дорогу,
Скверним и сердца, и уста.

Встречаем счастливое "завтра"
И с гордостью помним "вчера".
Теряем любимых внезапно, -
Нас кружат шальные ветра.

Россия, любимая с детства,
Я с болью смотрю на тебя:
От дедов досталась в наследство —
Дай Бог тебе Мира, тепла!

Я верю в счастливое "завтра"
И смело шагаю вперёд:
Воспрянет Россия внезапно
И песню победы споёт!

«Облачный зефир»

Эй, гондольер, - куда спешишь,
Беспечно облака гоняя?
Ты этим ангелов смешаешь —
Коли бежишь к воротам рая!

"Как дивно плыть среди облаков
Здесь небо - вечности река,
Я стать романтиком готов
И звёзд касается рука..."

Плыву я вдаль к иным мирам,
Оставив тяжесть на Земле,
Небесным радуясь дарам
С улыбкой счастья на челе...

В тот час, когда вернусь, друзья,
Доставлю облаков "Зефир",
Где тайны звёзд и бытия,
Небесный где покой и мир"

«Свет от цвета души»

Нарисуй мне свет души —
Вот тебе карандаши!

Как изобразить его —
Всё от мозга твоего:

Если чёрен мозг, нечист, -
Дух твой, словно трубочист!

Коли в нём с утра бедлам
Или всевозможный хлам, -

Душу будет червь глотать,
Всё собою наполнять!

Если мозг твой освещён,
Ты мечтами окрылён –
То поёт твоя душа,
Ясно без карандаша...

Свет души ты не рисуй... –
Лучше с мозгом согласуй!

«Опустилась на город ночка»
Ночь и город слились в поцелуе –
Сколько нежности, страсти, тепла,
Тишины таинственной струи,
И кирпичных домов тела.

Огоньки в окошках мерцают
И у каждого счастье своё, -
Ночь по-разному все встречают
С нетерпением ждут её:

Кто устал ото дня трудового,
Ну, а кто-то залез в планшет,
А смотри - вон та парочка снова
Едет к Волге, что б встретить рассвет,

Ну, а мне бы к тебе прижаться –
Как рябине к дубу тому,
Словно в песне ветвями обняться,
Верной стать тебе одному!

Опустилась на город ночка,
Как рябины листик дрожу –
Обрывается мелкая строчка,
Со слезою в сердце пишу!

Следы минувшего

Рецензии

Поэт расстилает перед нами полотно повествования, подобного радуге.

Семь цветов цветового спектра по очереди вспыхивают перед читателем, озаряя каждую главу поэмы индивидуальной аурой, своим особым энергетическим свечением и темпо-ритмом мысли. Поэма предваряется эпиграфом, в качестве которого выбрана английская считалка, которая используется как мнемоническая фраза (**Мнемони́ка** (др.-греч. — *искусство запоминания*) для запоминания последовательности цветов радуги и цветов спектра («Каждый охотник желает знать, где сидит фазан» - красный, оранжевый, жёлтый, зелёный, голубой, синий, фиолетовый). Далее самое тело поэмы сотворено в форме Акrostиха (1). осмысленный текст (слово, словосочетание или предложение), сложенный из начальных букв каждой строки стихотворения; 2). литературная форма: стихотворение, в котором некоторые (как правило, первые) буквы каждой строки составляют осмысленный текст (слово, словосочетание или предложение). От античности и до средних веков выбор этой формы чаще связан с сакральными мотивами (читается имя Христа, Девы Марии и т. п.) И в данной поэме использование акrostиха не случайно: ведь автор раскрывает нам метафизический смысл – картину борьбы в мире плотского упрощенного начала с полётностью Духа. На протяжении шести глав автор показывает, как «Охотник» - человек бытового склада, скептик, олицетворяющий все наше материалистическое общество, пронизанное рационализмом явно или косвенно, пытается переделать Поэта, загасить в нем искру Духа: «Первый учит поэта забыть о прекрасном». При этом бытовой скептик не создает внезапных атак, он медленно, но верно губит поэта: «А охотник же давит терпением опасным». Поэта же не покидает жажда духовности, истины и красоты, и эту жажду автор очень тонко и точно кодирует метафорой «жаждет сапфир», имея в виду сине-фиолетовый цвет драгоценного камня – цвет ночных небес, цвет высшей сферы Духа; «Но каждый из нас просто жаждет сапфир, я говорю про

поэтов или просто писателей света». Однако, несмотря на то, что автор проводит четкое разделение между поэтами и «охотниками»- «Поэт хочет внести совершенство показать его в белой красе Охотник хочет простого блаженства от денег, от прочего...», но тут же он говорит и о том, что будущее нашего мира одинаково волнует и беспокоит обоих: «ЗНАТЬ же хочется и поэтам и людям И охотникам в том же числе Что же такое с миром тут будет? Каким же он будет во мгле?» И так, каково будущее мира? И где искать правды? В «голубой» главе автор вопрошает: «ГДЕ же искать правды в том мире У охотника или поэта?» и далее отвечает: «У каждого плюсы и минусы есть». В «синей» главе автор показывает все сложности, возникающие у поэта на дороге поиска своего индивидуального творческого пути: «И старается каждый поэт, остаться оригинальным - как будто маленький кадет хочет стать генералом». Но все-таки, несмотря на трудности, муки творчества и притеснения людей с бытовым типом мышления, «охотников», - несмотря на все тернии поэта ждет Успех и взлет вдохновения и собственного Духа к вершинам! В «фиолетовой» главе автор провозглашает полную победу Поэта! Начинается «фиолетовая» глава с прилета Вдохновения, сошествия Духа, метафорически названного Фазан: «ФАЗАН прилетает с мыслями, Как Лира – богиня поэтов»; автор подчеркивает, что «фазан прилетает с мыслями» - вдохновение приходит тогда, когда ты пишешь, не перестаешь писать, не отчаиваешься и не бросаешь стихосложение.

Упоминается в фиолетовой главе и частое непризнание поэта современниками: «И пусть не поймут его строки И пусть засмеют под конец, Но он же великий и точка Хоть через год, через два или век»; автор обращает наше внимание на то, что многие творцы, будь то поэты, писатели или художники получали свое признание уже посмертно, и главное здесь - верить в себя, свое творчество, верить в то, что ты сотворяешь! Ведь если вдуматься в строение этого слова, этого глагола «сотворить» - то что оно означает? Здесь есть приставка «со-», «со-творить»: творить с кем-то, в сотворчестве с Духом. Потому что всякий талант, и всякое вдохновение приходят вместе с Музой, это – волшебство, окрыление! Поэтому если человек начал писать стихи, получил такое желание, такой импульс – значит он одухотворен Музой, и не нужно беспокоиться о признании стихов, рано или поздно их оценят и обязательно признают! Очень интересно объясняет автор причину своего замысла - описать путь поэта символической радугой: «**И почему же название исходит к той радуге? - спросит читатель меня. А всё потому, что обычная радуга выходит после дождя - Дождя из слоёв той мысли**» Вот как интересно: «Дождя из слоёв той мысли» ! Автор говорит о напряженности мыслительного процесса поэта и о его переполненности эмоциями. И вот наконец тучи разверзаются, и эмоции хлынут в виде стихов. И после этого дождя выходит радуга - душевный катарсис поэта, отблеск которого порождает новые, еще более прекрасные стихи. Последние строки поэмы с праздничной интонацией предрекают Триумф сияющему дару поэта, который выстреливает и улетает в небесную высь подобно комете: «Мысль уходит к поэту А он облачает её в ту комету, Которая просто «выстрелит» вверх И поэт просто станет известен

И всё ожидает успех». Вот так, искрящаяся радостью Муза ведет поэтов к вершинам раскрытия своего дара!

О рассказе Юлии Скоркиной «Долг платежом красен»

На первый взгляд, современного читателя трудно удивить мистическими сюжетами, настолько обширен диапазон такой литературы, давно вторгающейся в нашу жизнь, во внутренний мир читателя.

Однако коренное отличие такой литературы в том, что она оторвана от реальности, читатель не проецирует события такого произведения на себя, не узнает себя в нем, а культивирует искусственные эмоции, тогда как в рассказе Юлии Скоркиной реальность присутствует не только как фон разворачивающихся событий, но и как суть этих событий, как-то главное, что сопровождается некой мистикой.

Автору удалось создать такой мистическо-реалистический сюжет, который увлекает своей достоверностью: кто из нас не жалел животных, кто из нас не видел нечто человеческое

в их глазах? Кому из нас не приходилось в жизни сталкиваться с завистью, недоброжелательством, и в то же время с добротой и человечностью?

Автор создает такую триединую реальность: война, люди, природа, и все это объединяется одной главной мыслью – жизнь без помощи, без взаимовыручки, без сочувствия, может превратиться в сумрачную бесконечную войну всех против всех, и хотя все в мире остается на своих местах, люди живут в своем мире, звери в своем, но что-то незримое соединяет их жизнь вместе, делает ее осмысленней и уютней, заставляет помнить и ценить добро во всех его ипостасях, и добро возвращается, через много лет, но возвращается. На этом и стоит наша жизнь. Следует отметить литературное мастерство автора, рассказ читается на одном дыхании, созданные образы выглядят живыми, не придуманными, вызывающими эмоциональный отклик, радость и негодование, а богатый словарный запас автора в сочетании с умением им пользоваться оставляет самое приятное впечатление. Думается, автор не раз порадует нас своими находками, пожелаем ей успеха!

Рецензия о творчестве Ольги Кириатти

Природа. Как много всего заложено в этом слове. Его нельзя до конца раскрыть, используя лишь литературные эпитеты. Каждый *logos* («начало») Природы своеобразен и многогранен. И автор это понимает, и показывает его с различных сторон. Каждое отдельно взятое стихотворение представляет собой свой собственный уникальный мир, который нельзя просто так коснуться, в него нужно погрузиться и прочувствовать на себе: где-то есть ожидание чего-то нового, великого, грандиозного. Ярким примером будет являться стихотворение: «Ночные сумерки», где Ночь – это театральная занавес, который вот-вот откроется, чтобы показать интересный дневной спектакль, и по его окончании, снова опустится, тем самым погружая всю Землю в ночные сумерки, и остаётся в «...Ожидании Земля с дождем в разлуке...». Ожидании светлого нового дня, будто «природное рондо». А где-то, наоборот, как в стихотворении «Декабрь» чувствуются аккорды грусти от того, что засыпает природа, и лишь «любопытный старый ворон заглядывает в ноты декабря».

И в то же время, Автор старается не ограничиваться в рамках одной «природы», о чём свидетельствуют стихотворения: «Горький ветер хризантем», «...Синими очами смотрит Солнце...» и «Огонь», в которых есть и любовь, и размышления, и даже мифологическая составляющая... Тем самым, автор показывает свою многогранность, уникальность и особенность на поэтической стезе. Это дар, который невозможно утаить!

Герман Иванов.